ЗАПИСКИ

РУФИНА

ПІОТРОВСКАГО

РОССІЯ И СИБИРЬ

1843—1846

NORRKOEPING

ERIC BIORNSTRÖM

1863

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Вмѣсто предисловія 1

I

Парижъ. Счастливое знакомство въ госпиталѣ 1

II

Мой паспортъ. Переговоры съ эмиграціей. Приготовленіе къ отъѣзду. Мои средства и планъ. Путешествіе до Вѣны 8

III

Пестъ. Свиданіе съ Кошутомъ 11

IV

Отъ Песта до Подоліи. Карпаты. Русская граница 17

V

Новосильцы. Таможня. Каменецъ Подольскій 20

VI

Пребываніе въ Каменцѣ. Позволеніе остаться тамъ. Я дѣлаюсь учителемъ французскаго языка. Непріятности этого положенія. Тогдашнее состояніе этой провинціи. Злоупотребленія русскихъ чиновниковъ 24

VII

Возвращеніе изъ Бессарабіи. Моя тайна дѣлается извѣстною. Происки чиновниковъ. Опасность. Отчего я не бѣжалъ 30

VIII

Арестъ. Начало слѣдствія. Показанія другихъ. Подлость Нитовскаго и Лещинскаго 34

IX

Слабость характера другихъ обвиненныхъ. Мое признаніе и показанія 42

X

Отъѣздъ изъ Каменца. По дорогѣ въ Кіевъ. Меня заковываютъ въ цѣпи. Прибытіе въ Кіевъ 49

XI

Кіевская цитадель. Генералъ губернаторъ Бибиковъ 58

XII

Слѣдственная комиссія. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей. Устройство тайной полиціи въ Россіи 70

XIII

Новыя показанія противъ меня. Мое защищеніе. 78

XIV

Что значитъ царская милость. Свидѣтельствованіе меня и взятіе примѣтъ. Приговоръ обвиненнымъ со мною. Я передъ военнымъ судомъ и осужденъ на пожизненную каторжную работу въ Сибири. 83

XV

Отъѣздъ изъ Кіева. Мои жандармы. Дорогой — въ Малороссіи и русскихъ губерніяхъ 92

XVI

Партіи ссыльныхъ. Разныя встрѣчи и дальнѣйшая дорога до Омска. Декабристы 98

XVII

Омскъ — и окончательное назначеніе. Екатерининскій заводъ. Пріѣздъ туда и пріемъ тамъ 103

XVIII

Моя работа и мои товарищи. Обхожденіе со мною чиновниковъ. Работа въ канцеляріи. Поселеніе. Нашъ образъ жизни . . . 111

XIX

Сибирское войско. Поселенцы. Нерчинскіе рудники. Сосланные Поляки. Петръ Высоцкій. Священникъ Сѣроцинскій и его товарищи. 124

XX

Приготовленія къ бѣгству. Препятствія. Бѣгство черезъ Тару, Ирбить и Верхотурье до Соликамска. 136

XXI

Путешествіе отъ Соликамска черезъ Чердынь, Кай, Великій Устюгъ, и потомъ по Двинѣ, въ Архангельскъ 147

XXII

Дальнѣйшее путешествіе черезъ Онегу, Вытегру, и Новую Ладогу. Петербургъ. Отъѣздъ въ Ригу. 156

XXIII

Дальнѣйшее путешетвіе по Курляндіи. Граница. Побѣгъ черезъ нее. Кенигсбергъ, гдѣ я попадаюсь въ прусскія лапы 167

XXIV

Голубая башня. Новые допросы. Тюремное заключеніе. Свобода. Еще опасность. Франція 175

Желая познакомить русскихъ читателей съ записками польскихъ изгнанниковъ и біографіей польскихъ мучениковъ, мы предприняли перевести или сократить съ польскаго самыя замѣчательныя изъ нихъ. Читая эти записки и біографіи, каждый безпристрастный и образованный читатель убѣдится въ строгой истинѣ, откровенной простотѣ, наивной чистосердечности, съ какими онѣ написаны. Ни похвальбы, ни кичливости, ни фальшиваго безстрашія, ни выставки нечеловѣческой твердости и мужества не доищется въ нихъ самый злѣйшій и закоренѣлый врагъ Поляковъ. Любовь къ отечеству, горячая вѣра въ его будущность, доходящая часто до эксальтаціи, свойственной всѣмъ угнетеннымъ, глубокое религіозное чувство, зародившееся въ изгнаніи или казематѣ и поддерживающее узника въ самыя тяжкія и безотрадныя минуты его заключенія, незлобіе жертвы обреченной на закланіе, безпредѣльная преданность общему дѣлу, при которой чувство самосохраненія подавлено и забыто, истинный героизмъ, безъ утайки цѣною какой борьбы съ самимъ собою и какими страданіями онъ купленъ, чистосердечное описаніе страха и ужаса, съ которыми шелъ на допросъ и готовился къ пыткамъ несчастный узникъ, вотъ чѣмъ преисполнены записки и біографіи политическихъ дѣятелей и изгнанниковъ поль-

скихъ. Правда дышетъ въ каждомъ словѣ; она слышится и заявляетъ себя во всякой подробности, выдумать которую было бы невозможно. Чистосердечныя и откровенныя признанія льются изъ измученнаго и наболѣвшаго сердца страдальца и неотразимо наполняютъ состраданіемъ, уваженіемъ и удивленіемъ сердце читателя. Наиболѣе всего удивляетъ въ этихъ запискахъ чувство незлобія, отсутствіе ненависти, благородная признательность къ рускимъ чиновникамъ, солдатамъ, жандармамъ и простолюдинамъ, которые хотя однимъ словомъ или взглядомъ показали участіе или чѣмъ нибудь облегчили, по мѣрѣ возможности, положеніе обвиненнаго и осужденнаго. Способность прощать, выносить страшную кару безъ озлобленія и проклятія есть отличительная черта всѣхъ польскихъ страдальцевъ. Непримиримой ненависти къ русскимъ, неутолимой жажды мести мы не нашли въ этихъ запискахъ; презрѣніе и ненависть исключительно падаютъ на страшнаго деспота, чья желѣзная рука гнела такъ долго Польшу и Россію. Негодованіе и презрѣніе высказываются также въ отношеніи низкихъ исполнителей безпощадныхъ и жестокихъ приказаній Николая I, которые, утративъ всякое человѣческое чувство, какъ звѣри бросались на свою жертву и, истязавъ ее физически и морально, присуждали ее гнить въ казематахъ и рудникахъ. О такихъ извергахъ нельзя думать безъ содроганія!

Записки польскихъ изгнанниковъ, которыя мы предлагаемъ теперь публикѣ, дадутъ понятіе о томъ состояніи, въ которое ввергнута несчастная польская нація, угнетенная, задавленная, растерзанная, но не уничтоженная и не порабощенная! Польша можетъ приложить къ себѣ слова писанія: духъ мой бодръ! не прибавляя: плоть моя немощна; ибо и плоть ея въ лицѣ сыновъ и дочерей ея не

была и не есть немощна. Свято охранила она свой духъ отъ отчаянія, отъ позорнаго равнодушія къ судьбамъ своего отечества, и укрѣпила, и закалила его несокрушимую силу среди безпримѣрныхъ бѣдствій. Муки душевныя, муки тѣлесныя выносила она мужественно. Кровь сыновъ, женъ и малыхъ дѣтей польскихъ, заструившаяся еще такъ не давно по улицамъ и площадямъ Варшавы, свидѣтельствуетъ о мощи духа неотступающей ни передъ какимъ подвигомъ, чтобы заявить свою любовь къ отечеству. Любовь эта сказывается вездѣ и во всемъ и воспламеняетъ всѣ сердца польскія. Вотъ уже скоро полъ-вѣка, что нація эта отдаетъ лучшихъ и прекраснѣйшихъ дѣтей своихъ на жертву новому минотавру, петербургскому правительству! Не устаетъ минотавръ пожирать благородныхъ дѣтей Польши, не устаютъ они сами бросаться въ его разверзтую пасть, не устаютъ геройскія польскія матери, жены и сестры, подобно христіанкамъ древняго Рима, присутствовать при мученичествѣ милыхъ своихъ и воодушевлять ихъ. Часто, отдавъ уже мужа и сына, оплакавъ его потерю, съ блѣдностію на лицѣ, но твердостію во взорѣ, принимаются эти доблестныя женщины, не робѣя воспитывать послѣдняго сына въ той же любви къ отечеству. Онѣ готовятъ его на туже участь, на туже жертву, на тоже мученичество. Если мужъ, сынъ и братъ умерли въ казематѣ или въ тяжкихъ оковахъ, угасли въ рудникахъ, или что еще страшнѣе, погибли вынося варварскую казнь: сквозь строй, казнь приводящую въ содроганіе человѣческое сердце, польская мать и жена часто умираютъ подъ тяжестію этого креста, но за ними остаются другія женщины и твердо исполняютъ долгъ свой, воспитывая новыхъ сыновъ отечеству. Заранѣе обрекаютъ онѣ новую жертву деспотизму, поддерживаемому въ Польшѣ несмѣтной арміей,

лѣсами штыковъ, толстыми непробиваемыми стѣнами крѣпостей и тяжкими, до кости протирающими ноги и руки, оковами. Идутъ эти нескончаемыя вереницы благородныхъ дѣтей Польши по страшной дорогѣ, истекая кровью, истомленные, изнуренные, часто пыткой замученные, но гордые и сильные духомъ. Они идутъ въ сибирскіе снѣга, идутъ по тойже самой дорогѣ, по которой шли прежде нихъ и пойдутъ послѣ нихъ ихъ братья Поляки; — дорога протоптана, они увлажили ее своими слезами, утучнили своей кровью; они знаютъ это, но не падаютъ духомъ. Этимъ покупаютъ они въ будущемъ свою дорогую независимость. Не они, такъ дѣти ихъ будутъ свободны. Эта мысль ихъ поддерживаетъ, воодушевляетъ и помогаетъ имъ переносить тяжкія муки. И долго-ли будутъ толпы ихъ, которыя казаки гонятъ какъ стадо, ходить по этой страшной Владимиркѣ? Долго ли будетъ литься на улицахъ отъ ружья и штыка солдата, въ казематахъ отъ кнута палача, въ арміяхъ отъ шпицрутеновъ, ихъ невинная и праведная кровь? Долго-ли будутъ литься кровавыя слезы матерей и женъ? Долго-ли будутъ умирать эти женщины, когда исполнивъ долгъ гражданки, онѣ отдаютъ богу душу не будучи въ силахъ перенести потери тѣхъ, кѣмъ жило ихъ сердце. Долго-ли будутъ вопіять къ небу о справедливости эта невинная кровь, эти невинныя слезы, эти преждевременно угасшія жертвы? Мы спрашиваемъ это у васъ русскіе честные люди, мы спрашиваемъ это у васъ честныя русскія женщины. Всѣ мы повинны въ крови и слезахъ польскихъ мучениковъ и мученицъ. На насъ падаетъ кровь благородныхъ сыновъ Польши, на насъ падаютъ слезы матерей польскихъ! У всякаго изъ насъ, честныхъ людей русскихъ, есть средства противодѣйствовать такимъ вопіющимъ беззаконіямъ! У насъ есть слово, чтобы карать ихъ, у насъ

есть возможность заклеймить презрѣніемъ и отлученіемъ изъ нѣдръ общества всякаго, кто сдѣлался орудіемъ угнетенія, совершилъ жестокости и беззаконія, повинуясь коварному и жестокому петербургскому правительству. Вамъ честнымъ русскимъ женщинамъ принадлежитъ святое право иниціативы. Если бы каждая изъ васъ отказалась позволить переступить порогъ своего честнаго дома тому, кто запятналъ свое имя и свою честь участіемъ въ бойнѣ Варшавской и Виленской, участіемъ въ той разбойничьей шайкѣ, которая на правительственномъ языкѣ называется военнымъ судомъ, участіемъ въ ужасахъ застѣнковъ, гдѣ пытку и истязанія зовутъ допросомъ, то такихъ исполнителей было бы меньше и быть можетъ вовсе бы не было. Мало ли замучено несчастныхъ юношей и сѣдыхъ стариковъ? Спросите у Бибиковыхъ, Писаревыхъ, Долгорукихъ Трубецкихъ (Виленскихъ) что дѣлали они съ тѣми, которыхъ допрашивали и безъ суда судили. Спросите у Рожновыхъ, Абрамовичей, Кржижановскихъ, Платоновыхъ, Хрулевыхъ, Урусовыхъ (въ Радомѣ), Веймарновъ, Савастьяновыхъ, Назимовыхъ (въ Вильнѣ), Паномаревыхъ, Лидерсовъ, Мерхелевичей, Пильсуцкихъ, Шепелевыхъ, Вагнеровъ, Вороновыхъ, Рудановскихъ (въ Сувалкахъ), что дѣлали они съ тѣми, которыхъ допрашивали и безъ суда судили? И развѣ это все? Замучивъ взрослыхъ, русское правительство отбирало малолѣтныхъ дѣтей и размѣщало ихъ по корпусамъ. Тамъ всѣми возможными способами силилось оно растлить дѣтей и юношей, привить имъ всѣ пороки. Тамъ презрѣніе къ родной странѣ считалось добродѣтелью, тамъ, въ подражаніе римскимъ императорамъ, учили дѣтей, что царь земной богъ (Калигула и Неронъ тоже произвели себя въ боги); тамъ внушали имъ что шпіонить есть святая обязанность, а бить своихъ, стрѣлять

по безоружнымъ, по первому приказанію, священнѣйшій долгъ. Этими послѣдними правилами не успѣли развратить и заразить Поляковъ, но къ несчастію и стыду нашему заразили и развратили нашихъ соотечественниковъ и мы видѣли плоды такихъ внушеній въ селѣ Безднѣ, въ Пензѣ, у молодцевъ Дренякина и въ Варшавѣ у молодцевъ Хрулева. Чтобы вѣрнѣе достичь своихъ цѣлей, убивая духъ и разумъ дѣтей, измучивали и тѣло ихъ. Нещадно казнило правительство и учрежденныя имъ власти всякаго ребенка, у котораго мерцалъ лучъ мысли, билось сердце, горѣли глаза и кипѣла кровь. Всякаго, кто не повиновался немедленно и слѣпо, били розгами до безчувствія и часто до смерти. Вспомните засѣченныхъ дѣтей при Сухозанетѣ и Клейнмихелѣ. Какъ не понять послѣ этого почему въ Кіевѣ одна молодая женщина, когда къ ней вошелъ жандармскій полковникъ, чтобы взять сына воспитывать въ корпусъ, загородила его собою, прижавшись съ нимъ къ углу комнаты. Богатая несчастіями женщина оплакала уже сосланнаго отца, замученнаго мужа и у ней оставался только единственный восьми лѣтній сынъ. Его то защищала она отъ безчеловѣчнаго и безжалостнаго сбира, посланнаго Бибиковымъ: „Я не отдамъ сына, не подходите ко мнѣ, крикнула она полковнику жандарму—не отдамъ, лучше убью его!“ И не убьете и отдадите! сказалъ любезно улыбаясь полковникъ-жандармъ и довольный такимъ ловкимъ, кстати сказаннымъ словомъ, спокойно приближался къ своей жертвѣ. Въ изступленіи и безуміи несчастная мать выхватила ножъ, сверкнула имъ и вонзила его въ горло сына. Ребенокъ умеръ на мѣстѣ. Мать приговорили къ вѣчной каторжной работѣ—но преданіе (недавнее, но темное какъ всѣ темныя дѣла властей петербурскихъ), говоритъ что несчастная женщина сошла съ ума. Пусть ука-

жутъ намъ другое правительство въ Европѣ, не исключая и Турціи, которое бы достигло такихъ результатовъ въ XIX вѣкѣ: изъ нѣжной матери сдѣлать Медею!

А полковникъ-жандармъ? Вѣроятно на другой же день, въ блестящемъ собраніи, посреди улыбающихся ему женщинъ, разсказывалъ свои ревностныя дѣйствія для открытія измѣнниковъ (кому? чему?), говорилъ съ негодованіемъ о ихъ закоренѣломъ ожесточеніи, расписывалъ въ сильныхъ выраженіяхъ этого изверга-мать, убившую собственнаго, единственнаго сына. Находились слушатели, разряженныя слушательницы, находились руки которыя жали эту руку—и не поняли, что слушать эти разсказы равнодушно, безъ негодованія и протеста, значитъ пріобщить себя къ преступленію, совершенному полицейскимъ сыщикомъ, безчеловѣчнымъ исполнителемъ варварскаго повелѣнія. Находились и находятся еще теперь честные дома, гдѣ не стыдятся принимать за своимъ честнымъ столомъ, посреди честнаго семейства какого нибудь патентованнаго разбойника, не сознавая что предлагать ему хлѣбъ соль и честную руку значитъ не уважать самихъ себя и пятнять свою собственную честь и имя. Отъ того то среди насъ является столько лицъ, которыхъ грудь покрыта орденами, которые почтены высокими чинами, гордо подымаютъ голову и ходятъ глядя всѣмъ прямо въ глаза, будто руки ихъ не обагрены кровью, будто совѣсть ихъ не отягчена страшными дѣлами. Они въ правѣ думать, что за ними остается общее уваженіе, ибо ни одна рука не оттолкнула ихъ руки, ни одно приглашеніе не миновало ихъ, ни одно слово, сказанное прямо въ глаза, не заклеймило ихъ. Они можетъ быть и не знаютъ, а если знаютъ то пренебрегаютъ тѣми, которые за глаза говорятъ и разсказываютъ о нихъ не хорошее, пренебрегаютъ тѣмъ, что здѣсь и тамъ

слышутся горячіе и живые голоса, запальчиво и громко ихъ обвиняющіе. Какая имъ до этого нужда? На груди ихъ кресты, на визитныхъ карточкахъ чины, въ карманѣ аренды или патенты на жалованныя въ Самарѣ, Польшѣ, Саратовѣ, земли! А за что все это пожаловано? Кому какое до этого дѣло! Вотъ откуда происходитъ безнаказанность, съ которою совершаются въ Польшѣ и у насъ всѣ беззаконія. Петербурское правительство жалуетъ, жалуетъ щедро, а общество не казнитъ и не караетъ, а безмолвствуетъ! Мы, русскіе, говоримъ безпрестанно правительство, думая прикрыть отвлеченнымъ и широкимъ словомъ собственную несостоятельность, слабость, безсознательность и постыдное малодушіе. Но что такое правительство? Вѣдь оно не состоитъ изъ одного Александра Николаевича, который, не смотря на многіе свои недостатки, не только не кровопійца и не извергъ, но даже добрый человѣкъ, не способный самъ рубить безоружный народъ, колоть штыками дѣтей и женщинъ, засѣкать нагайками до полу смерти. Правительство не состоитъ тоже изъ однихъ министровъ, многіе изъ которыхъ люди честные и порядочные. Правительство это совокупность множества людей, занимающихъ видныя и не видныя мѣста, слѣдственно это значительная часть самаго нашего общества. Это цѣлыя тысячи, несмѣтныя стаи Бибиковыхъ, Писаревыхъ, Паскевичей, Назимовыхъ, Похвисневыхъ, Мухановыхъ, Лидерсовъ, Хрулевыхъ, Мерхелевичей и многихъ другихъ. За каждымъ изъ этихъ лицъ слѣдуетъ несчетная, какъ саранча, туча темныхъ, но ревностныхъ исполнителей. Вотъ они то опустошаютъ какъ моровая язва польскія семьи. Куда войдетъ такой вѣрный слуга царя тамъ слезы и трауръ. Тѣ изъ нихъ, которые набиваютъ свои карманы, менѣе страшны, отъ нихъ можно откупиться! Всѣ знаютъ, что

Поляки жившіе въ Кіевѣ, что вся Виленская и Подольская губерніи откупались долгое время отъ Писарева и другихъ, которые впрочемъ счастливо и успѣшно соединяли ремесло вора съ промысломъ разбойника. Надо замѣтить, что ревностный исполнитель солдатъ и ловкой взяточникъ чиновникъ, выгораживающій жертву, смотря по величинѣ принятой отъ нея суммы, выслуживаются одинаково скоро; имена ихъ почти неизвѣстныя вчера, становятся извѣстными нынче. Ревность ихъ къ службѣ, по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ, усугубляется и они наполняютъ Польшу ужасомъ и ненавистію, наполняютъ Россію темными, неопредѣленными о себѣ слухами, до тѣхъ поръ, пока какая нибудь славная битва, въ родѣ битвы въ церквяхъ св. Іоанна и св. Креста не прославитъ на вѣки ихъ имя и въ Россіи. Честь разбивать нагайками и прикладами лица женщинъ и таскать за ноги по мостовой безоружныхъ, умирающихъ отъ нанесенныхъ имъ ранъ людей, вдрукъ даетъ всеобщую извѣстность ихъ имени. Такъ сталъ, намъ русскимъ, извѣстенъ Герштенцвейгъ (слава богу, что имя немѣцкое, будто писать легче), котораго всѣ знали до тѣхъ поръ только за неуча, николаевскаго генерала, а послѣ взятія приступомъ церквей признали наконецъ за то, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ, за патентованнаго правительствомъ кондотьера.

Кромѣ губернаторовъ и генераловъ, сколько армейскихъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ (не говоримъ о солдатахъ, они въ своемъ родѣ тоже мученики), становыхъ, сотскихъ, казаковъ, башкировъ, киргизовъ, черкесовъ, которые наводнили Польшу и отличаются другъ передъ другомъ своею безчеловѣчною ревностію при исполненіи приказаній. Какъ знатно, не говоря объ убійствахъ, дуютъ они нагайками. Прочтите только письмо англичанина Ми-

челя, писанное къ лорду Росселю; это формальная жалоба на оскорбленія, нанесенныя англійскому подданному казаками и башкирами, которые избили его за то, что встрѣтили на улицѣ! Въ массѣ нашего общества слышатся часто неблагопріятные отзывы о Полякахъ. Эти отзывы осуждающіе цѣлую націю огуломъ происходятъ отчасти отъ невѣжества, отчасти отъ долголѣтнихъ внушеній петербургскаго правительства, которое видѣло свою прямую выгоду въ томъ, чтобы между двумя народностями русской и польской положить бездну вражды и обоюднаго отвращенія. Оно успѣло въ этомъ тѣмъ скорѣе, что историческія преданія еще живы и не надо было много усилій, чтобы подогрѣть воспоминаніе о прежней, старой борьбѣ и старыхъ раздорахъ. Кромѣ того, въ одной изъ частей нашего образованнаго общества, живъ еще, столько разъ намъ вредившій, предразсудокъ. Онъ опирается на мнимомъ такъ называемомъ величіи Россіи, которое понимается совершенно превратно и состоитъ только въ томъ, чтобы цѣною крови, общаго презрѣнія и негодованія всего образованнаго мира, сохранить неприкосновенно свои прежнія завоеванія, настоящія свои границы. Аргументъ обыкновенно такой: „мы проливали кровь нашу а теперь отдадимъ Польшу? какъ бы не такъ!“ Какъ будто изъ того что мы проливали кровь, желая захватить чужое, слѣдуетъ опять лить кровь, чтобы сохранить чужое. Что окажется въ результатѣ? Петербургское правительство наберетъ рекрутъ, отъ чего пол-Россіи обольется кровавыми слезами, погонитъ этихъ рекрутъ на границы; половина ихъ помретъ въ дорогѣ, другая половина погибнетъ на войнѣ отъ ранъ, лишеній и болѣзней; генералы наши надѣлаютъ тысячи глупостей, низостей и звѣрствъ, а чу-

ж о е, неправедно захваченное, все таки останется чужимъ и о т о й д е т ъ! Нечего сказать, завидные результаты!

Пусть русскіе читатели не смущаются и умѣютъ понять ненависть Поляковъ къ М о с к а л я м ъ, ненависть, которая не разъ высказывалась въ заграничныхъ журнальныхъ статьяхъ. Поляки не имѣютъ понятія о русскихъ; изъ русскихъ они знаютъ только начальниковъ, грабителей и изверговъ, которыхъ имъ присылаетъ петербургское правительство. Во время нашего долгаго пребыванія въ Варшавѣ, одинъ Полякъ, жившій въ Россіи и нѣсколько знавшій ее, говорилъ намъ: Въ Варшавѣ всякій негодяй — чиновникъ навѣрное русскій. Если изъ Петербурга назначали сюда, случайно или по ошибкѣ, порядочнаго человѣка, онъ не выживалъ у насъ трехъ мѣсяцевъ и подавалъ въ отставку. Зрѣлища тѣхъ ужасовъ, которые здѣсь совершаются, порядочный человѣкъ вынести не можетъ. Бываетъ и на оборотъ; если сюда попадется честный начальникъ, то само петербугское правительство недовольно имъ и смѣняетъ его. Какъ же хотятъ русскіе чтобы ихъ здѣсь любили; не надо тоже забывать, что русскіе-побѣдители, владѣютъ нашей страной по праву сильнаго — можно ли любить ихъ?“

Поляки не мстительны и доказательствомъ тому служитъ, что никто изъ русскихъ чиновниковъ наиболѣе ненавидимыхъ не былъ убитъ въ первые дни варшавскихъ смутъ, когда начальство растерялось. Впрочемъ, съ нѣкотораго времени, въ Польшѣ происходитъ поворотъ общественнаго мнѣнія; поляки поняли что русскіе генералы-солдаты, русскіе грабители-чиновники не суть представители всего русскаго общества, но только его тина и грязь. Поляки узнали, что умные и честные русскіе администраторы, умные и честные генералы упорно от-

казываются ѣхать управлять Польшею, ибо знаютъ, что правительство навяжетъ имъ роль варварскую и имъ надо будетъ или стать безчеловѣчными и безчестными, или отказаться отъ мѣста. Они отказываются, предоставляя Хрулевымъ и Лидерсамъ погребать въ Варшавѣ жалкіе остатки своей чести, которой впрочемъ, не признавала за ними Россія. Всѣ знаютъ, что Лидерсъ-необразованный, дикій солдатъ, взяточникъ и развратникъ, а Хрулевъ лакей и прихлѣбатель откупщика Кокорева. Поляки знаютъ теперь многое изъ нашей жизни и начинаютъ понимать что, въ Россіи надо различать правительство отъ общества. Имъ извѣстны незабвенныя намъ имена Пестелей, Рылѣевыхъ, Бестужевыхъ-Рюминыхъ, Лунинныхъ, Каховскихъ, Муравьевыхъ-Апостоловъ и другихъ. Поляки знаютъ теперь и то, что, когда нечестивая и безпощадная рука Николая прошлась въ 1825 году по всѣмъ семьямъ русскимъ и вырвала почти изъ всякой одного изъ ея членовъ, настало затишье, гробовое молчаніе, безразсвѣтная ночь, въ которой, по выраженію дорогаго русскимъ поэта, человѣкъ бродилъ пугливо, и одинъ звѣрь свободно рыскалъ.

Все хорошее заглохло и поросло быльемъ и тѣрніемъ; огромное поприще предстояло звѣрю и онъ принялся съ своими клевретами рыскать и пожирать все лучшее, все свѣжее и въ Россіи и въ Польшѣ. Только Россія содрогалась муками, страданіемъ и трепетомъ, а Польша содрогалась муками и страданіемъ, но была безтрепетна.

У насъ все замолкло; особенно испугались и притаились женщины; онѣ ужаснулись жертвъ, которыя были принесены ихъ матерями, послѣ роковаго 14 Декабря и поставили себѣ задачею воспитывать не людей и гражданъ, а чиновниковъ и пройдохъ, которымъ ставилось въ необхо-

димое условіе: сдѣлать карьеру всенепремѣнно. Безспорно, что изъ развращеннаго и безпутнаго общества всегда выдѣлялись лица благородныя, но они были нравственно забиты и молчали. Въ памятный намъ 48 годъ горсть благородныхъ юношей подняла свои головы и заявила о существованіи другаго слоя въ обществѣ, кромѣ солдатъ, чиновниковъ и рабовъ. Мы не знаемъ чего именно хотѣли сообщники Петрашевскаго и какая именно была цѣль ихъ. Дѣло главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что всѣ они не хотѣли существующаго порядка, ненавидѣли Николая, ненавидѣли и презирали его янычаръ и опричниковъ и пошли въ свою очередь наполнять глубокіе рудники Сибири, ея остроги, пошли засѣлять ея снѣжныя поля, степи Оренбурга и хребты Кавказа. Мы бы хотѣли для самоуслажденія, ради гордости нашего національнаго чувства, назвать эти почтенныя, милыя всякому русскому, преданному отечеству и свободѣ, имена, но не рѣшаемся назвать ихъ, хотя онѣ врѣзаны въ нашемъ сердцѣ. Вотъ трагическое русской жизни! Пишите на позоръ себѣ, Европѣ, своей родинѣ, имена Бибиковыхъ, Лидерсовъ, Хрулевыхъ, Назимовыхъ и не смѣйте назвать благородныхъ людей, пострадавшихъ за свободу отечества. Не надо поминать петербургскому правительству о тѣхъ, которыхъ оно, быть можетъ, позабыло, а то неравно хватится и будетъ судить ихъ заднимъ числомъ, какъ теперь судитъ Поляковъ въ Варшавѣ. Но мы, какъ и всѣ русскіе нашихъ лѣтъ, современники и ровесники этихъ благородныхъ сыновъ Россіи и знаемъ, что никто изъ русскихъ не позабылъ ихъ заслуги. Посреди нѣмотствующихъ и пришибенныхъ массъ, запуганнаго и задавленнаго народонаселенія, истлѣвшаго въ развратѣ высшаго общества, опьянѣвшаго въ дикомъ произволѣ чиновничества, они

одни подняли голову и не побоялись погибнуть. Они знали Николая I-го и пошли противъ него. Его желѣзная рука сокрушила ихъ безжалостно. Многіе изъ нихъ воротились къ намъ больные и измученные, или преждевременно состарившіеся. Они дороги намъ: это наша доблесть, наша гордость; ихъ именами мы можемъ похвалиться, говоря объ общемъ порабощеніи временъ Николая. Были у насъ и другіе люди, въ тоже самое тяжкое время. Иные, какъ благородный Герценъ, воротясь изъ изгнанія покинули отечество для того, чтобы служить ему издалека, свободнымъ, обличающимъ словомъ; другіе безвременно угасли убитые гражданской скорбію. Имена всѣхъ ихъ, мы, русскіе, хранимъ какъ святыню въ нашей памяти!

Но надо сказать правду: Польша въ этомъ отношеніи стала выше насъ. Эта горсть людей, въ сраженіи съ народонаселеніемъ Россіи, обильно снабжала сынами своими казематы крѣпостей и рудники Сибири, степи Оренбурга и арміи Кавказа. Непрестанно, всякій годъ шли Поляки одинъ за другимъ, гордые, истязанные, непреклонные и гибли, гибли сотнями. За ними до сихъ поръ выростаютъ другіе сыны отечества, готовые въ свою очередь погибнуть точно также. Честь и слава имъ! Въ неравномъ бою, при равнодушіи Европы и клеветѣ русскихъ (страшно и больно вымолвить, но какъ не сказать правду) они дѣлали и до сихъ поръ продолжаютъ дѣлать свое дѣло, преслѣдуютъ упорно свое освобожденіе. Варшавскія событія служатъ новымъ тому доказательствомъ.

Мы должны окончить эти строки тяжкимъ признаніемъ; намъ было крайне мучительно писать ихъ, но мы исполняемъ задачу взятую на себя, повинуясь необходимости, повинуясь сильному голосу вопіющему въ душѣ нашей. Мы русскіе! мы знаемъ что есть много русскихъ, въ средѣ

которыхъ нашъ голосъ найдетъ откликъ и сочувствіе; но знаемъ также что есть и такіе, которые не задумывались серьозно надъ положеніемъ и дѣлами Польши. Это не черствые, но только невнимательные люди. Въ душѣ ихъ есть искра, которую можно раздуть. Они поймутъ какъ грязно, омерзительно и человѣконенавистно быть слугою произвола и солдатской расправы, быть истязателемъ и палачемъ: а вѣдь петербургское правительство навязываетъ всѣмъ намъ эту ненавистную роль въ отношеніи къ Польшѣ. Пусть всякій честный русскій, служащій въ Польшѣ, заглянетъ въ тайникъ своей совѣсти, прислушается къ ея голосу и пойметъ его. Этотъ голосъ скажетъ ему истинную правду, онъ заставитъ его бѣжать изъ Польши, съ этой арены, гдѣ подвизаются храбрые русскіе генералы, воюющіе съ остатками націи, растерзанной звѣриными когтями Николая, стрѣляющіе въ безоружный народъ, закалывающіе женщинъ и дѣтей. Тѣ изъ русскихъ, которые, по милости божіей или по благосклонности рока, далеки отъ мѣста подвиговъ Хрулевыхъ, Назимовыхъ и компаніи, пусть вспомнятъ, что въ Польшѣ у нихъ есть дѣти, родные, или друзья и знакомые. Пусть они вызовутъ ихъ оттуда или отвернутся отъ нихъ съ презрѣніемъ и негодованіемъ, ибо они позорятъ народную честь нашу, марают кровью и грязью имя русское. Всякій, у кого въ груди бьется честное сердце, у кого въголовѣ есть умъ, неотуманенный теоріями солдатскаго самоуправства, пойметъ какъ унизительны и позорны для всей нашей націи неистовства арміи и беззаконія и жестокости администраціи въ Польшѣ. Записки изгнанниковъ и ссыльныхъ познакомятъ русскихъ съ страданіями поляковъ и познакомятъ ихъ со многимъ, чего до сихъ поръ они не знали, о чемъ мало имѣли понятія. Описаніе тѣхъ невыносимыхъ бѣд-

ствій, которыя поразили каждое почти польское семейство, наведетъ русскихъ читателей на тяжкія, но небезполезныя размышленія. Говоримъ утвердительно, съ знаніемъ дѣла, по совѣсти, безъ преувеличенія, что нѣтъ почти ни одного семейства въ Польшѣ, въ которомъ бы не нашлось жертвы. Мужъ или братъ, сынъ или дядя, или наконецъ дѣдъ заплатили неволею въ крѣпости, оковами, шинелью солдата, или курткой каторжника за свою неохладѣвающую, неизмѣнную, горячую любовь къ дорогому отечеству. Долго ли будемъ мы палачами этого благороднаго и несчастнаго народа?....

Изданіе въ свѣтъ записокъ и біографіи польскихъ страдальцевъ имѣютъ еще и другую цѣль. Мы бы желали чтобы молодые люди наши, прочитавъ страницы преисполненныя любви къ отечеству, научились воздавать честь и почетъ тѣмъ, которые безвѣстно, одинъ послѣ другаго, умирали за независимость, свободу и благо родины, чтобы, одушевленные тѣми же чувствами, приготовились въ случаѣ нужды итти безтрепетно на мученія и казнь за тоже святое дѣло.

ВЕЛИКОРУССЫ.

I

Парижъ. Счастливое знакомство въ госпиталѣ.

Послѣ польскаго возстанія 1830 года, множество Поляковъ эмигрировало во Францію; изъ нихъ образовались двѣ партіи: аристократическая и демократическая. Я принадлежалъ къ послѣдней. Самый главный принципъ этой партіи состоялъ въ томъ, чтобы довѣриться собственнымъ силамъ націи, ибо эти силы были и будутъ достаточны для сверженія чужаго ига; все дѣло состояло въ томъ чтобы съумѣть вызвать эти силы наружу. Изъ этого принципа вытекалъ естественно другой: дѣйствовать въ самой Польшѣ для ея освобожденія. Полковникъ Жозефъ Заливскій былъ первымъ изъ тѣхъ, которые взялись привести эту мысль въ исполненіе. Въ 1833 году, онъ выѣхалъ изъ Франціи въ Польшу и первый указалъ ту дорогу, по которой пошли Поляки, отыскивая свою свободу и мученической смертію выкупая будущую независимость. Такъ погибли Завиша, Воловичъ и ихъ товарищи, а позднѣе Леонъ Залѣвскій, Симонъ Конарскій, Робертъ Хмѣлевскій и другіе. Я раздѣлялъ и теперь еще раздѣляю главныя убѣжденія демократической партіи; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я соглашался съ ея способомъ дѣйствій. Я стремился дѣй-

ствовать въ Польшѣ; я желалъ быть посланнымъ туда, одинъ или съ товарищами, только съ однимъ условіемъ: дѣйствовать, какъ я найду лучшимъ, по своему собственному разумѣнію, а не по волѣ тѣхъ, которые издали взялись управлять мною. Я только и мечталъ, что о Польшѣ; преслѣдованія продолжавшіеся послѣ ареста и смерти Заливскаго нисколько не поражали меня; я былъ увѣренъ, что для достиженія великой цѣли потребуются и великія жертвы и что купить свободу Польши нельзя было одной мученической смертію. Я былъ спокоенъ и твердо рѣшился ѣхать туда.

Я жилъ въ Турѣ, занимался чтеніемъ книгъ, политикой нашей эмиграціи и думалъ о пріисканіи средствъ, которыя дали бы мнѣ возможность поѣхать въ Польшу и ея провинціи, особенно въ Подолію, гдѣ я родился. Достать себѣ паспортъ не представляло особенной трудности; но пріѣхать въ почти незнакомый край, съ которымъ съ 1830 года я не имѣлъ никакихъ сношеній, въ самое время жестокихъ преслѣдованій и при постоянномъ надзорѣ зоркаго правительства, казалось почти невозможнымъ. Недовѣрчивость овладѣла всѣми жителями и еслибъ я открылся кому нибудь, повѣрили ли бы мнѣ? И кому могъ я довѣриться, не будучи ни съ кѣмъ коротко знакомъ? могъ ли бы я негодовать на того, который, по слабости характера или изъ боязни выдалъ бы меня жестокому правительству и такимъ образомъ уничтожилъ бы въ самомъ зародышѣ всѣ мои намѣренія? Разсуждая такимъ образомъ я пришелъ къ заключенію, что мнѣ надо сыскать товарища, имя котораго было бы ручательствомъ для моихъ соотечественниковъ и могло бы внушить всякому изъ нихъ полную ко мнѣ довѣренность. Въ этихъ видахъ открылся я Андрею Гавронскому, извѣстному своею привязанностію къ

нашему народу; онъ одобрилъ мои планы, выбралъ двухъ братьевъ Ксаверія и Вацлава Городынскихъ и всѣ мы отправились въ Парижъ къ Михайлу Ходзько, который, какъ мы надѣялись, могъ достать мнѣ паспортъ. Ходзько сначала не видѣлъ въ этомъ особенной трудности, но черезъ нѣсколько дней объявилъ намъ, что полиція такъ зорко слѣдитъ за Поляками, что ему невозможно достать паспорта, тѣмъ болѣе, что въ Парижѣ находится множество русскихъ шпіоновъ *), которые посредствомъ подкуповъ не замедлятъ узнать о нашихъ намѣреніяхъ и донесутъ обо всемъ своему правительству. Тогда я отправился къ полковнику Рожицкому, извѣстному и славному предводителю Волынскаго ополченія. Полковникъ зналъ меня съ хорошей стороны; онъ не сомнѣвался во мнѣ и долго говорилъ со мною, называя мнѣ тѣхъ, на кого можно было надѣяться. Я замѣчалъ, что разговаривая онъ безпрестанно задумывался и впадалъ въ уныніе. Наконецъ слезы заблестѣли въ глазахъ его и онъ сказалъ мнѣ вздыхая: „До меня дошло, передъ самымъ твоимъ приходомъ, печальное, хотя еще не совсѣмъ достовѣрное, извѣстіе, что будто Симона Конарскаго схватили около Вильны. Не хочу еще вѣрить этому; это было бы ужасно. Скоро однако я узнаю навѣрное; если его взяли, то тебѣ не зачѣмъ ѣхать. Бдительность полиціи удвоится, розыски и преслѣдованія возобновятся съ ожесточеніемъ; тебѣ въ случаѣ нужды негдѣ будетъ укрыться, ибо не смотря на самое искреннее желаніе спрятать тебя никто не будетъ въ состояніи и не посмѣетъ сдѣлать этого. Погубить другихъ безъ пользы для нашего дѣла ты самъ не захочешь. Если-же извѣстіе

*) Ихъ и теперь еще очень много; но они наблюдаютъ уже не за одними Поляками, но и за всѣми вообще Русскими.

ложно и Конарскій не схваченъ, то тебѣ можно будетъ въ непродолжительномъ времени отправиться. Поѣзжай теперь въ Туръ и ожидай тамъ письма отъ меня; я извѣщу тебя что дѣлать.“ Я воротился въ Туръ и черезъ двѣ недѣли получилъ письмо отъ Рожицкаго, который писалъ мнѣ, что Конарскій дѣйствительно взятъ, что многіе жители края совершенно скомпрометированы и находятся въ опасности. Такимъ образомъ, намѣреніе мое ѣхать въ Польшу несбылось, но я твердо надѣялся на будущее и съ упорствомъ продолжалъ думать о своемъ путешествіи. Между тѣмъ въ Польшѣ, въ особенности въ Литвѣ и Подоліи, крѣпости наполнялись новыми жертвами; скоро вѣсть о страшныхъ мукахъ, какія только одна дикость можетъ изобрѣсти, и потомъ о геройской смерти Симона Конарскаго, о ссылкѣ въ Сибирь и разжалованіи въ солдаты множества Поляковъ пробѣжали по всей Европѣ и наполнили сердца польскихъ эмигрантовъ несказанной и неописанной горестію. Это былъ новый общій трауръ, который постигъ вмѣстѣ съ другими и меня. Послѣ смерти Конарскаго и несчастій, которыя повела она за собою въ Польшѣ, многіе упали духомъ. Я сосредоточился, уединился и принялся отыскивать причины нашихъ бѣдствій. Результатомъ этого состоянія души моей было обращеніе къ Богу, подпорѣ угнѣтенныхъ и преслѣдуемыхъ, защитника всѣхъ несчастныхъ. Я принялся читать Евангеліе; первая прочитанная мною страница пробудила во мнѣ чувство, которое трудно описать. Мнѣ казалось: будто я нашелъ стараго друга; мнѣ припомнились счастливые дѣтскіе годы и любимая милая матушка, объясняющая мнѣ, бывало, правила, приказанія и ученіе священной книги. Кто сосалъ грудь матери, кто испыталъ тѣ нѣжныя ласки, которыя она расточала, давая своему ребенку совѣты и спасительныя увѣ-

щанія и кто, забывъ все это, отдался безвѣрію, а потомъ, вспомнивъ мать, обратился снова къ религіи, тотъ пойметъ, на сколько я былъ несчастенъ, потому что не остался на всегда вѣрнымъ внушеніямъ матери и внутреннему религіозному чувству. Я горько упрекалъ себя и твердо убѣдился, что надо молиться, а потомъ съ Божіей помощью посвятить всѣ силы свои и даже жизнь моему отечеству. Годы шли; я становился печальнѣе и тосковалъ больше чѣмъ прежде, страстно, горячо желалъ я увидѣть родимую сторону, эту святую для меня землю польскую. Уже 10 лѣтъ жилъ я во Франціи и лучшіе годы жизни своей провелъ въ ней, но не могъ привыкнуть ни къ обществу, ни къ обычаямъ, ни къ роду жизни. Между Французами я зналъ добрыхъ и благородныхъ людей, и любилъ ихъ; меня принимали во многихъ домахъ какъ члена семейства; я былъ благодаренъ, но мнѣ никогда не приходило въ голову, что я могу остаться тутъ на всегда. Чѣмъ больше жилъ я во Франціи, тѣмъ больше тосковалъ по Польшѣ, тѣмъ больше чувствовалъ что я чужой на гостепріимной французской землѣ. Святая любовь къ родинѣ! За одну минуту счастья увидѣть отечество, за самую смерть на землѣ польской я отдалъ бы всѣ наслажденія свѣта и жизни!

Я обратился снова къ вліятельнымъ въ эмиграціи людямъ, умоляя ихъ послать меня эмиссаромъ въ Польшу; мнѣ обѣщали, но годъ прошелъ безъ всякаго рѣшенія. Я терзался, мучился, умиралъ отъ нетерпѣнія и тоски, наконецъ занемогъ и долженъ былъ помѣститься въ больницѣ De la pitié, находящейся въ Парижѣ около ботаническаго сада.

Я лежалъ въ больницѣ около шести недѣль и не мало дивился терпѣнію, милосердію, преданности и кротости се-

стеръ милосердія, которымъ приходилось выносить самые странные и тяжелые капризы больныхъ. Въ этой больницѣ лежало много и моихъ соотечественниковъ; обыкновенная болѣзнь эмигрантовъ была: или помѣшательство или чахотка. Это было раздирающее душу зрѣлище; казалось они не чувствовали страданій, которыя быстро приближали ихъ къ смерти; но не могли помириться съ мыслію, что имъ приходится умереть вдали отъ родины и не за нее. Они съ жаднымъ любопытствомъ и участіемъ разспрашивали о извѣстіяхъ пришедшихъ оттуда, о томъ нѣтъ ли надежды въ будущемъ и умирали, произнося имя отчизны. Кто не видалъ этого, тотъ не пойметъ всей тоски, всей муки польскаго изгнанника, той любви къ родинѣ, которую онъ уносилъ съ собою за могилу!

Пораженный зрѣлищемъ этой тоски и страданій, свидѣтель смерти тѣхъ, кто лежалъ около меня, измученный собственными мрачными мыслями, я впалъ въ меланхолію. Мнѣ чудилось, что смерть скоро постигнетъ и меня, прежде чѣмъ я успѣю сдѣлать что нибудь для отечества, что я умру далеко отъ него и отъ родныхъ моихъ и слезы выступали на глаза мои. Посѣщеніе ксёндза успокоило меня отчасти; онъ принесъ мнѣ книгъ; но я, признаюсь, не былъ въ состояніи заняться чтеніемъ. Сестры милосердія принесли мнѣ тряпокъ, чтобы дѣлать корпію и я занялся этимъ, чтобы сдѣлать имъ угодное и быть чѣмъ нибудь полезнымъ. Самъ я страдалъ больше нравственно, чѣмъ физически.

Случилось, что въ больницѣ лежалъ вмѣстѣ со мною Американецъ; мы скоро сошлись и часто бесѣдовали очень искренно. Однажды онъ сказалъ мнѣ: я вижу, что вы ужасно тоскуете по родинѣ и увѣренъ, что если бы вамъ была возможность воротиться туда, вы бы тотчасъ ей вос-

пользовались. — Конечно отвѣчалъ я, я бы за это отдалъ полъ-жизни. Но вѣдь это невозможно и нечего думать объ этомъ. „Не такъ трудно, какъ вы воображаете, возразилъ онъ, старайтесь только выздоровѣть, а потомъ мы поговоримъ объ этомъ.“

Вы шутите, или просто говорите это для того, чтобы утѣшить меня, сказалъ я.

Есть у васъ деньги? спросилъ онъ.

Очень мало — нѣсколько франковъ.

Ну, это дѣйствительно мало, однако увидимъ.

Сказавъ это, онъ оставилъ меня; тонъ, съ которымъ онъ говорилъ, выраженіе лица его, даже пониженіе голоса, изъ боязни чтобы кто нибудь не подслушалъ насъ, ручались мнѣ что онъ не шутитъ. Я всталъ съ постели пошелъ къ нему, и принялся горячо увѣрять, что совсѣмъ здоровъ, что надежда увидѣть отечество дала мнѣ новыя силы, что болѣзнь моя не физическая, а нравственная. Жаръ и увлеченіе, съ которыми я говорилъ, испугали его; онъ былъ увѣренъ что я въ бреду, просилъ меня успокоиться, воротиться въ свою комнату, и я горячо благодарилъ Бога за возникшую надежду увидѣть отечество. Американецъ слѣдилъ за мною и узнавъ, черезъ нѣсколько дней, что мнѣ дѣйствительно лучше и что я просилъ доктора выписать меня изъ больницы, сказалъ мнѣ: „Приходите ко мнѣ черезъ три, или четыре дня — все будетъ готово; принесите пять франковъ; надо было бы взять съ васъ больше, но такъ какъ я вижу, что вы не имѣете денегъ, то я удовольствуюсь и этимъ.“

II

Мой паспортъ. Переговоры съ эмиграціей. Приготовленіе къ отъѣзду. Мои средства. Мой планъ. Путешествіе до Вѣны.

Такимъ образомъ я досталъ себѣ англійскій паспортъ, на имя купца Жозефа Катаро, родомъ изъ Мальты. Паспортъ былъ совершенно правиленъ и взятъ на проѣздъ въ Константинополь. Я говорилъ не много по итальянски и ни слова по англійски; но это ничего не значило, такъ какъ въ паспортѣ было сказано что я уроженцъ Мальты. Я намѣревался пріѣхать въ Константинополь для того, чтобы избѣжать зоркихъ глазъ французской полиціи, которая тщательно слѣдила за эмигрантами. Изъ Константинополя мнѣ легче было бы визировать свой паспортъ въ Россію, или даже перемѣнить его на другой.

У меня не было денегъ и я обратился опять къ нашимъ вліятельнымъ эмигрантамъ, но они отвѣчали мнѣ, что мои намѣренія не поведутъ ни къ чему хорошему, что въ нашемъ краѣ начинается теперь движеніе, которое можетъ быть подавлено преждевременно, если откроется что я эмигрантъ; что мнѣ даютъ обѣщаніе скоро послать меня туда, но не въ сію минуту и что деньги они теперь не имѣютъ. Я отвѣчалъ что найду деньги и поѣду на свои собственныя, но прошу писемъ и рекомендаціи, которыя бы внушили довѣренность ко мнѣ; но и въ этомъ мнѣ было отказано, что меня очень оскорбило. Я не могъ никогда предполагать такаго ко мнѣ недовѣрія, ничѣмъ не заслуженнаго. Теофилъ Высоцкій, память котораго я свято почитаю, старался отговорить меня отъ моего намѣренія, но такъ какъ онъ не привелъ на это никакой важной причины и не открылся въ своихъ планахъ, то нисколько и не убѣдилъ меня. Я твердо рѣшился: будь что будетъ, а я поѣду въ Польшу.

На другой день я визировалъ свой паспортъ, но когда пришелъ во французское министерство иностранныхъ дѣлъ, то съ ужасомъ увидѣлъ что на паспортѣ моемъ подлѣ печати стояли роковыя слова: Valable pour se présenter à la police. Въ полиціи я былъ хорошо извѣстенъ за поляка и имѣлъ тамъ множество знакомыхъ; итти туда съ паспортомъ, на имя англійскаго подданнаго Катаро, было немыслимо. Я думалъ не долго и смѣло залилъ мѣшавшую мнѣ фразу чернилами.

Надлежало подумать о деньгахъ. Французское правиское правительство помогало эмигрантамъ, или единовременнымъ пособіемъ, или небольшой пенсіей.

Я отказался отъ пенсіи и требовалъ единовременнаго пособія; оно состояло изъ ста франковъ, которые и были мнѣ въ скоромъ времени выданы. Отъ моей пенсіи у меня осталось 20 франковъ, другіе 30 получилъ я отъ г-жи Заливской, которой я открылся чистосердечно; такимъ образомъ набрало у меня 150 франковъ, съ которыми я и выѣхалъ въ Страсбургъ въ 1843 году, въ Январѣ мѣсяцѣ. Въ Страсбургѣ пробылъ я не долго и спѣшилъ ѣхать черезъ Германію въ Вѣну. Въ дилижансѣ ѣхалъ со мною одинъ Валахъ по имени Діаманди, котораго я видѣлъ раза два въ Версали, у одного моего знакомаго Поляка. Я только о томъ и заботился, чтобы онъ не узналъ меня. Къ несчастью, поговоривъ со мною, онъ вдругъ спросилъ меия: „Мнѣ сдается, что я гдѣ то видѣлъ васъ.“ Очень можетъ быть, отвѣчалъ я.

Какъ ваше имя?

Катаро.

Такъ нѣтъ: я видѣлъ Поляка и имя его было польское, и кончалось на скій, какъ всѣ почти польскія имена. Онъ

и бороды не носилъ, но вы удивительно похожи на него — и голосъ такой же.

Это часто случается возразилъ я; иногда встрѣчаются люди чрезвычайно похожіе другъ на друга.

Затѣмъ мы разговорились о Валахіи; мой спутникъ былъ горячій патріотъ и сильно не любилъ Россію, боясь ея владычества въ Валахіи. Онъ оплакивалъ зависимое положеніе своего отечества и много говорилъ о его прежнемъ значеніи, о своей народности и прошлой славѣ. Въ Ульмѣ я разстался съ моимъ спутникомъ и спѣшилъ въ Вѣну. На рѣкѣ Иннѣ увидѣлъ я австрійскую крѣпость. Тамъ изнывали въ заключеніи нѣсколько моихъ соотечественниковъ. Я вспомнилъ о Сильвіо Пеллико и его страданіяхъ. Сердце мое сжалось; чего бы я не далъ, чтобы быть въ состояніи увидѣться съ узниками, подать имъ вѣсть о родныхъ, сказать нѣсколько словъ утѣшенія, сказать, что и я Полякъ, братъ ихъ, что и я терплю и страдаю за нихъ и за мою родину. Горячія слезы заструились по лицу моему и месть охватила сердце. Долго, долго тяжкія чувства разрывали его; я не могъ оторвать глазъ отъ стѣнъ крѣпости, не могъ оторваться душою и сердцемъ отъ этой каменной твердыни, за которою страдали и гибли братья мои; точно я предчувствовалъ, что точно такая же участь должна была постигнуть меня.

Я благополучно пріѣхалъ въ Вѣну и рано утромъ отправился въ полицію. Полицейскій комисаръ долго разсматривалъ мой паспортъ и приглядывался ко мнѣ. Признаюсь, что я не былъ спокоенъ во все время этого осмотра.

Отчего вы не поѣхали въ Константинополь прямо черезъ Марсель? спросилъ у меня комиссаръ.

Въ эту пору морское путешествіе тяжело, отвѣчалъ я;

притомъ мои торговыя дѣла требовали моего присутствія въ Германіи.

Онъ сдѣлалъ мнѣ еще нѣсколько вопросовъ и далъ позволеніе остаться въ Вѣнѣ только три дня, а почему не объяснилъ мнѣ. Я былъ такъ близко отъ Польши, что желаніе видѣть ее скорѣе возродилось во мнѣ съ несказанною силою; но у меня не было ни денегъ, ни времени и я подавилъ это желаніе, и рѣшился ѣхать прямо въ Пестъ. Небольшая сумма денегъ, которою я обладалъ сильно уменьшилась; мнѣ надо было соблюдать сильную экономію. Я приговорилъ простаго извощика и отправился съ нимъ на долгихъ.

III

Пестъ. Свиданіе съ Кошутомъ.

Сердце мое радовалось, проѣзжая славянскими землями; самая рѣчь Руссиновъ, столь похожая на мою родную рѣчь, была пріятна мнѣ и видъ славянскихъ домиковъ и деревни напоминалъ мнѣ безпрестанно Польшу, куда я стремился съ такимъ нетерпѣніемъ.

Пріѣхавъ въ Пестъ, я ужъ не выдавалъ себя за купца, а за учителя французскаго языка и тѣмъ, кто видѣлъ мой паспортъ, говорилъ, что я раззорился и теперь принужденъ вырабатывать хлѣбъ свой, давая уроки. Тогда Кошутъ стоялъ во главѣ Венгерской журналистики и управлялъ движеніемъ всей страны; каждое его слово, всякая его мысль становились закономъ для Венгерцевъ; особенно молодежь совершенно отдалась ему — коротко сказать: Кошутъ былъ божествомъ Венгріи. Я желалъ видѣть его и говорить съ нимъ, но всѣ тѣ, съ которыми я успѣлъ познакомиться въ Пестѣ, отвѣчали уклончиво на просьбу

мою быть ему представленнымъ. Сильно былъ я опечаленъ и смущенъ невозможностью видѣть Кошута; но, разсудивъ, устыдился своего малодушія и недостатка смѣлости и рѣшился идти къ нему прямо. Я вошелъ въ редакцію, гдѣ нѣсколько молодыхъ людей сидѣли за письменными столами и спросилъ: могу ли видѣть Кошута? Мнѣ отвѣчали, что онъ занятъ, но черезъ нѣсколько времени будетъ свободенъ и приметъ меня. Ожидая его, я увидѣлъ на стѣнахъ комнаты портреты великихъ людей всѣхъ почти странъ. Тутъ висѣли на стѣнахъ: Вашингтонъ и Боливаръ, съ надписью внизу: ingrata patria, и Лафайетъ и даже Казиміръ Перье, Тьеръ, Дюпенъ, Созе и Можень. Но къ сожалѣнію, въ этомъ собраніи я не доискался ни Костюшки, ни Домбровскаго, ни Жозефа Понятовскаго. Мнѣ стало досадно и больно, но въ эту самую минуту мнѣ сказали, что Кошутъ ожидаетъ меня.

Въ очень просто убранной комнатѣ, я нашелъ Кошута въ шлафрокѣ и шапочкѣ-венгеркѣ на головѣ, стоявшаго въ дверяхъ. Мы были съ глазу на глазъ. Я сказалъ ему по французски, что я Катаро пріѣхалъ изъ Франціи и, не зная ни кого кто бы могъ ему представить меня, рѣшился притти къ нему просто, чтобы просить его доставить мнѣ возможность давать уроки французскаго языка.

Вы говорите такъ скоро, отвѣчалъ онъ мнѣ по нѣмецки, что я плохо понимаю васъ; я читаю и понимаю по французски, но мнѣ трудно выражаться на этомъ языкѣ; вѣдь вы говорите по нѣмецки?

Понимаю не много, но не говорю, сказалъ я по французски и повторилъ опять, что говорилъ, но медленнѣе и внятнѣе. На этотъ разъ Кошутъ понялъ и отвѣчалъ мнѣ: у насъ такъ много учителей французскаго языка, что едва ли я могу быть вамъ полезнымъ.

Я долженъ вамъ признаться, сказалъ я, что должность учителя только предлогъ, чтобы остаться въ Венгріи. Мнѣ надо говорить съ вами объ очень важномъ дѣлѣ.

Говорите откровенно, сказалъ Кошутъ.

Я пришелъ къ вамъ для того, чтобы сказать прямо, что я Полякъ и пробираюсь изъ Франціи въ Польшу, но долженъ остаться нѣсколько времени въ Венгріи.

Онъ быстрымъ и выразительнымъ взглядомъ окинулъ меня и отвѣчалъ:

Можетъ быть вамъ нужны деньги, въ этомъ я могу помочь вамъ.

Я сгорѣлъ до ушей.

Много благодаренъ за доброе предложеніе, сказалъ я, но я въ деньгахъ не нуждаюсь и не за деньгами ѣду въ Польшу.

Какъ ваше имя?

Руфинъ Піотровскій.

Я не понимаю: для чего многіе Поляки изъ Франціи стремятся въ Польшу; тамъ теперь дѣлать нечего; другіе же — а такихъ было не мало въ Венгріи, неизвѣстно почему хотѣли ѣхать отсюда во Францію и уѣхали. У насъ была складчина для доставленія имъ способа туда доѣхать.

Все это можетъ быть, отвѣчалъ я, и я нисколько не удивляюсь, что вы не понимаете причины, заставляющей нѣкоторыхъ Поляковъ возвращаться въ отечество; я желалъ бы объяснить вамъ все это и откровенно поговорить съ вами.

Кошутъ, глядѣвшій на меня также пристально, какъ и я на него, сказалъ:

Я не хочу и не желаю знать о чужихъ дѣлахъ и тайнахъ.

Не дивлюсь и я тому, что вы не желаете узнать того, что я хотѣлъ бы объяснить вамъ; вы не знаете меня и я не могу имѣть притязаній на ваше довѣріе. Мнѣ кажется

однако, что люди по доброй волѣ могутъ понять другъ друга и, еслибъ даже расходились во мнѣніяхъ относительно главной цѣли, могутъ говорить о ней искренно и безъ недовѣрчивости. Прошу васъ выслушать меня терпѣливо.

Я ужь сказалъ вамъ, что не хочу знать ни цѣлей, ни тайнъ кого бы то ни было, отвѣчалъ Кошутъ.

Вижу, что вы пренебрегаете мною и тѣмъ, что я имѣю сказать вамъ, возразилъ я, но я васъ завѣряю, что пренебрегать этимъ нельзя. Удѣлите мнѣ минуту.

Что же вы хотите сказать мнѣ?

Что въ Польшѣ, можетъ быть въ скоромъ времени, начнется новое движеніе, новое возстаніе; не думайте, чтобы Поляки почитали себя окончательно побѣжденными; они обладаютъ силою духа, смѣлостію и отвагою, чтобы сбросить съ себя чужеземное иго; дѣло состоитъ въ томъ, чтобы имъ была дана возможность соединиться съ другимъ народомъ, котораго интересы одинаковы съ ихъ интересами.

Поляки сами не знаютъ чего хотятъ; о какомъ союзномъ народѣ говорите вы?

О Венгерцахъ, которыхъ дѣло тѣсно связано съ польскимъ дѣломъ. Очень вѣрю, что въ сію минуту они о томъ не думаютъ, но скоро можетъ наступить такое время; я хочу убѣдить васъ и доказать вамъ, что польское и венгерское дѣло тѣснѣе связаны вмѣстѣ, чѣмъ это кажется при первомъ, поверхностномъ взглядѣ на положеніе обѣихъ странъ.

Извините меня, но я не имѣю времени продолжать разговора, я очень занятъ.

Такъ назначьте мнѣ день и часъ, и я не замедлю явиться.

Я не могу сдѣлать этого; я самъ не знаю когда буду свободенъ.

Это значитъ, что вы не хотите говорить со мной, но я завѣряю васъ, что нельзя судить легкомысленно о такомъ

дѣлѣ. Назначьте часъ и вы убѣдитесь въ чистотѣ моихъ намѣреній и въ важности дѣла, равно касающагося обѣихъ націй.

Я ужъ сказаъ вамъ, что Венгерцы не думаютъ о возстаніи, что ихъ дѣло не имѣетъ никакого отношенія къ польскому дѣлу, что я не могу назначить вамъ ни дня, ни часа. но если вы непремѣнно хотите говорить со мною, прійдите въ контору редакціи и я приму васъ, если не буду занятъ.

Кошутъ, который во все время разговора не спускалъ съ меня глазъ, точно также какъ и я съ него, сказалъ послѣднія слова чрезвычайно холодно, какъ бы для того, чтобы наконецъ избавиться отъ меня. Я былъ оскорбленъ до глубины души и, попросивъ извиненія, что отнялъ у него нѣсколько минутъ, поклонился и вышелъ. Мы говорили во все время стоя близь дверей, у которыхъ встрѣтились, но которыя были заперты. Я смотрѣлъ на него внимательно, какъ на человѣка необыкновеннаго, имѣющаго неограниченное вліяніе на народъ и могущаго въ будущемъ управлять его судьбами. Онъ глядѣлъ на меня съ пытливостью и удивленіемъ. Кошутъ росту средняго, сложенія крѣпкаго, плечистъ, но здоровья очень плохаго. Лице его худо и блѣдно, носъ длинный, брови густыя, цвѣта глазъ его не помню, а о лбѣ и волосахъ сказать ничего не могу, потому что ихъ накрывала венгерка; лице его было обраймлено густыми, черными бакенбардами; голосъ тихій, но выразительный, звучный, симпатичный, доходящій до сердца; когда онъ говоритъ, онъ дѣлаетъ гримасу. отбиваетъ каждое слово и не обладаетъ свѣтскими пріемами. Странно сочеталась въ немъ смѣлость и рѣшительность съ скромностію манеръ и наружности. Во всей физіономіи Кошута отражается страстная душа и нѣжное чувствительное сердце. Я ушелъ отъ него преисполненный удивленія къ нему.

но очень недовольный имъ. Послѣ этого разговора и пріема, а въ особенности послѣ его отзыва о польскихъ дѣлахъ я впалъ въ неописанное уныніе; долго я колебался идти ли опять къ нему, или нѣтъ и наконецъ рѣшился отправляться въ ту часть Польши, которою завладѣла Россія.

Надо добавить, что на меня находили смутныя и тяжелыя минуты; я раздумывалъ зачѣмъ я оставилъ Францію, зачѣмъ не думалъ объ одной собственной судьбѣ и объ устройствѣ своего будущаго. Я могъ бы быть счастливъ, еслибъ забылъ о своемъ отечествѣ и сдѣлался эгоистомъ. Но эти недостойныя человѣка чувства, слава Богу, не долго владѣли мной и я возвратился къ предположенной цѣли съ большимъ чѣмъ прежде упорствомъ и любовью.

Не смотря на то, что я старательно скрывалъ отъ моего хозяина еврея, что питаюсь почти однимъ хлѣбомъ и водою, рѣдко позволяя себѣ выпить бутылку самого обыкновеннаго вина, онъ догадался о моемъ положеніи. Отъ пищи ли, или отъ чего другаго, но я впалъ въ страшную слабость, которая впрочемъ послѣ сильнаго припадка миновалась. Мнѣ надо было мѣнять паспортъ, ибо съ паспортомъ визированнымъ въ Константинополь, я не могъ ѣхать въ Россію. Кто не былъ въ такомъ положеніи, тотъ не можетъ судить о немъ. Каждая минута могла подвергнуть меня страшной опасности и, что еще хуже, разрушить всѣ мои планы. По долгомъ размышленіи я рѣшился послать свой паспортъ въ Вѣну, къ англійскому посланнику, съ просьбой дать мнѣ другой для выѣзда въ Россію; я писалъ, что я въ Пестѣ, нездоровъ и явиться самъ не могу. Я ждалъ отвѣта съ страшнымъ волненіемъ и къ радости своей получилъ его очень скоро. Англійское посольство выслало мнѣ паспортъ совершенно правильный для въѣзда въ Россію.

IV

От Песта до Подоліи. Карпаты. Русская граница.

Когда я расплатился въ Пестѣ, у меня осталось всего на все 29 злотыхъ (около четырехъ съ половиною рублей серебромъ). Хозяинъ, прощаясь со мною, вынесъ большой кусокъ хлѣба и сказалъ мнѣ: Будьте добры и примите отъ Еврея кусокъ хлѣба; онъ пригодится вамъ въ дорогѣ. Я бы предложилъ вамъ и денегъ, но у меня нѣтъ ихъ.

И стыдъ и благодарность овладѣли мною; я отказался принять деньги отъ знакомыхъ мнѣ маджаровъ, отказалъ Кошуту, но принялъ съ благодарностью хлѣбъ отъ Еврея, ибо это предложеніе сдѣлано было мнѣ иначе и шло отъ добраго сердца, изъ состраданія къ нуждѣ ближняго. Я вышелъ изъ Песта въ 1843 году, 28 Февраля, пѣшкомъ, съ кускомъ хлѣба и 29 злотыми въ карманѣ. —

Небо, до тѣхъ поръ ясное, начало хмуриться и полилъ дождь; дорога дѣлалась все хуже и хуже, и къ полдню, промокши до костей, совершенно измучившись, я долженъ былъ зайти въ корчму, гдѣ нашелъ многихъ Венгерцевъ, возвращавшихся изъ Песта съ пустыми подводами и ѣхавшихъ въ ту же самую сторону, куда я шелъ. Одинъ изъ нихъ пригласилъ меня сѣсть въ телѣгу, не запрашивая съ меня ничего. Я сѣлъ на его простую, непокрытую ничѣмъ подводу, въ которой не было даже и соломы. Дождь продолжалъ лить и, когда мы пріѣхали въ деревню на ночлегъ, я остановился тамъ же, гдѣ мои спутники. Поужинавъ хлѣбомъ и плохой солониной, всѣ мы легли на солому въ конюшнѣ; привезшій меня маджаръ далъ мнѣ подъ голову мѣшокъ съ овсомъ; но я такъ промокъ и иззябъ, лошади стояли такъ близко отъ меня, что я долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ, загородить себя отъ нихъ мѣшками овса

и, не будучи въ состояніи уснуть, продремалъ всю ночь сидя. На другой день маджаръ заѣхалъ въ какое то село, такъ что я долженъ былъ его оставить и пошелъ опять пѣшкомъ. Я заплутался, не умѣя говорить по венгерски, потомъ отыскалъ жида, который зналъ нѣмецкій языкъ; онъ указалъ мнѣ дорогу и научилъ необходимымъ венгерскимъ словамъ. Женѣ его понравился мой сломавшійся въ дорогѣ зонтикъ и она купила его у меня за четыре съ половиною злотыхъ; такимъ образомъ у меня прибыло денегъ на дорогу.

Я останавливался иногда въ корчмахъ, иногда въ простыхъ избахъ, шелъ поперемѣнно подъ дождемъ и снѣгомъ, по оттепели, морозу, грязи и часто выбивался изъ силъ. Однажды я пришелъ къ рѣкѣ, черезъ которую не было моста, и долго стоялъ надъ нею, не зная что дѣлать. Наконецъ маджаръ охотникъ, возвращавшійся домой, увидѣлъ меня и указалъ мнѣ бродъ. Я раздѣлся до нага, поднялъ всѣ свои вещи надъ головою и вошелъ въ воду; она доходила мнѣ иногда до мышекъ и острый ледъ рѣзалъ мое тѣло. Я дрожалъ отъ холоду, какъ листъ отъ вѣтра; но это купанье не сдѣлало мнѣ вреда: я только легче и живѣе пошелъ впередъ. Черезъ нѣсколько дней я дошелъ до карпатскихъ горъ; погода прояснилась, солнце свѣтило и грѣло, птицы пѣли. Видъ прекрасной природы съ темными на горахъ лѣсами, произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе. Было ли то особенное настроеніе души, или просто долго тяготившія мою душу чувства требовали изліянія, я не знаю — но вдругъ высоко поднялась грудь моя, я конвульсивно вздохнулъ и залился слезами!

Вошедши на самый хребетъ карпатскихъ горъ, покрытый снѣгомъ и льдомъ, я остановился и, доставъ зрительную трубу, навелъ ее въ ту сторону, гдѣ была Галиція. Въ

первый разъ, послѣ одинадцати лѣтъ скитальческой жизни, я увидѣлъ отечество, увидѣлъ эту Польшу, по которой такъ тосковалъ, томился и вздыхалъ; но она обѣтованная земля только для тѣхъ, которые вступаютъ въ нее съ чистою совѣстію. Я былъ недостоинъ ступить въ нее; я былъ преступный бѣглецъ, который съ 70 тысячами своихъ братьевъ позорно оставилъ родину, измѣнивъ ей, не умѣвъ умереть за нее. Я долженъ былъ искупить величайшее изъ преступленій сокрушеніемъ сердца, раскаяніемъ и потому, упавъ на колѣна, понурилъ отягченную стыдомъ голову, поцѣловалъ землю горячими устами и облилъ ее горячими слезами. Таково было мое привѣтствіе родной землѣ, землѣ славы, бѣдствій, страданій и надеждъ. Можно только чувствовать, но нельзя выразить того, что я испыталъ въ эту минуту. Спустившись съ горъ карпатскихъ я очутился въ галиційской Подоліи, посреди деревень, хатъ и народа, столько похожаго на польскую Украйну. Жадно смотрѣлъ я, проходя по селеніямъ, на дворы и домы, въ которыхъ жила польская шляхта, любящая свое отечество съ такою силою, что каждую минуту была готова жертвовать послѣдней каплей крови для его свободы, независимости и счастія. Какъ мнѣ хотѣлось зайти въ одинъ изъ этихъ домиковъ, хотя бы для того только, чтобы сказать сердечное, дружеское привѣтствіе братьямъ моимъ, чтобы сказать имъ: я пришелъ изъ изгнанія, потому что тосковалъ по всѣхъ васъ; но я прошелъ мимо и не зашелъ ни въ одинъ изъ нихъ, опасаясь выдать себя.

Я шелъ все дальше и дальше, но мало по малу усталость одолѣвала меня, тѣмъ болѣе, что я не могъ поддержать свои силы здоровой и питательной пищей. До Каменца Подольскаго было далеко, а у меня осталось только десять злотыхъ. Однажды, идя по снѣгу и противъ силь-

наго вѣтра, я почувствовалъ, что силы совершенно оставлаютъ меня. Ноги мои были стерты, но не смотря на то я принудилъ себя идти впередъ и шелъ цѣлый день. Къ вечеру мнѣ стало такъ дурно, что я не могъ уже продолжать пути и въ безпамятствѣ, облитый холоднымъ потомъ, съ сильнымъ біеніемъ сердца, упалъ на землю. Вскорѣ я опомнился и заснулъ, заснулъ такъ крѣпко, что проснулся около полудня и пошелъ дальше. Въ корчмѣ, гдѣ я остановился для новаго отдыха, я встрѣтилъ молодаго Поляка, который заговорилъ со мной по нѣмецки (я притворялся, ради осторожности, что не знаю по польски). Узнавъ въ какую сторону я иду, онъ предложилъ подвести меня. Грустно было мнѣ во время дороги говорить съ нимъ по нѣмецки, не смѣть произнести слова на родномъ языкѣ, скрываться отъ него и лгать ему, говоря что я портной; но дѣлать было нечего, надо было покориться необходимости и соблюдать крайнюю осторожность. Распростившись съ полякомъ я опять продолжалъ путь мой пѣшкомъ; на этотъ разъ погода благопріятствовала мнѣ; было тепло и свѣтило солнце.

Переночевавъ нѣсколько разъ, между прочимъ въ одной развалившейся избушкѣ съ выбитыми рамами, гдѣ лежала больная Еврейка и не было ни куска хлѣба, я достигъ наконецъ русской границы.

V

Новосильцы. Таможня. Каменецъ Подольскій.

Переночевавъ въ корчмѣ, въ мѣстечкѣ Новосильцы, находящемся уже въ Бессарабіи, гдѣ находится и таможня, я показалъ мой паспортъ. Можно себѣ вообразить мое удив-

леніе и досаду, когда мнѣ сказали, что паспортъ мой надо визировать еще въ Боянахъ, безъ чего меня не впустятъ въ Россію. Нечего дѣлать, я отправился назадъ въ Бояны; но изъ Боянъ меня отослали еще дальше въ Чернейовицы. Я боялся, что меня и оттуда отошлютъ куда нибудъ еще дальше назадъ, но тамъ паспортъ мой визировали безъ затрудненія.

На другой день я зашелъ въ католическую церковь и горячо молился, прося у Бога помощи и силы. Польскія дѣти причащались и пѣли молитвы; я поглядѣлъ на нихъ и подумалъ: вездѣ есть поляки, только нѣтъ у нихъ нигдѣ отечества!

Съ чемоданомъ на плечахъ я скоро очутился на самой границѣ и въ таможнѣ. Тамъ было два шлагбаума; одинъ съ австрійской стороны, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него другой со стороны русской. Я отправился къ австрійскому чиновнику и просилъ его приказать поднять шлагбаумъ. Онъ тотчасъ исполнилъ мою просьбу, но очутившись у русскаго шлагбаума я никого не нашелъ и очень долго стоялъ у него, ожидая чьего нибудь появленія. Видя что никто не идетъ, я согнулся, подлѣзъ подъ него и ступилъ на русскую землю. Перваго мнѣ встрѣтившагося солдата я спросилъ по нѣмецки: гдѣ русская таможня? Онъ не понялъ ни слова, но угадалъ чего я хочу и показалъ мнѣ домъ, въ который я взошелъ. Трудно вообразить что я почувствовалъ, увидѣвъ противные свѣтло зеленые воротники и обшлага на мундирахъ русскихъ чиновниковъ. Эта ливрея деспота должна была возбудить въ сердцѣ всякаго честнаго и благороднаго человѣка невольное негодованіе. Одинъ изъ чиновниковъ спросилъ у меня: Кто ты таковъ и чего хочешь?

Я отвѣчалъ по нѣмецки, что не понимаю о чемъ у меня

спрашиваютъ. Случилось такъ, что никто не понималъ по нѣмецки и мы говорили цѣлый часъ, не понимая другъ друга. По крайней мѣрѣ чиновники не понимали меня, а я притворялся, что не понимаю ихъ. Наконецъ нашелся жидъ, который взялся за должность переводчика. У меня спросили: Кто я и откуда? Я отвѣчалъ. Кто смѣлъ впустить меня въ Россію безъ приказанія? Меня никто не впускалъ, я самъ пришелъ. Но вѣдь шлагбаумъ былъ опущенъ! Я разсказалъ какъ я прошелъ. И я и переводчикъ, мы были далеко отъ мысли, что изъ этого выйдетъ бѣда; но лишь только чиновники услышали это, какъ побѣжали къ начальнику. Онъ вышелъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, раскричался, приказалъ наказать солдатъ палками и показывая на меня прибавилъ: „А его, сейчасъ, подъ карауломъ выслать за границу.“ Сказавши это онъ ушелъ. Я разумѣется все понялъ, но совершенно спокойно обратился къ стоящимъ и спросилъ: „Незнаетъ ли кто изъ нихъ по французски? и кому изъ нихъ долженъ я показать мой паспортъ? Двое изъ чиновниковъ знали языкъ этотъ и одинъ изъ нихъ, человѣкъ добрый, заговорилъ со мною. Я показалъ ему паспортъ; увидя надпись русскаго посланника, онъ побѣжалъ показать ее своему начальнику. Тогда начальникъ одумался, велѣлъ визировать мой паспортъ и спросилъ гдѣ мои вещи. Я отвѣчалъ, что они остались на австрійской сторонѣ. Наказанному по моей невольной винѣ солдату приказано было проводить меня туда и оттуда принести мои вещи; но бѣднякъ сорвалъ на мнѣ свое горе. Онъ шелъ за мною и ворчалъ: „Ахъ ты сукинъ сынъ, чортъ принесъ тебя на мою бѣду, чтобъ тебѣ издохнуть! Чортъ его знаетъ, что за человѣкъ? Жидъ не жидъ, армянинъ не армянинъ, собачій сынъ, мошенникъ!“ Жаль

мнѣ было бѣдняка, тѣмъ болѣе что онъ пострадалъ изъ за меня и что я былъ всему причиной!

Когда я воротился въ русскую таможню съ моими вещами, ихъ перебрали всѣ до нитки, осмотрѣли всѣ карманы, подпороли подкладку у платья и распороли воротникъ, отняли у меня французско-итальянскій лексиконъ, и за тѣмъ отпустили. Одинъ изъ чиновниковъ человѣкъ добрый помогъ мнѣ сыскать извощиковъ и уговориться съ ними; это были подводы, возвращавшіяся порожнякомъ въ Каменецъ Подольскій. Я сѣлъ на одну изъ нихъ и дорогой прислушивался къ разговору вмѣстѣ сидѣвшихъ однодворцевъ. Они говорили о притѣсненіяхъ правительства, о своихъ личныхъ и общихъ несчастіяхъ и неудачахъ. Когда мы остановились на ночлегъ въ маленькой, тѣсной и бѣдной, одиноко стоявшей въ степи, корчмѣ, къ намъ вошелъ блѣдный, почти плачущій, молодой пѣхотный солдатъ. Кто хочетъ имѣть полное понятіе о неволѣ и невольникѣ, пускай вглядится въ лице русскаго солдата; если при видѣ такого униженія и страданія человѣческой личности сердце его не закипитъ негодованіемъ и жаждой мести къ тому, который человѣка превращаетъ въ животное, лишаетъ его чувствъ и мысли и замѣняетъ ихъ боязнію палокъ и принципомъ слѣпаго повиновенія, тотъ самъ не достоинъ имени человѣка! Такимъ то невольникомъ глядѣлъ вошедшій солдатъ. Онъ выпилъ водки и мрачно сѣлъ въ углу корчмы. Черезъ нѣсколько времени пришли трое другихъ солдатъ; изъ ихъ разговора я узналъ что первый солдатъ былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ одной деревенской красавицей, которая нравилась его офицеру. Желая отбить ее, онъ сперва уговоривалъ солдата и наступалъ мягко, но когда это не удалось ему, принялся до-

нимать палками своего соперника и жестоко казнилъ его при каждой возможности.

На другой день я пріѣхалъ въ Каменецъ Подольскій прямо на базарную площадь, гдѣ меня приняли за жида, должно быть оттого что я былъ одѣтъ въ длинный сюртукъ и отпустилъ длинную черную бороду.

Я пріѣхалъ въ Каменецъ Подольскій въ концѣ Марта мѣсяца, въ 1843 году, черезъ 22 дня послѣ того, какъ оставилъ Пестъ. Въ карманѣ у меня оставалось только два злотыхъ.

VI

Пребываніе въ Каменцѣ. Позволеніе остаться тамъ. Я дѣлаюсь учителемъ французскаго языка. Непріятности этого положенія. Тогдашнее состояніе этой провинціи. Злоупотребленія русскихъ чиновниковъ.

Я остановился въ трактирѣ, въ залѣ котораго много поляковъ играли въ бильярдъ. Я зналъ, что входить въ шляпѣ въ комнату обычай заграничный и нарочно сдѣлалъ это; на меня обратили вниманіе, какъ на иностранца и первый познакомившійся со мною молодой человѣкъ былъ русскій офицеръ, по имени Рогачевъ. Узнавъ, что я пріѣхалъ изъ Франціи, онъ сталъ у меня разспрашивать о Парижѣ, особенно о томъ, хороши ли собою и милы ли парижанки, по словамъ его, чтобы только взглянуть на нихъ, онъ сейчясъ бы полетѣлъ въ Парижъ. Я не щадилъ похвалъ, говоря о парижанкахъ, и старался казаться веселымъ и беззаботнымъ. Рогачевъ долго говорилъ со мною и все только о женщинахъ, о веселой парижской жизни; онъ жилъ долго въ Варшавѣ; но и тамъ замѣтилъ только полекъ, отъ которыхъ былъ въ восхищеніи. Положеніе края, политическія дѣла, словомъ ничто сколько нибудь

серьезное не интересовало его; онъ показался мнѣ любезнымъ, легкомысленнымъ, но добрымъ. Пока онъ говорилъ со мною, поляки держались въ сторонѣ, но на ихъ лицахъ не видно было ни одушевленія, ни веселости; всѣ они были молчаливы и смотрѣли на меня не безъ любопытства. Проходя по залѣ, мнѣ удалось услышать, какъ они тихо говорили между собой по польски: „Онъ изъ Франціи? Что то дѣлаютъ тамъ наши, что думаютъ о насъ французы, есть или нѣтъ надежды на лучшее?“ Я видѣлъ, что они не смѣли подойти ко мнѣ съ разспросами, и самъ долженъ былъ не подавать даже виду, что понимаю хоть одно польское слово. Рогачевъ позвалъ меня къ себѣ въ гости, на пирогъ; я отправился съ нимъ и сказалъ ему, что желалъ бы давать уроки французскаго языка и пріискать себѣ мѣсто учителя въ богатомъ и хорошемъ семействѣ, что съ этимъ намѣреніемъ я пріѣхалъ въ Россію, ибо слышалъ, что можно получить хорошое жалованье. Меня обнадежили, но объяснили, что я долженъ напередъ выхлопотать дозволеніе давать уроки, отъ директора гимназіи. На другой день я отправиля въ канцелярію губернатора для полученія билета на свободное въ городѣ и губерніи жительство. Тамъ около столовъ сидѣло множество чиновниковъ, большею частію поляковъ, но для приходящихъ не было ни лавки, ни стула. Надо было стоять и стоя ожидать, пока васъ отпустятъ. Когда я отдалъ паспортъ и ожидалъ своего билета, въ канцелярію вошла молодая дама въ траурѣ; она рыдала и силилась заглушить свои рыданія; никто не обратилъ ни малѣйшаго на нее вниманія, и, хотя многія кресла не были заняты ходящими взадъ и впередъ чиновниками, никто не предложилъ ихъ ей, — и она какъ я стоя дожидалась пока ее отпустятъ. Мнѣ сказали, что я долженъ подать просьбу губернатору о позволеніи остаться

на жительство въ городѣ; я просилъ написать мнѣ ее, что и было сдѣлано.

Въ то время губернаторомъ Каменца Подольскаго былъ генералъ Радищевъ. Въ назаченный губернаторомъ пріемный день я пришелъ въ домъ его, былъ введенъ въ залу, гдѣ уже было достаточно всякаго народу. Ожидая губернатора всѣ стояли въ почтительныхъ позахъ, но я сѣлъ спокойно на стоявшее вблизи кресло; многіе посмотрѣли на меня съ удивленіемъ. Вскорѣ, въ мундирѣ и при шпагѣ, вошелъ молодой чиновникъ и, не говоря ни слова, подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку, принудилъ подняться и поставилъ меня на мѣсто; потомъ разставилъ всѣхъ другихъ въ полукругѣ и по просту бралъ всякаго за плечи, ровнялъ насъ и выправлялъ тѣхъ, кто не такъ держался. Развѣ что нибудь подобное можно видѣть кромѣ Россіи? Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ губернаторъ; онъ слегка кивнулъ всѣмъ намъ головою и молча обошелъ насъ, отбирая просьбы; онъ взялъ и мою просьбу, прочиталъ ее, не сказалъ мнѣ ни одного слова и вышелъ вонъ. Черезъ два дня я полу̀чилъ видъ для свободнаго прожитія въ Каменецъ Подольской губерніи, срокомъ на одинъ годъ. На другой день я отправился къ директору гимназіи и получилъ приватное и словесное, но не формальное, позволеніе давать уроки. Чтобы получить формальное позволеніе надо было держать экзаменъ; но чтобы быть допущену къ экзамену надо было имѣть метрическое свидѣтельство, свидѣтельство отъ мѣстныхъ властей о поведеніи и доказательства, гдѣ и чѣмъ я занимался до тѣхъ поръ. Это было гораздо труднѣе, чѣмъ сдать экзаменъ и я занялся пріисканіемъ уроковъ въ русскихъ домахъ. Я не хотѣлъ въ самомъ началѣ обращать на себя вниманія правительства сближаясь съ Поляками, не хотѣлъ также ихъ подвергать опасности,

еслибы открылось впослѣдствіи кто я такой. Въ скоромъ времени молодой русскій человѣкъ — Дмитренко, родомъ изъ Курской губерніи, предложилъ мнѣ столъ и квартиру за каждодневный урокъ французскаго языка; въ остальное время я былъ свободенъ и могъ заниматься чѣмъ хотѣлъ. Это было для меня очень выгодно, я тотчасъ же принялъ его предложеніе и поселился у него. Онъ жилъ въ одной комнатѣ, а я въ другой рядомъ съ нимъ. Дмитренко былъ человѣкъ простой, добрый, не получившій образованія, и которому богъ вѣсть почему пришла охота учиться по французски. Я отъ роду не видывалъ такой неспособности къ языкамъ; онъ учился съ большимъ трудомъ и никакъ не могъ усвоить себѣ порядочнаго французскаго выговора. Однако черезъ мѣсяцъ онъ понималъ уже кое что по французски и я бы остался съ нимъ дольше, еслибы не вѣчное принужденіе, которое мало по малу сдѣлалось для меня не выносимо. Квартира была маленькая и я постоянно боялся проговориться во снѣ, произнесть невзначай польское слово, или дать замѣтить что понимаю что говорятъ. При мнѣ не стѣснялись и часто говорили такія смѣшныя, или грустныя для меня вещи, что мнѣ надо было много силы характера и самообладанія, чтобы слушать совершенно хладнокровно, равнодушно и спокойно, всякаго рода рѣчи. Я разспрашивалъ исподволь о Польшѣ, полякахъ, о положеніи края и часто долженъ былъ хвалить правительство Николая. Такъ какъ всѣ принимали меня за иностранца, то не стѣснялись и говорили что думали и что чувствовали. Черезъ нѣсколько недѣль я оставилъ Дмитренко, несмотря на его убѣдительныя просьбы еще пожить съ нимъ, и поселился на квартирѣ, а потомъ принялъ предложеніе г-жи Пекутовской жить у ней въ домѣ и давать уроки французскаго языка ея двумъ дочерямъ. Это было доброе и милое

польское семейство, у котораго я поселился тѣмъ охотнѣе, что въ случаѣ моего ареста, женщины не могли внушить подозрѣнія правительству и пострадать за меня; сынъ г-жи Пекутовской былъ еще малолѣтный и учился въ гимназіи. Мои ученицы были дѣвушки милыя, добрыя и большія патріотки. Пользуясь тѣмъ, что меня считали иностранцемъ, я основательно узнавалъ положеніе края, характеръ, мнѣнія людей меня окружавшихъ, но по большей части старался давать уроки въ русскихъ домахъ. Между ними былъ домъ Абазы, предсѣдателя казенной палаты. Самъ онъ былъ человѣкъ добрый и честный, также какъ и все семейство его, состоявшее изъ двухъ дочерей и двухъ сыновей, за исключеніемъ старшаго, который былъ прямой русакъ, злой, мстительный, кажется созданный на то, чтобы бить людей по мордамъ и палками.

Проживъ въ Каменецъ Подольскомъ около года, я хорошо ознакомился съ мѣрами, которыя правительство предпринимало для уничтоженія національности, съ притѣсненіями и со всѣми неслыханными злоупотребленіями русскихъ властей, которымъ подвергались Поляки. Я разскажу какъ примѣръ два случая. Одинъ изъ губернаторовъ Каменца Подольскаго положилъ себѣ непремѣнною цѣлью составить состояніе и выслужиться передъ его величествомъ. Для этого онъ выдумалъ слѣдующую вещь. Онъ подговорилъ чиновника, который подписывался подъ руку многихъ шляхтичей и писалъ письма къ ихъ роднымъ въ Парижъ, въ которыхъ объяснялъ, что они готовы на всѣ предложенія эмигрантовъ и соглашаются составить заговоръ. Эти письма губернаторъ перехватывалъ, показывалъ тѣмъ, отъ кого они были писаны и представлялъ всѣ послѣдствія — Сибирь, каторгу! Всякій невинный, сознавая совершенно невинность свою, нисколько не сомнѣвался, что ему не ми-

новать Сибири и потому рѣшался тотчасъ предложить губернатору все, чѣмъ могъ располагать, лишь бы только избѣгнуть суда и слѣдствія. Губернаторъ бралъ деньги и еще хвастался своимъ милосердіемъ и состраданіемъ. Все это въявь и такъ цинически нагло, что наконецъ самое правительство обратило на это вниманіе; но губернаторъ свалилъ всю вину на чиновника, который зная, что его ожидало впереди, повѣсился. Губернаторъ былъ только перемѣщенъ въ другую губернію и въ этомъ состояло все наказаніе, постигшее его. Я забылъ его имя.

Вотъ еще происшествіе, происходившее въ Каменцѣ Подольскомъ, въ 1843 г. Городской, голова Чайковскій, былъ человѣкъ почтенный, всѣми уважаемый и уже пожилой. На него былъ сердитъ одинъ русскій, который сочинилъ письмо, будто бы написанное изъ Франціи польскимъ эмигрантомъ Стеньковскимъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ польской революціи, осужденнымъ на каторжную работу и бѣжавшимъ во Францію. Это письмо предполагалось свернуть, сложить въ выдолбленную и нарочно для этого сдѣланную трость, подбросить ее въ домъ Чайковскаго и дать знать полиціи, что онъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ эмигрантами. Къ счастію Чайковскаго, жена русскаго проговорилась одной изъ своихъ пріятельницъ, истой полькѣ, что скоро Чайковскій не только не останется головою, но еще и съ Сибирью познакомится. Эта честная полька вывѣдавъ все, предупредила Чайковскаго, который ни мало не медля, бросился къ жандармскому полковнику г-ну Тымковскому, родомъ малороссіянину, и разсказалъ ему все отъ слова до слова. По горячему слѣду отправились они оба къ этому негодяю; но я не знаю что съ нимъ сталось. Быть можетъ онъ былъ пожалованъ чиномъ за преданность къ престолу! . . .

Такъ вотъ какова была жизнь и безопасностъ подъ опекой русскаго правительства; не надо забывать, что доказательства дворянства, которыя требовались геральдіей, принимались съ великимъ трудомъ, или покупались большими деньгами. Цѣль правительства состояла въ томъ, чтобы какъ можно больше дворянъ сдѣлать однодворцами, потому что законъ дозволялъ послѣднихъ бить палками и отдавать въ рекруты.

VII

Возвращеніе изъ Бессарабіи. Моя тайна дѣлается извѣстною. Происки чиновниковъ. Опасность. Отчего я не бѣжалъ.

На лѣто г-жа Пекутовская уѣхала въ деревню и я отправился съ ними, а по возвращеніи своемъ въ Каменецъ, въ концѣ осени, узналъ весьма плачевную для себя новость. Очень многіе знали уже кто я и зачѣмъ пріѣхалъ; мнѣ говорили объ этомъ въ глаза и, хотя я отвѣчалъ отрицательно, никто не хотѣлъ мнѣ вѣрить. Тутъ то я узналъ слабость характера многихъ земляковъ, которые не умѣли сохранить тайны. Желая уничтожить слухъ, угрожавшій мнѣ и моимъ намѣреніямъ, я сталъ допытываться откуда онъ вышелъ, все узналъ, но было уже поздно. Къ несчастію слухъ этотъ распространился вездѣ и всюду, и ничто не могло его уничтожить. Къ крайнему моему огорченію, это случилось въ то самое время, когда я хлопоталъ о возможности увидѣть моихъ родителей, жившихъ въ Кіевской губерніи. Пока я ни кому не довѣрялъ моего настоящаго имени, нечего было и думать о свиданіи съ отцемъ и матерью. Я не могъ пріѣхать къ нимъ явно и мнѣ надо было видѣться съ ними тайкомъ, въ какой нибудь деревнѣ. Прошло уже 11

лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я не имѣлъ объ нихъ ни малѣйшей вѣсти и не зналъ даже живы ли они? Одинъ изъ моихъ соотечественниковъ взялся увѣдомить моихъ родителей, выписать ихъ въ окрестности Каменца Подольскаго, въ свое собственное имѣніе и такимъ образомъ доставить мнѣ свиданіе съ ними. Я надѣялся, что, достигнувъ совершенныхъ лѣтъ, буду имъ опорой въ старости, но судьба судила иначе. Вспыхнуло варшавское возстаніе. Я не хотѣлъ и не могъ остаться чуждымъ польскому движенію, обязанъ былъ жертвовать собою для отечества и оставить семейство. Съ этихъ поръ я не зналъ что съ нимъ сталось. Дѣдъ мой жилъ въ Прагѣ, гдѣ имѣлъ три дома; когда Суворовъ взялъ Прагу, затопилъ ее кровью и предалъ грабежу и пламени, дѣдъ мой спасся съ семействомъ, но потерялъ все свое состояніе. Въ Подоліи у него жила старая родственница, къ которой онъ отправился и съ тѣхъ поръ все семейство мое поселилось тамъ.

Когда вѣсть, что я эмигрантъ, стала разходиться больше и больше, одинъ изъ жителей Подольской губерніи, хорошо знакомый со мною и жившій не далеко отъ города, пріѣхалъ нарочно, чтобы предупредить меня о грозившей мнѣ опасности. Вскорѣ послѣ этого я замѣтилъ, что за мною постоянно слѣдилъ полицейскій чиновникъ. Черезъ нѣсколько времени, меня призвали въ полицію, взяли у меня билетъ на свободное пребываніе въ губерніи, подъ предлогомъ исполненія какихъ то формальностей и спросили гдѣ я бываю, съ кѣмъ знакомъ, что дѣлаю? Я отвѣчалъ оченъ коротко. Все это показывало мнѣ, что полиція еще не была вполнѣ увѣрена, что я именно эмигрантъ и Полякъ, иначе она бы тотчасъ схватила меня.

Быть можетъ, читатель подумаетъ, что отъ Каменца Подольскаго до границы только два дня ѣзды, и что мнѣ

легко было бы добраться до ней. Конечно; но мой побѣгъ едва ли былъ возможенъ, ибо полиція слѣдила за мною ежечасно, притомъ онъ погубилъ бы окончательно всѣхъ тѣхъ изъ моихъ соотечественниковъ, которые были въ близкихъ со мною отношеніяхъ. Увѣрившись, что жертва ускользнула изъ рукъ ея, полиція выместила бы свою неудачу и недосмотръ на оставшихся. Пріѣхать, смутить покой соотечественниковъ, отдать ихъ на мученіе и преслѣдованіе, подвергнуть ихъ тяжкимъ наказаніямъ, а самому бѣжать, спастись, было бы дѣломъ недостойнымъ. Если бы я поступилъ такъ, сами мои соотечественники могли бы подумать, что я былъ орудіемъ правительства, которому пригодны всѣ средства, чтобы погубить тѣхъ, которые еще были привязаны къ отечеству и думали о его независимости и свободѣ. Мое правило было, есть и останется всегда однимъ и тѣмъ же: „кто начинаетъ дѣло, тотъ долженъ вести его до конца, кто посвящаетъ себя отечеству, долженъ знать, что его ожидаетъ мученичество и не долженъ страшиться его. Такимъ образомъ, я считалъ своимъ долгомъ и дѣломъ совѣсти, оставаться и ожидать своей участи и, если мнѣ суждено было погибнуть, я долженъ былъ выгородить другихъ, спасти ихъ во что бы то ни стало. Рѣшившись такъ дѣйствовать, я ожидалъ съ твердостію, хотя не безъ внутренней тревоги, минуты ареста.

Я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые легче выносятъ самую страшную дѣйствительность, чѣмъ муки неизвѣстности; по этому я рѣшился итти къ полицмейстеру Грюнфельду и спросить у него по чему у меня взяли мой билетъ на свободное жительство. Полицмейстеръ отвѣчалъ мнѣ что билета онъ отдать мнѣ не можетъ; по тону и иронiи, заключавшейся въ словахъ его, я несомнѣнно увѣ-

рился, что меня ожидаетъ. Я давно уже былъ приготовленъ къ такой развязкѣ, но близость ожидавшей меня участи повергла меня въ состояніе, котораго описать не умѣю. Я вышелъ отъ полицмейстера смущенный и печальный, и чувствовалъ необходимость излить гнетущія меня чувства. Я зашелъ въ костелъ и горячей молитвой облегчилъ душу. Когда я оттуда вышелъ, то замѣтилъ полицейскаго чиновника, постоянно слѣдившаго за мной. Не смотря на это, ночью мнѣ удалось видѣться съ однимъ честнымъ и горячо любящимъ отечество полякомъ, которому я далъ нѣкоторые совѣты, пригодные какъ ему, такъ и другимъ, знавшимъ кто я такой. Потомъ я объявилъ ему, что полагаю, что меня очень скоро схватятъ. Онъ отвѣчалъ: „Такъ бѣги скорѣе, и я убѣгу съ тобою!“ Я объяснилъ ему почему не хочу сдѣлать этого и просилъ его остаться на родинѣ, гдѣ онъ могъ быть гораздо полезнѣе нашему дѣлу, чѣмъ на чужой сторонѣ. Я прибавилъ: Всякій полякъ долженъ стараться о томъ, чтобы образовать людей честныхъ, справедливыхъ, преданныхъ родинѣ, готовыхъ для ея свободы жертвовать собою. Если для этого надо погибнуть, погибай; если невозможно спастись, если невозможно избѣгнуть мученичества, снеси его.“ Вѣроятно было нѣчто особенное въ выраженіи, съ которымъ сказалъ я послѣднія слова, ибо молодой человѣкъ вдругъ заплакалъ и бросился мнѣ на шею; мы крѣпко обнялись, и я чувствовалъ, что слезы потекли изъ глазъ моихъ. Возвратясь домой, долго ходилъ я взадъ и впередъ по комнатѣ, взволнованный и мрачный, томясь мыслію о ожидавшей меня будущности.

VIII

Арестъ. Начало слѣдствія. Показанія другихъ. Подлость Нитовскаго и Лещинскаго.

Заснувши поздно и тревожно, я вдругъ услышалъ сквозь сонъ, что кто то будилъ меня и говорилъ по французски: г-нъ Катаро, г-нъ Катаро! вставайте! Я открылъ глаза; свѣтъ только что брежжился и предо мною стояли трое мущинъ въ мундирахъ и при шпагахъ. Это были полицмейстеръ Грюнфельдъ, маіоръ Поличковскій, присланные за мною Бибиковымъ изъ Кіева, и какой то чиновникъ, имя котораго я теперь не помню. Маіоръ Поличковскій будилъ меня и говорилъ со мною очень вѣжливо и деликатно.

Что вамъ отъ меня угодно? спросилъ я.

Изъ Петербурга пришло приказаніе осмотрѣть ваши бумаги; возмите ихъ съ собою и отдайте ихъ губернатору.

Вотъ всѣ мои бумаги, сказалъ я, другихъ у меня нѣтъ.

Я шелъ одѣваться, а полицейскіе бросились на бумаги, на книги, на мое платье, шарили, рыли, подпарывали подкладку платья и ничего не нашли, кромѣ самыхъ незначущихъ бумагъ. Это ихъ сильно смутило и разсердило. Хозяйка дома глядѣла на всѣхъ насъ изумленными и испуганными глазами. Когда я одѣлся, г-нъ Поличковскій сказалъ полицмейстру и чиновнику, что онъ одинъ пойдетъ со мной къ губернатору и продолжалъ обращаться со мною чрезвычайно вѣжливо, какъ прилично благовоспитанному человѣку. Пока мы шли, я говорилъ съ нимъ о разныхъ постороннихъ вещахъ и казался совершенно спокойнымъ, но на душѣ у меня было тяжко и я внутренно ужасался того, что ожидало меня.

Поличковскій далъ знать губернатору, что я взятъ и, пока мы ожидали его въ пріемной залѣ, разговоръ нашъ не прекращался. Мы говорили о Парижѣ, о климатѣ, о винѣ, виноградникахъ, и мнѣ сдается что Поличковскій былъ обманутъ моимъ большимъ спокойствіемъ и быть можетъ думалъ, что я дѣйствительно иностранецъ и что они ошиблись, взявши меня.

Довольно скорымъ шагомъ подошелъ ко мнѣ губернаторъ и, не кланяясь, пристально смотря мнѣ въ глаза, сказалъ отрывисто, рѣшительно и громко: „Вы понимаете по русски? „Я точно также пристально смотрѣлъ въ глаза его и отвѣчалъ спокойно по французски: извините меня что я не отвѣчаю вамъ на вопросъ, котораго не понимаю. Губернаторъ сказалъ что то Поличковскому; онъ вышелъ и тогда онъ спросилъ меня по французски: „Вы говорите по русски?“ Я отвѣчалъ, что, проживъ 9 мѣсяцевъ въ городѣ, понимаю нѣкоторыя слова, но говорить не могу; потомъ я въ свою очередь спросилъ у губернатора причину моего ареста, въ такую глухую пору, почти ночью. „Скоро вы узнаете причину, а пока идите за ними,“ сказалъ онъ показывая на полицмейстера, который въ эту минуту вошелъ зъ залу въ сопровожденіи солдата. На всѣ мои вопросы почему я взятъ, полицмейстеръ отвѣчалъ мнѣ „незнаю!“ Онъ привелъ меня въ свой домъ, оставилъ меня въ гостинной съ чиновникомъ, которому приказано было не спускать съ меня глазъ, заперъ всѣ двери и вышелъ. У каждаго окна, и каждой двери поставили по часовому. Къ обѣду пришелъ къ моему чиновнику другой чиновникъ и принялся, думая что я не понимаю ни слова по русски, высказывать свое горе. „Чортъ его знаетъ, что онъ за человѣкъ! говорилъ онъ. Вы знаете что я всегда слѣжу за всѣми, кто пріѣзжаетъ въ городъ, и знаю не толь-

ко, что каждый дѣлаетъ, но что каждый думаетъ. Какъ только онъ пріѣхалъ, я постоянно слѣдилъ за нимъ; онъ давалъ уроки у Абазы и Дмитренко; бросилъ я его; что было терять время даромъ. А между тѣмъ другой его выслѣдилъ. Еслибъ я могъ только вообразить себѣ что это за птица, не ушелъ бы онъ изъ рукъ моихъ, я бы получилъ орденъ и награду. А теперь другой, чортъ возьми, получитъ все это! Чортъ его побери совсѣмъ! Чтобъ и Абазѣ недосталось за него. Я предупреждаю васъ, смотрите въ оба, какъ бы онъ васъ тоже не надулъ; я вамъ говорю, это хорошая птица!“

Я слушалъ и дивился; въ первый разъ случилось мнѣ видѣть человѣка до того низкаго и подлаго, что онъ считалъ за великое несчастіе, что другой, а не онъ, ввелъ ближняго въ гибель! Что касается до Абазы, я былъ спокоенъ; онъ имѣлъ большой чинъ, былъ русскій, слѣдовалельно не могъ рисковать ничѣмъ, но я боялся за моихъ соотечественниковъ, и былъ сильно онечаленъ вѣстію, что въ городѣ происходили аресты.

Въ четвертомъ часу, пришелъ ко мнѣ губернаторъ съ Поличковскимъ и начался допросъ. Губернаторъ сказалъ мнѣ, что имя мое не есть Катаро, и что я долженъ признаться во всемъ. Я отвѣчалъ, что это мое настоящее имя и представлялъ въ доказательство мой паспортъ. За тѣмъ слѣдовалъ вопросъ: Кого я знаю? Я назвалъ нѣкоторыхъ и въ числѣ ихъ Дмитренко. Во время допроса, который длился довольно долго, губернаторъ и Поличковскій были очень вѣжливы со мною и, ничего не добившись, оставили меня. На ночь караулъ удвоили, постлали мнѣ сѣна на полу; рядомъ со мною, не раздѣваясь, при шпагѣ, легъ чиновникъ. На другой день губернаторъ и Поличковскій опять пришли ко мнѣ и начался длинный допросъ: кто я?

гдѣ родился? чѣмъ занимался? и многое другое. Я отвѣчалъ на все очень кратко и старался хорошо запомнить имена отца и матери, которыя выдумалъ. Выходя, губернаторъ спросилъ у меня, смѣясь не безъ ироніи: „Вамъ бы очень хотѣлось оставить теперь Каменецъ Подольскій!“

Я отвѣчалъ неохотно и съ досадою: Россія конечно страна хорошая, но я признаюсь, что послѣ того что со мной случилось, я не имѣю никакой охоты остаться здѣсь! Губернаторъ отвѣчалъ мнѣ съ ироническою улыбкою: „А вотъ мы постараемся удовлетворить вашему желанію всѣми зависящими отъ насъ способами.“ Я хорошо понялъ, что онъ хотѣлъ сказать и что понималъ подъ этими словами. На другой день тѣже самые вопросы были предложены мнѣ письменно. Я отвѣчалъ и на нихъ очень кратко. Черезъ два дня меня повели къ губернатору, который опять спросилъ: какъ я называюсь и объявилъ мнѣ, выслушавъ меня, что я не Катаро а полякъ, родомъ съ Украйны и что онъ знаетъ мое настоящее имя. Онъ прибавилъ: „Не доводите насъ до суровыхъ мѣръ, которыми мы можемъ располагать; лучше положитесь на великодушіе, милосердіе и справедливость нашего императора. Онъ добръ и обратитъ вниманіе на ваше положеніе, на ваше добровольное, невынужденное признаніе; надѣйтесь и говорите смѣло.“ Я не сомнѣваюсь ни въ суровости русскихъ мѣръ, отвѣчалъ я, ни въ великодушіи императора, но мнѣ говорить нечего, я все сказалъ. Очень сожалѣю, что не могу воспользоваться милосердіемъ и великодушіемъ царя.“ Губернаторъ вспыхнулъ, глаза его загорѣлись и онъ закричалъ: „Не забывайте, сударь мой, что вы въ Россіи, а не во Франціи или Англіи, мы не имѣемъ ни времени, ни охоты долго разсуждать съ вами.“ Потомъ онъ обратился къ Поличковскому и сказалъ ему по русски очень громко, быть

можетъ для того, чтобы запугать меня: „Что съ нимъ церемониться; велѣть ему набить кандалы на руки и на ноги, да засадить его въ острогъ. Его надо взять въ руки по русски, а то что онъ тутъ намъ все одно и тоже напѣваетъ!“ Потомъ онъ обратился ко мнѣ и прибавилъ тоже по русски: „понимаете вы это!“ Да я слышу, но не понимаю, отвѣчалъ я. Они посмотрѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ и мнѣ стало ясно, что они не были увѣрены, что я точно полякъ и эмигрантъ. Въ эту минуту въ залу ввели Альберта Нитовскаго, который самъ навязался на мое знакомство и гораздо уже позднѣе узналъ кто я такой. Зная его за человѣка характера слабаго и за игрока, я никогда ни въ чемъ не довѣрялся ему и не говорилъ ему ни о себѣ, ни о моихъ планахъ и намѣреніяхъ. Онъ не зналъ моего настоящаго имени. Онъ вошелъ въ комнату блѣдный какъ смерть, съ впалыми глазами, и скорѣе походилъ на привидѣніе, чѣмъ на живаго чловѣка. Напрасно старался я успокоить его взглядами, въ немъ души не было, или лучше душа его была низкая и подлая. Онъ остановился за нѣсколько шаговъ отъ меня. „Вы его знаете?“ спросилъ у него губернаторъ. Очень хорошо. Какъ его зовутъ? — Катаро. — А еще какъ? У него есть польское имя, которое я забылъ. „Откуда онъ родомъ?“ Изъ Украйны, но изъ какаго именно мѣста, я навѣрно не знаю. „Говоритъ ли онъ по польски?“ Очень хорошо, такъ какъ говорятъ природные поляки. — Откуда онъ пріѣхалъ? Изъ Франціи. — Онъ эмигрантъ? — Да. — За чѣмъ онъ пріѣхалъ? Съ цѣлью возбудить ненависть поляковъ къ русскому правительству и русскому императору. Онъ говорилъ жителямъ, что надо сближаться съ народомъ, объяснять ему, что его гнететъ правительство и императоръ, а когда такимъ образомъ все будетъ подготовлено,

начать возстаніе. Нитовскій говорилъ многое другое, все въ томъ же родѣ и назвалъ множество лицъ, съ которыми я говорилъ о моихъ намѣреніяхъ и планахъ.

Слушая признанія Нитовскаго, и особенно когда онъ сталъ называть по именамъ людей, изъ которыхъ многіе были его друзьями, я не вѣрилъ своимъ ушамъ и глазамъ. Я не могъ даже предполагать такой низости въ человѣкѣ и полякѣ. Тогда губернаторъ обратился ко мнѣ съ новымъ увѣщаніемъ признаться во всемъ, такъ какъ все уже извѣстно; но гнѣвъ, страданіе, боль сердца, негодованіе, придали мнѣ дерзости. Я отвѣчалъ рѣшительно что ничего этого не знаю и что имя мое Катаро. Потомъ я обратился къ Нитовскому и сказалъ ему: есть ли въ васъ совѣсть? вы вводите въ бѣду, оговариваете людей невинныхъ, которыхъ я почти незнаю и только иногда встрѣчалъ быть можетъ. Для чего хотите вы, чтобы они проклинали самую память вашу. Я повторяю, все что вы сказали — ложь, выдумка, клевета, которыя подтвердить запрещаютъ мнѣ богъ и совѣсть.

Я говорилъ съ волненіемъ и страстію. Нитовскій колебался, но губернаторъ съ гнѣвомъ обратился къ нему и закричалъ: „говори правду, говори смѣло, или я велю принести палокъ, пусть и онъ на нихъ посмотритъ, сказалъ губернаторъ, показывая на меня, тогда правда выйдетъ наружу. Ну, говори же!“ Нитовскій все дрожалъ и сказалъ по русски: Я присягну, что говорю правду и не знаю почему г-нъ Катаро запирается! Потомъ онъ обернулся ко мнѣ и рыдая, какъ дитя, ломая себѣ руки, сказалъ: „г-нъ Катаро, сжальтесь надо мною! Вы вовлекли меня въ несчатье, говорили мнѣ о вещахъ, о которыхъ я ни знать, ни слышать, не хотѣлъ. Я былъ спокоенъ и счастливъ — вы погубили мое спокойствіе, счастье, будущность

и всѣ мои надежды. Я сказалъ правду, за чѣмъ же запираться напрасно; вѣдь этого скрыть теперь невозможно; другіе сознаются въ томъ же. Сказавши слова эти, онъ зарыдалъ. Сердце мое раздиралось при видѣ его отчаянія и рыданій и мнѣ надо было употребить всю силу воли, чтобы побѣдить въ себѣ волненіе, возбужденное во мнѣ, то состраданіемъ и презрѣніемъ, то местію и сердечною болью. Я обратился къ Нитовскому и повторилъ опять тоже самое, что говорилъ прежде. Между мною и Нитовскимъ, которому губернаторъ не давалъ отдыха, началась настоящая борьба; онъ доказывалъ, я непризнавался и отпирался отъ всего. Изъ этой очной ставки ничего однако не вышло. Нитовскаго увели, а губернаторъ продолжалъ увѣщевать меня и убѣждать положиться на милосердіе и великодушіе монарха. Онъ, то ласково и дружески говорилъ со мною, то вдругъ выходилъ изъ себя и пылалъ гнѣвомъ. Я постоянно отвѣчалъ отрицательно. Наконецъ губернаторъ сказалъ мнѣ, что если я добровольно непризнаюсь, то онъ употребитъ розги, чтобы добиться правды. Напоминаніе о тѣлесномъ наказаніи, такъ сразило и взволновало меня, что кипя гнѣвомъ я рѣзко возразилъ ему: г-нъ губернаторъ! вы должны узнать, что я не привыкъ къ такому языку и надѣюсь впредь не слыхать ничего подобнаго ни отъ васъ, ни отъ кого другаго. Если вы такимъ способомъ добились показаній Нитовскаго, то я ничему не удивляюсь. Этимъ способомъ можно добиться у многихъ, чего угодно.

Послѣ ухода Нитовскаго приведенъ былъ Станиславъ Лещинскій, если не ошибаюсь, котораго я только два раза въ жизни видѣлъ. Когда я познакомился съ нимъ, онъ мнѣ такъ не понравился, что я никогда ни объ чемъ важномъ не говорилъ съ нимъ и ни въ чемъ не довѣрялся ему. Я не любилъ даже встрѣчаться съ нимъ и потому видѣлъ его

только два раза въ жизни: точно какое предчувствіе говорило мнѣ, что этотъ человѣкъ погубитъ меня. Позднѣе я узналъ, что этотъ Лещинскій былъ первою причиною открытія нашихъ намѣреній. Узнавъ о нашихъ намѣреніяхъ, Лещинскій принялся съ горячностію и неразборчивостію глупца, искать новыхъ прозелитовъ. Онъ попалъ на какого то своего родственника Яшовича, или Яшовскаго, который выслушавъ все, что онъ ему выболталъ, и согласившись съ нимъ, спросилъ у него, кто научилъ его всей этой мудрости. Лещинскій тотчасъ сказалъ ему, что въ Каменецъ Подольскій пріѣхалъ полякъ-эмигрантъ, который выдаетъ себя за француза и распространяетъ такія мысли между своими земляками. Ты знаешь его? спросилъ Яшовскій Лещинскаго. Знаю, отвѣчалъ послѣдній. Яшовскій, не медля ни минуты, отправился къ губернатору Радищеву, разсказалъ ему все, что слышалъ, и прибавилъ, что самъ полякa эмигранта не знаетъ, а родственникъ его Лещинскій хорошо знакомъ съ нимъ. Губернаторъ призвалъ Лещинскаго, который изъ трусости, или по слабости характера, или наконецъ изъ желанія выслужиться и получить награду, а можетъ быть и по всѣмъ этимъ причинамъ, высказалъ все, что самъ зналъ. Къ несчастію онъ выдалъ Нитовскаго, который тотчасъ во всемъ признался и въ свою очередь выдалъ многихъ другихъ, о которыхъ зналъ больше чѣмъ Лещинскій. Когда я былъ уже въ Сибири, мнѣ попалась въ руки польская газета, издаваемая въ Россіи, въ которой я прочелъ, что Лещинскій уроженецъ Подольской губерніи, пожалованъ за ревностную службу орденомъ Станислава третьей степени. Лещинскій на очной ставкѣ со мною, сказалъ слово въ слово, что говорилъ Нитовскій, съ тою только разницею, что не назвалъ многихъ, потому что не зналъ ихъ именъ. Обо мнѣ онъ ска-

залъ, что я полякъ, но имени моего не знаетъ, а знаетъ только то, что я имѣлъ замыселъ взбунтовать край. Я твердилъ одно и тоже: по польски не знаю, Лещинскаго встрѣчалъ, но ни о чемъ съ нимъ говорить не могъ, ибо онъ не знаетъ по французски, а я не знаю по польски; все что говоритъ Лещинскій ложь и клевета.

Когда Лещинскій вышелъ, полицмейстеръ и губернаторъ стали уговаривать меня и неотступно приставать ко мнѣ, чтобы я во всемъ признался; но я твердо сталъ на своемъ и отвѣчалъ на все отрицательно. Оставшись одинъ я страдалъ всѣми силами души моей: сколько было арестовано? Признаются они, или нѣтъ? Если признаются, что мнѣ дѣлать, чтобы ихъ выгородить и спасти? Положивъ руку на сердце, скажу, какъ передъ богомъ сердцевѣдцемъ, что я не думалъ о себѣ, о своемъ спасеніи, и заботился только о судьбѣ моихъ несчастныхъ братій. Представляя себѣ ихъ страданія, слезы матерей, женъ и дѣтей ихъ, отчаяніе ихъ отцевъ, я по истинѣ не могъ думать о своемъ собственномъ положеніи; всей душей и всѣмъ сердцемъ болѣлъ я о нихъ, ибо сознавалъ, что я одинъ причина ихъ несчастія. Я рѣшился запираться во всемъ до послѣдней возможности.

IX

Слабость характера другихъ обвиненныхъ. Мое признаніе и показаніе.

На другой день ночью, часу въ двѣнадцатомъ, меня разбудили и привели въ губернаторскую залу. Губернаторъ встрѣтилъ меня, потирая руки; онъ былъ чрезвычайно доволенъ и веселъ и, подошедши ко мнѣ, показалъ мнѣ на цѣлую шеренгу лицъ, стоявшихъ по двумъ стѣнамъ

залы и сказалъ по русски: Проповѣдуйте имъ теперь, что имъ проповѣдывали прежде, проповѣдуйте! Всѣ они знаютъ васъ также хорошо, какъ вы ихъ знаете; ну, говорите же по польски. Вы полякъ. Они всѣ признались въ этомъ. Я посмотрѣлъ въ лице губернатора и догадался тотчасъ, что онъ говорилъ правду, тѣмъ болѣе, что арестованные поляки стояли въ замѣшательствѣ, не смѣли взглянуть на меня и напрасно старался я успокоить ихъ, глядя на нихъ съ смѣлою довѣренностію и ободряя ихъ взглядами. Когда губернаторъ повторилъ мнѣ опять, чтобы я признался, я отвѣчалъ по французски, что я не полякъ, по польски не знаю, и изъ всѣхъ этихъ господъ знаю нѣкоторыхъ, и то съ виду. Я нарочно повторилъ все это подробно, чтобы они знали, что я ни въ чемъ не признался. Губернаторъ съ гнѣвомъ обратился ко мнѣ и сказалъ: „они всѣ говорятъ, что вы полякъ и говорили съ ними по польски. Спросите у нихъ сами!“ Я тотчасъ воспользовался позволеніемъ и подошелъ къ первому, ближе всѣхъ ко мнѣ стоявшему, и съ смѣлостію, скажу больше, съ дерзостію спросилъ у него: „Когда же я съ вами говорилъ по польски?“ Дрожащимъ, робкимъ голосомъ онъ отвѣчалъ мнѣ: „Да вы говорили со мною по польски!“ Это не правда! сказалъ я, и обращаясь къ другому, стоявшему съ нимъ рядомъ, спросилъ съ волненіемъ и гнѣвомъ: „Можетъ быть вы будете имѣть смѣлость утверждать также, что я говорилъ съ вами по польски?“ Онъ отвѣчалъ: „Да вы говорили по польски, вы Полякъ!“ Такъ и пошло до конца; всякій отвѣчалъ мнѣ: „Вы говорили по польски, вы полякъ!„

Каково было мое положеніе! Трудно было запираться въ присутствіи столькихъ свидѣтелей, утверждавшихъ одно и тоже. Правительство, обратившись къ заграничной полиціи, могло бы очень легко добыть доказательства того,

что я дѣйствительно полякъ и эмигрантъ. Кромѣ того, такъ какъ всѣ взятые признались что я полякъ, то теперь надо было заботиться уже о томъ, чтобы спасти ихъ и себя, если возможно, и я рѣшился дѣйствовать иначе. Въ ту самую минуту, когда арестованные, кромѣ тѣхъ человѣкъ, которые продолжали запираться какъ и я, сказали что я полякъ, я повернулся къ нимъ съ неописаннымъ гнѣвомъ и во весь голосъ воскликнулъ по польски: глупцы вы! Потомъ обратился къ губернатору и сказалъ ему; „Да, я полякъ! но пріѣздъ мой сюда не имѣлъ политической цѣли. Одна тоска по родинѣ увлекла меня сюда; я не увлекалъ никого, говорилъ только о польской эмиграціи, о желаніи поляковъ возвратиться назадъ, о заграничныхъ правахъ и ни о чемъ больше. Повторяю, что я не имѣлъ никакихъ политическихъ замысловъ, никого не увлекалъ и къ бунту не подговаривалъ.“ Я сказалъ это съ намѣреніемъ увѣрить всѣхъ ихъ, что я ни въ чемъ не признаюсь, никого не выдамъ и надѣялся что они поймутъ, что не подлежатъ ни наказанію, ни отвѣтственности за то, что я полякъ. Губернаторъ очень обрадовался моему признанію, онъ смѣялся, ходилъ взадъ и впередъ, потиралъ руки; я воспользовался расположеніемъ его духа и сказалъ ему громко, такъ чтобы всѣ слышали: я удивляюсь, какъ это многіе изъ этихъ господъ могли знать, что я говорю по польски; изъ всѣхъ нихъ только двое, которыхъ я хорошо знаю, потому что давалъ имъ уроки французскаго языка, быть можетъ случайно слышали, что я какъ нибудь проговорился съ ними по польски; нѣкоторыхъ изъ нихъ я знаю только съ виду, а другихъ вовсе не знаю и никогда не видалъ. Это сказалъ я для тѣхъ, которые утверждали что не знаютъ меня. Какъ могъ я говорить съ ними о какихъ то замыслахъ, когда я только случайно встрѣчался

съ большею частію изъ нихъ.“ Утверждать, что я никого не знаю было невозможно; двумъ братьямъ Бѣлинскимъ я давалъ уроки французскаго языка и полиція должна была знать объ этомъ. Еслибы никто изъ нихъ не признался, что я полякъ, я могъ бы сладить съ Нитовскимъ и Лещинскимъ; но всѣ они по слабости характера перепугались, выдали меня и себя запутали. Только трое стояли твердо въ своихъ показаніяхъ, но такъ какъ ихъ уличили другіе, то въ послѣдствіи они и были наказаны за это гораздо строже. Честь имъ! спокойствіе ихъ совѣсти, уваженіе истинныхъ сыновъ Польши, пусть будетъ имъ наградою. Что касается до меня, то я утѣшался мыслію, что между слабыми и робкими, есть еще истинные Поляки, въ которыхъ заключается надежда и будущность Польши. Честь и слава вамъ братья мои, истинные сыны отечества!

Отчего вы тотчасъ не признались? спросилъ меня губернаторъ.

Хотя я и не имѣлъ политической цѣли, но вы сами знаете строгость русскихъ законовъ, особенно въ отношеніи возвращающихся эмигрантовъ; я зналъ что ожидаетъ меня, не могъ и не могу надѣяться на царя; но прошу г-на губернатора обратить милостивое вниманіе на этихъ людей, несчастія которыхъ я причиною. Не лучше ли вамъ оставить по себѣ добрую память, внушить благодарность и уваженіе, чѣмъ ненависть и проклятіе? Губернаторъ отвѣчалъ мнѣ благосклонно и совѣтовалъ возложить всѣ надежды на милосердіе императора. Я подумалъ „лучше сто смертей, чѣмъ его милосердіе!“ За тѣмъ меня увели въ приготовленную для меня въ домѣ комнату. Черезъ нѣсколько времени мнѣ принесли вопросные пункты, написанные по французски. Вотъ нѣкоторые изъ нихъ: „Какъ меня зовутъ? Гдѣ я родился? Принималъ ли участіе въ

революціи 1830 года? Когда эмигрировалъ? Чѣмъ занимался? Какимъ образомъ досталъ англійскій паспортъ? Кого знаю въ Каменецъ Подольскомъ? Признавшись что я полякъ, надо было признаться во всемъ, что не подвергало опасности другихъ. Я отвѣчалъ, что имя мое Руфинъ Піотровскій, родился въ Кіевской губерніи, служилъ въ корпусѣ генерала Дверницкаго въ Волыни, эмигрировалъ въ 1832 году, жилъ во Франціи и досталъ паспортъ слѣдующимъ образомъ: нашедши на улицѣ Парижа потерянный паспортъ какого то англичанина, или итальянца, родомъ изъ Мальты, я рѣшился присвоить его себѣ, представить его въ англійское посольство, и получилъ другой для проѣзда въ Константинополь. Что касается до моихъ знакомствъ въ Каменцѣ Подольскомъ, то знаю многихъ, въ томъ числѣ Нитовскаго, Дмитренко, Лещинскаго, братьевъ Бѣлинскихъ, Лаховича, Рогачева, словомъ упомянулъ только тѣхъ, которые сами доносили на меня и о тѣхъ, которыхъ знакомство со мною погубить не могло. Когда я далъ отвѣты на всѣ вопросы, меня отвели въ домъ полицмейстера, который очень удивлялся, что я такъ долго и такъ упорно выдавалъ себя за иностранца и ни разу не проговорился по польски. Онъ самъ говорилъ по польски, былъ Литвинъ, много разсказывалъ мнѣ интереснаго о польской революціи, хорошо зналъ Конарскаго, вмѣстѣ съ нимъ учился въ одной школѣ и отзывался о немъ съ уваженіемъ. Въ этотъ день я обѣдалъ съ такимъ апетитомъ. какого давно не ощущалъ; потомъ я спокойно и крѣпко заснулъ, какъ человѣкъ, участь котораго рѣшена, и который готовъ на все.

На другой день, меня опять повели къ губеннатору и уже не спрашивали о томъ полякъ ли я, или нѣтъ, а о томъ съ какою цѣлью я пріѣхалъ? Я отвѣчалъ, что одна

только тоска по родинѣ привела меня сюда и тайныхъ цѣлей я не имѣлъ. Губернаторъ и Поличковскій утверждали противное и поставили меня на очную ставку съ обвиненными, которыхъ показанія были не тверды, сбивчивы и робки, почему мнѣ и удалось принудить нѣкоторыхъ изъ нихъ сказать, что я съ ними ничего особеннаго никогда не говорилъ, что не искалъ ихъ знакомства и никакихъ плановъ для дѣйствій имъ не предлагалъ. Я сказалъ въ подтвержденіе моихъ и ихъ словъ, что еслибы у меня были политическія цѣли, я бы объѣхалъ всю губернію, ибо въ паспортѣ моемъ стояло позволеніе жить гдѣ я хочу, что я напротивъ того началъ свои знакомства въ русскихъ домахъ и спокойно давалъ уроки французскаго языка. Потомъ призвали Нитовскаго, который съ упорствомъ утверждалъ, что я возбуждалъ всѣхъ поляковъ противъ русскаго правительства, подговаривалъ ихъ къ бунту и возстанію и когда я сказалъ ему, что онъ лжетъ и клевещетъ, онъ обернулся къ губернатору и Поличковскому, и воскликнулъ: „Сперва онъ не хотѣлъ признаться что полякъ, а когда его уличили, то онъ не признается что бунтовалъ поляковъ противъ царя и властей.“ Это совершенно безцѣльное и совершенно спокойное показаніе, долженствовавшее погубить столькихъ людей, до глубины души возмутило меня. Я запылалъ гнѣвомъ и забылся. „Вы самый низкій человѣкъ на свѣтѣ, воскликнулъ я, и ни одинъ честный человѣкъ не можетъ повѣрить словамъ вашимъ.“ Поличковскій остановилъ меня вѣжливо и замѣтилъ мнѣ, что всякій имѣетъ право высказывать то, въ чемъ увѣренъ. Тогда Нитовскій положилъ руку на сердце и сказалъ, что онъ присягаетъ и клянется въ томъ, что говоритъ правду.

Не мало удивлялся я и печалился о томъ, что такъ скоро всѣ арестованные признались, что я полякъ и оступи-

лись отъ прежде между нами условленнаго способа защиты; я обвинялъ ихъ въ низости, но я понялъ позднѣе что это была только слабость характера. Сначала всѣ они, кромѣ Нитовскаго и Лещинскаго, не признавались ни въ чемъ, но имъ грозили тѣлесными наказаніями и каждаго по одиночкѣ ставили на очную ставку съ двумя этими негодяями, которые уличали ихъ, а потомъ всѣхъ признавшихся приводили къ тому, который еще запирался. Такимъ образомъ, кромѣ трехъ поляковъ, о которыхъ я уже упоминалъ, всѣ мало по малу должны были признаться. Но я ни за что не хотѣлъ сдѣлать того же, твердо стоялъ на своемъ и многихъ сбилъ совершенно; другіе поняли въ чемъ дѣло и измѣнили показанія. Одинъ изъ нихъ чрезвычайно честный и любезный, всѣми любимый молодой человѣкъ, отвѣчалъ мнѣ: Оставьте меня въ покоѣ, развѣ вы не понимаете, что вы погибли и ни что не можетъ спасти васъ. „Позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ чистосердечнымъ и полнымъ признаніемъ уменьшить наказаніе, которое меня ожидаетъ и такимъ образомъ успокоить тревогу и страданія моихъ несчастныхъ отца и матери.“ Я посмотрѣлъ на него, онъ былъ блѣденъ, голосъ его дрожалъ, слезы висѣли на рѣсницахъ. Видя пропасть, въ которую несчастный добровольно стремился, я сказалъ ему: „Дѣло идетъ не обо мнѣ; я знаю что я погибъ и пропалъ — тутъ дѣло идетъ о разумности и правдѣ; желаніе избавиться отъ наказанія также естественно, какъ желаніе уменьшить скорбь родныхъ; но ложью и выдумками нельзя достигнуть этой цѣли. Подумайте только хладнокровно и разумно обо всемъ этомъ. Когда же мы говорили съ вами? совѣсть скажетъ вамъ что я говорю правду.“ Молодй человѣкъ задумался и молчалъ. Поличковскій спросилъ у него: „вы остаетесь при первомъ по-

казаніи? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я думаю теперь, что г-нъ Піотровскій правъ. „За чѣмъ же вы говорили неправду прежде?“ спросилъ Поличковскій. — Вы знаете чѣмъ грозили мнѣ, сказалъ онъ. Этотъ день былъ страшнымъ для меня днемъ; я много выстрадалъ и занемогъ; со мной сдѣлались жаръ и лихорадка. Видя слабость характера земляковъ моихъ, совершенное отсутствіе твердости духа, желаніе выгородить себя изъ бѣды во чтобы то ни стало, хотя бы на счетъ совѣсти и чести, я усумнился въ будущемъ Польши; презрѣніе и отвращеніе не разъ просыпались въ сердцѣ моемъ. До тѣхъ поръ я еще не былъ свидѣтелемъ до какой степени животное чувство самоохраненія сильно въ человѣкѣ. Взирая на эти блѣдныя тѣни, двигавшіяся передъ моими глазами, замѣчая выраженіе лицъ, которое казалось молило о пощадѣ, сердце мое сжималось отъ боли и страданія а иногда и отъ непобѣдимаго отвращенія. Скоро мое волненіе и пылъ утихли, я покорился и жалость и любовь закрались снова въ мое сердце. Желаніе спасти ихъ отъ несчастія и напастей, въ которыя я вовлекъ ихъ, овладѣло мною. — Что же касается до тѣхъ троихъ, которые во всемъ запирались, я гордился ими какъ полякъ и соотечественникъ.

X

Отъѣздъ изъ Каменца. По дорогѣ въ Кіевъ. Меня заковываютъ въ цѣпи. Прибытіе въ Кіевъ.

Въ тотъ же самый день вечеромъ, 5 числа генваря 1844 года, мнѣ принесли тулупъ, теплые сапоги и приказали мнѣ одѣваться въ дорогу. На мой вопросъ: куда везутъ меня? Поличковскій отвѣчалъ мнѣ, что въ Кіевъ, къ ге-

нералъ губернатору и что онъ поѣдетъ вмѣстѣ со мною. Я былъ очень радъ этому, ибо Поличковскій былъ вѣжливъ и деликатенъ. Вообще я долженъ сказать что онъ также, какъ и другіе чиновники, обходился со мною прилично, по человѣчески; казалось всѣ они уважали мое положеніе и не унизили ничѣмъ чувства моего собственнаго достоинства. Быть можетъ, я составлялъ исключеніе, но во всякомъ случаѣ я отдаю имъ справедливость и желалъ бы, чтобы всѣ русскіе убѣдились, что мы поляки всегда рады отдавать имъ должную справедливость. Я желалъ бы, чтобы они поняли, что наши страданія, преслѣдованія, которыя мы терпѣли отъ ихъ правительства, служатъ для насъ средствомъ къ возвращенію утраченныхъ правъ и свободы; русскіе должны почтить наши бѣдствія, наши страданія, сочувствовать имъ и уважать ихъ. Я предпочитаю русскихъ, нашихъ соплеменниковъ, всякимъ нѣмцамъ, столь враждебнымъ польской національности.

Въ Россіи только деспотъ и его чиновники, ревностные исполнители его дикихъ приказаній, враждебны полякамъ; въ германіи же всѣ нѣмцы безъ различія партій одинаково намъ непріязненны. Безпристрастіе, которое заставляетъ меня отдавать справедливость русскимъ, въ чемъ они заслуживаютъ ее, требуетъ также, чтобы я замѣтилъ что всѣ русскіе чиновники, почти безъ исключенія, и высшіе и низшіе заражены взяточничествомъ и воровствомъ. Чѣмъ выше чинъ, тѣмъ воровство смѣлѣе и безстыднѣе. Во время моего ареста, у меня взяли отличныя англійскія бритвы и словарь; я просилъ и умолялъ постоянно и въ Каменцѣ и въ Кіевѣ, чтобы мнѣ возвратили эти вещи; обѣщали, откладывали подъ разными предлогами и кончилось все таки тѣмъ, что я не видалъ ни бритвъ, ни словаря.

Когда я одѣлся, къ дому подкатила бричка; маіоръ

Поличковскій сѣлъ въ нее рядомъ со мною, противъ насъ помѣстились два жандарма съ саблями и съ заряженными ружьями. Ночь была тиха, но темна и холодна. Колокольчикъ заливался и прерывалъ могильную тишину окружавшую насъ. Я молчалъ. Поличковскій, быть можетъ изъ уваженія къ моему положенію, тоже не говорилъ ни слова. Когда на станціяхъ я выходилъ изъ экипажа, онъ выразительно показывалъ на меня, и жандармы, не отпуская меня ни на шагъ, отправлялись за мною. Они могли быть спокойны, я и не думалъ о побѣгѣ, который могъ бы погубить столько взятыхъ изъ за меня людей. Мой долгъ повелѣвалъ мнѣ ѣхать туда, гдѣ должна была рѣшиться и ихъ и моя участь.

На другой день, мы разговорились. Поличковскій доказывалъ, что Польша должна быть подчинена Россіи, что эти двѣ народности должны слиться и составить одно цѣлое, для общаго спокойствія и счастія. Я утверждалъ, что Польша должна существовать самобытно, независимо, что Россія обладаетъ только физическою, матеріальною силою, и что въ интересахъ самой Россіи надо желать, чтобы Польша существовала независимо отъ нея, что это ея предназначеніе и напрасно люди и правительства препятствуютъ ей исполнить его. Я удивлялся познаніямъ Поличковскаго и его начитанности; по польски онъ говорилъ плохо, но хорошо понималъ; думая о немъ я приходилъ въ недоумѣніе. Онъ арестовалъ меня, присутствовалъ при слѣдствіи, позднѣе былъ однимъ изъ членовъ слѣдственной надо мною комиссіи въ Кіевѣ, допрашивалъ меня больше всѣхъ, исключая президента; но всегда былъ одинаковъ со мною, исполнялъ свою должность съ величайшею аккуратностію чиновника, никогда не высказалъ и не показалъ мнѣ участія, никогда не утѣшалъ меня, не подавалъ ни

взглядомъ ни видомъ надежды, всегда былъ холоденъ, равнодушенъ, почти безчувственeнъ, но обращался со мною вѣжливо, деликатно, честно и не оскорбилъ во мнѣ чувства Поляка. Мнѣ сдается, хотя я и не увѣренъ въ этомъ, что счастливый случай послалъ мнѣ его и что его обо мнѣ мнѣніе, какъ въ Каменцѣ Подольскомъ такъ и въ Кіевѣ было причиною, что со мною обошлись по человѣчески. Сердца моего онъ не привязалъ, но заслужилъ мою благодарность, и я охотно пожалъ бы ему руку. Бричка наша сломалась въ Могилевѣ; мы пересѣли въ перекладныя: я въ одной съ жандармомъ, а Поличковскій съ Писаревымъ, чиновникомъ присланымъ изъ Кіева, въ другой. Мы летѣли какъ вихорь; на второй станціи, телѣга такъ сильно ударила въ какую то выбоину, что я, совершенно отвыкнувъ отъ такой ѣзды, почувствовалъ ударъ въ шею, какъ будто тамъ что то лопнуло. У меня поднялась такая страшная боль и стрѣльба въ головѣ, что я подумалъ что умру въ туже минуту. Я закричалъ изъ всей силы: стой! Поличковскій, спросивши что случилось, приказалъ ѣхать тише. Пріѣхавши на станцію, я едва могъ вылѣзть изъ телѣги и слезы какъ градъ катились изъ глазъ моихъ отъ ужаснѣйшей головной боли. Поличковскій предлагалъ мнѣ остаться ночевать, но я думалъ что боль пройдетъ и поѣхалъ дальше. Она не унималась, напротивъ того, и я, не смотря на все свое терпѣніе, обхвативъ руками голову кричалъ и стоналъ отъ боли. Мы ѣхали очень тихо и на слѣдующей станціи, Поличковскій объявилъ мнѣ, что онъ долженъ спѣшить въ Кіевъ и оставляетъ меня съ Писаревымъ. Мы отправились далѣе; ѣхали тихо, ибо боль въ головѣ моей была такъ сильна, что при всякомъ толчкѣ я не могъ удержаться отъ крика. Писаревъ закричалъ чтобы ѣхать скорѣе и, когда лошади побѣжали шибкой рысью, боль сдѣ-

лалась нестерпимою. Я закричалъ опять стой и застоналъ. Жандармы встали, чиновникъ подошелъ ко мнѣ. „Вамъ приказано, сказалъ я ему запальчиво, ѣхать тихо; если не хотите сдѣлать этого, то прикажите пустить мнѣ пулю въ лобъ. Это будетъ сноснѣе! Чиновникъ попросилъ у меня извиненія, я тотчасъ сказалъ ему мягко и тихо: повѣрьте мнѣ, что при скорой ѣздѣ я пяти минутъ не могу выдержать, умру отъ боли. Чтоже вы тогда будете дѣлать? Я до сихъ поръ увѣренъ, что умеръ бы несомнѣнно, еслибъ меня повезли шибко. Мы ѣхали очень тихо цѣлую ночь и на другой день пріѣхали въ городъ Брацлавъ. Тутъ ожидалъ насъ Поличковскій и, когда увидѣлъ какъ я измѣнился, измучился и ослабъ, рѣшилъ что ѣхать далѣе мнѣ невозможно. Онъ поручилъ меня городничему и Писареву, а самъ отправился далѣе. Мнѣ отвели чистую, за желѣзными рѣшетками, комнату и заперли меня въ ней вмѣстѣ съ двумя жандармами, которые сѣли подлѣ запертой двери. Вскорѣ пришелъ докторъ Литвинъ, по имени Кашицъ; онъ глядѣлъ на меня съ искреннымъ участіемъ, но говорить со мною ни о чемъ не могъ при постороннихъ свидѣтеляхъ. Распросивши меня заботливо что я чувствую, онъ рѣшилъ что я страдаю сотрясеніемъ мозга и, прописавъ лѣкарство, вышелъ. Городничій, человѣкъ добрый и еще молодой, обращался со мною хорошо, прислалъ мнѣ подушки, чаю и я легъ и успокоился; боль мало по малу утихла и я заснулъ. Когда я проснулся было уже поздно и я услышалъ польскую молитву. Это было Рождество Христово и польскіе узники пѣли хоромъ молитвы (коленды). — Въ ясляхъ лежитъ и прочее. *) Я приподнялся

*) W żłobie leży,
Ktoż pobieży
Kolędować małemu i t. p.

съ постели, подперъ больную голову руками и заплакалъ. Ни одна музыка въ мірѣ не произвела на меня такого впечатлѣнія, какъ этотъ хоръ!

На другой день у меня спросили могу ли я ѣхать; такъ какъ я боли не чувствовалъ, но былъ только страшно слабъ, то и рѣшился отправиться. Когда я вышелъ, чтобы сѣсть въ телѣгу, то увидѣлъ солдатъ, стоявшихъ подъ ружьемъ. Ктото сказалъ мнѣ, что большая часть этихъ солдатъ поляки и сражались противъ русскихъ, во время варшавскаго возстанія. Я не могъ удержаться, снялъ шапку, поклонился имъ и громко сказалъ по польски: „Какъ поживаете, товарищи! Будьте здоровы!“ Они слегка кивнули мнѣ головами, но городничій крикнулъ: пошелъ! и мы поѣхали. Къ счастію напало много снѣгу, дорога не была тряска и я чувствовалъ головную боль только при толчкахъ. Едва отъѣхали мы милю отъ Брацлавля, какъ увидѣли во весь опоръ мчавшуюся тройку. Поровнявшись съ нами, жандармскій офицеръ закричалъ: стой! и подошелъ ко мнѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что присланъ нарочно изъ Кіева на мѣсто Поличковскаго и долженъ ѣхать со мною. Этотъ человѣкъ изъ русскихъ нѣмцевъ говорилъ отрывисто и грубо. Я ни слова не отвѣтилъ ему. Тогда неизвѣстно почему, безъ всякой причины, быть можетъ чтобы показать свою власть и настращать меня, онъ обратился къ жандармамъ и грозилъ имъ палками. Не мало подивился я самъ въ себѣ этой безумной, дьявольской ѣздѣ. Отъ отъѣзда Поличковскаго до пріѣзда жандармскаго офицера прошло только 42 часа, а отъ Брацлавля до Кіева очень не близко.

Новоприбывшій усѣлся въ сани Писарева и мы поѣхали дальше. Недоброе предчувствіе мучило меня. Мы пріѣхали въ Липовецъ, меня посадили въ полицейскій домъ; начинало смеркаться. Ко мнѣ вошелъ офицеръ, обшарилъ

всѣ мои карманы и, не нашедши ничего, былъ сильно недоволенъ. Я ему сказалъ, что деньги отобраны у меня еще въ Каменцѣ, но онъ продолжалъ ощупывать мой воротникъ, рукава и, не нашедши опять ничего, приказалъ солдатамъ вести меня за нимъ. Онъ привелъ меня въ какую то землянку, полную солдатами, и приказалъ надѣть мнѣ кандалы на руки, которыя запирались огромнымъ желѣзнымъ висячимъ замкомъ. Мнѣ сковали кисти рукъ такъ близко одну отъ другой, что я не могъ владѣть руками, ни даже сдѣлать малѣйшаго ими движенія. Потомъ повели меня въ кузницу, гдѣ не было по случаю праздника ни огня, ни нужныхъ снарядовъ. Вскорѣ нашли солдата кузнеца, который принесъ что было нужно и развелъ огонь. Офицеръ, нашедшій въ полиціи кандалы, держалъ ихъ въ рукахъ и смотрѣлъ на нихъ съ какимъ то дикимъ любопытствомъ и удовольствіемъ. Кандалы были самые негодные, покрытые ржавчиной и состояли изъ двухъ обручей, соединенныхъ двумя толстыми желѣзными прутьями, съ однимъ звѣномъ по серединѣ. Я дожидался болѣе четверти часа, пока развели огонь и приготовили все для этой варварской операціи; потомъ велѣли мнѣ сѣсть и протянуть ноги. Кузнецъ наложилъ мнѣ обручи на ноги и, пробуя годятся ли они, сильно нажалъ ихъ. Я вскрикнулъ отъ боли, потому что они были слишкомъ тѣсны. Кузнецъ, очевидно привыкшій къ такимъ зрѣлищамъ, сказалъ съ грубой насмѣшкой: „Ну, это ничего! бываютъ и тѣснѣе!“ Пока онъ продолжалъ мнѣ примѣривать кандалы, я молчалъ; но когда онъ хотѣлъ запаять ихъ, я отдернулъ ноги и сказалъ запальчиво: „Кандалы такъ тѣсны, что искалѣчатъ мнѣ ноги.“ Офицеръ началъ бормотать что то, но я сказалъ ему: „если хотите заковать меня въ эти кандалы, то я буду жаловаться генералъ губернатору.“ Послѣ этого

кандалы немного разширили и забили ихъ мнѣ на ноги, такъ сильно, будто ковали лошадь. Они все таки были ужасно тѣсны, но дѣлать было нечего. Меня подняли и повели, или лучше сказать понесли къ санямъ. Такъ какъ кандалы были покрыты ржавчиной и звѣнья ихъ не играли, ходить въ нихъ было невозможно. Когда меня сковали по рукамъ и ногамъ я испыталъ тяжкое чувство немощи, какое вѣроятно испытываетъ человѣкъ разбитый параличемъ: онъ чувствуетъ, мыслитъ и не можетъ владѣть ни однимъ членомъ. По случаю праздниковъ, почти всѣ извощики были пьяны и скакали безъ памяти, безпрестанно понуждаемые моимъ офицеромъ, который кричалъ поминутно: пошелъ! пошелъ! Ночь была темная; сани, въ которыхъ я сидѣлъ зацѣпились за что то и опрокинулись; жандармы вылетѣли изъ нихъ, но я, зацѣпившись кандалами за сани, волочился по замерзшей землѣ. Не знаю, какъ я не поломалъ себѣ рукъ и ногъ. Грудь, колѣна и локти мои были разбиты; отъ боли я лишился чувствъ. Когда я пришелъ въ себя, я лежалъ уже въ саняхъ, лошади были остановлены, а надо мною стояли жандармы и чиновникъ. Офицеръ спросилъ меня: „что съ вами?“ Я отвѣчалъ ему: „оставьте меня въ покоѣ, прошу васъ.“ Но дѣло тѣмъ не кончилось, началась другая сцена, которая только и можетъ случиться въ Россіи. Офицеръ, вѣроятно потому, что самъ былъ виноватъ во всемъ и гналъ безъ ума, безъ памяти, принялся страшно бить жандармовъ и ямщика, а послѣ этого жандармы также немилосердно колотили несчастнаго ямщика и до того, что я, возмущенный до глубины души такимъ варварскимъ обхожденіемъ, закричалъ на жандармовъ. Они оставили бѣдняка и сѣли подлѣ меня, проклиная офицера. Эта отвратительная сцена, ярость и негодованіе мною испытанныя при этомъ зрѣлищѣ, боль головы и гру-

ди, совершенно осилили меня — я изнемогъ, едва сидѣлъ и былъ близокъ къ обмороку. Когда мы поѣхали, на меня напалъ безсмысленный страхъ вывалиться изъ саней и при малѣйшемъ толчкѣ я вздрагивалъ. Прежде при перекладкахъ, жандармы помогали мнѣ садиться въ сани, а теперь они уже просто носили меня на рукахъ, ибо силы мои совершенно истощились. На третій день Рождества, на крикъ моего офицера: пошелъ! ямщикъ пустилъ лошадей во весь опоръ; сани раскатились, я вылетѣлъ изъ нихъ какъ мячь и упалъ пластомъ самою грудью на желѣзные замки и цѣпи; духъ занялся во мнѣ, но въ этотъ разъ я не обезпамятѣлъ. Опять началась таже сцена и драки по старшинтву, (чинъ чина почитай, по русской поговоркѣ), но меня уже не волновала она; я самъ былъ едва живъ. Съ тѣхъ поръ, мы начали ѣхать тише; я былъ такъ болѣнъ и разбитъ, что самъ офицеръ мой безпокоился и боялся какъ бы ему вмѣсто арестанта не привести въ Кіевъ одинъ трупъ. Подъѣзжая къ Кіеву я замѣтилъ, что онъ сдѣлался внимательнѣе ко мнѣ и заботился гораздо болѣе о моемъ здоровьи. Мы пересѣли въ перекладную, потому что снѣга почти вовсе не было, и ѣхали цѣлую ночь очень тихо; не смотря на это, голова моя такъ опять разболѣлась и сдѣлалась такая стрѣльба въ ушахъ, что слезы катились изъ глазъ моихъ и я едва не обезумѣлъ отъ боли. На послѣдней станціи, меня посадили въ сани, хотя снѣгу вовсе не было; но я не могъ уже ѣхать въ телегѣ. Пріѣхавъ въ Кіевъ, мы въѣхали въ крѣпость и остановились у дома коменданта.

XI

Кіевская цитадель. Генералъ губернаторъ Бибиковъ.

Я былъ доволенъ, что дорога кончилась; меня вытащили изъ саней и привели въ комнату, гдѣ комендантъ принимаетъ арестантовъ. Комендантъ, адъютанты его и всѣ чиновники, привыкшіе къ подобнымъ зрѣлищамъ, равнодушно взглянули на меня, хотя я былъ больше похожъ на мертвеца, чѣмъ на живаго человѣка. Меня записали въ книгу и, исполнивъ надо мною всѣ формальности, сдали двумъ солдатамъ, которые взяли меня подъ руки и я, едва передвигая опухшія и разболѣвшіяся отъ цѣпей ноги, не дошелъ, а дотащился до моей тюрьмы. Тамъ просилъ я адъютанта, чтобы мнѣ перемѣнили кандалы, которые были такъ тѣсны, что боль въ ногахъ дѣлалась нестерпимой. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что не можетъ взять этого на свою отвѣтственность, но доложитъ кому слѣдуетъ. Потомъ меня обыскали и отобрали у меня все рѣшительно, даже носовые платки. Мнѣ оставили только шинель, платье и бѣлье, которыя были на мнѣ. Тутъ же взяли у меня восемьсотъ злотыхъ, которые до тѣхъ поръ мнѣ удалось скрыть отъ обысковъ. Въ послѣдствіи, при допросахъ, ко мнѣ приставали для какой цѣли я скрывалъ эти деньги. Я отвѣчалъ, что въ моемъ положеніи каждая копѣйка имѣетъ двойную цѣну. Мнѣ поставили воды, заперли за мной двери, я остался одинъ и скоро отъ усталости и изнеможенія крѣпко заснулъ. Я проспалъ 25 часовъ и меня разбудили удивляясь, что я могу спать такъ долго не пивши и не ѣвши; мой тюремщикъ опасался болѣзни. Я въ самомъ дѣлѣ едва могъ говорить и былъ совершенно разбитъ и измученъ. Меня посѣтилъ комендантъ крѣпости Левковичъ, украшенный

различными орденами, спросилъ о моемъ здоровьѣ и не хочу ли я чего нибудь? Я просилъ бульона, онъ обѣщался прислать его тотчасъ и уходя сказалъ мнѣ, чтобы я старался поправиться, что въ тюрьмѣ здоровье необходимо для перенесенія различныхъ и тяжкихъ страданій. Увидѣвъ на столѣ портъ-монэ, онъ взялъ его, не смотря на мои просьбы. Это былъ подарокъ одного моего ученика, который былъ мнѣ особенно дорогъ; въ послѣдствіи я просилъ слѣдственную комиссію возвратить мнѣ мой портмонэ, но никогда не могъ добиться этого; обѣщали и не отдали. Я былъ очень слабъ; но головная боль, которой я очень опасался, не безпокоила меня; за то боль въ груди и ногахъ возрастала больше и больше. Моя каморка имѣла 6 шаговъ въ длину и 5 въ ширину; была очень высока и освѣщалась небольшимъ окошкомъ подъ самымъ потолкомъ, съ двойною желѣзною изнутри и извнѣ рѣшоткою. На стѣнахъ были начертаны имена, между прочими имя Робчинскаго, о которомъ я потомъ слышалъ въ Сибири; около постели моей стоялъ простой маленькій столикъ и стулъ; въ углу была печка. Принесли бульонъ, но мнѣ было такъ трудно владѣть скованными руками, что я недопивши оставилъ его и усѣвшись на постелѣ принялся думать о своей горькой долѣ. Въ первый разъ въ жизни я былъ въ рукахъ правосудія, притомъ еще правосудія русскаго, и не зналъ какъ это правосудіе отнесется ко мнѣ, политическому преступнику. Я зналъ очень хорошо и чувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ при одной мыслѣ о пыткахъ, которымъ подвергали Конарскаго, и старался освоиться съ этой мыслью, чтобы въ случаѣ нужды вынести пытку съ мужествомъ. Глаза мои ненарокомъ упали на кусокъ принесеннаго мнѣ хлѣба, и мнѣ почудилось, что само небо вразумляетъ меня. Я зналъ что въ числѣ пытокъ, которыя вынесъ

Конарскій, былъ и голодъ, и подумалъ, что меня могутъ подвергнуть тому же. Я взялъ хлѣбъ и на всякій случай спряталъ его на печкѣ, между трещинами кирпичей и въ дырахъ образовавшихся между ними. На другой день я сдѣлалъ тоже и былъ очень счастливъ что у меня есть запасъ сухарей на всякій случай.

Выспавшись, напившись бульону и нѣсколько успокоившись, я почувствовалъ тѣмъ сильнѣе страшный зудъ во всемъ тѣлѣ и съ перваго разу никакъ не могъ придумать, чтобы это значило; но скоро я увидѣлъ что былъ изъѣденъ и осыпанъ клопами и другими насѣкомыми. Стѣны тюрьмы моей, постель, кишѣли ими, но я не могъ обороняться отъ нихъ, ибо почти не владѣлъ моими скованными руками. Я посмотрѣлъ вокругъ, будто ища помощи и вдругъ увидѣлъ два устремленные на меня глаза. Это былъ часовой, которому приказано было не спускать съ меня глазъ; онъ глядѣлъ въ небольшое отверстіе, сдѣланное для этой цѣли въ двери. Я сталъ звать его, но онъ не показалъ и признака жизни. Эти два глаза, постоянно уставленные на меня и слѣдившіе за всякимъ моимъ движеніемъ, заставили меня испытать нравственную пытку и выводили меня изъ себя. Я оборачивался къ часовому спиною и не смотря на то чувствовалъ на себѣ взглядъ его. Къ счастью, на другой день, послѣ тревожнаго сна, прерываемаго страшными грезами, безспокойствомъ и зудомъ отъ покрывавшихъ меня насѣкомыхъ, я увидѣлъ генерала Пенхержевскаго, который сдѣлавши мнѣ нѣсколько вѣжливыхъ, но незначащихъ вопросовъ, приказалъ снять кандалы съ рукъ моихъ и перевести меня въ другую комнату. Эта была почище и я могъ отдохнуть немного. Вскорѣ явился опять Левковичъ и приказалъ въ присутствіи трехъ вооруженныхъ солдатъ выбрить мнѣ бороду и бакенбарды. Когда я просилъ его

не брить моихъ бакенбардъ онъ отвѣчалъ: „Вы останетесь съ усами; это по польски, въ старину поляки носили одни усы.“ Увидя, что я принимаю слова эти въ смыслѣ жестокой насмѣшки, онъ сказалъ мнѣ что исполняетъ то, что ему приказано.

На другой день я воротился въ мою прежнюю вычищенную каморку; странно, но послѣ снятія цѣпей, вмѣстѣ съ свободою движенія руками, ко мнѣ возвратились и прежняя энергія и присутствіе духа. Я безпрестанно вытягивалъ руки впередъ и радовался какъ ребенокъ тому, что могъ владѣть ими.

Цѣлую недѣлю длилось мое заключеніе безъ особенныхъ перемѣнъ и приключеній, кромѣ того, что я слышалъ какъ по коридору проводили другихъ людей и узналъ изъ разговора солдатъ, (слухъ заключенныхъ очень чутокъ) что это были вновь привезенные поляки. Новость эта сильно меня опечалила.

Кормили меня хорошо, комнату мою мыли и вычищали каждый день, но спертый воздухъ, недостатокъ свѣта, движенія и занятій погружали меня въ совершенное разслабленіе. Кандалы на ногахъ не позволяли мнѣ не только ходить, но даже стоять и потому я лежалъ и день и ночь, исключая той минуты, которую посвящалъ каждое утро молитвѣ. Ночи тянулись нестерпимо долго и прерывались порою глухими далекими ударами молотка, когда сковывали, или разковывали другихъ политическихъ преступниковъ. Я узналъ что поляки, привезенные изъ Каменца Подольскаго, сидятъ въ той же крѣпости, гдѣ былъ и я, но въ другомъ коридорѣ.

Однажды въ полдень, у дверей моей тюрьмы, сдѣлался шумъ, она отворилась и предо мною показался человѣкъ въ генеральскомъ вицмундирѣ; онъ былъ окруженъ гене-

ралами и адъютантами въ полной формѣ, которые почтительно отступили, чтобы дать ему войти. Это былъ человѣкъ высокаго роста, съ сѣдыми коротко, подъ гребенку выстриженными волосами, продолговатымъ лицемъ, безъ усовъ, съ проницательными и быстрыми глазами. Лѣвый рукавъ былъ пристегнутъ къ одной изъ пуговицъ его вицмундира, (лѣвой руки не было), отчего я тотчасъ и догадался, что передо мною стоялъ Бибиковъ, генералъ губернаторъ Волынскій, Подольскій и Кіевскій. Онъ снялъ фуражку, притворилъ дверь за собою, не затворяя ее совсѣмъ, сѣлъ на столъ и сдѣлалъ мнѣ знакъ сѣсть на постель, съ которой я всталъ когда онъ вошелъ въ комнату. Въ продолженіи всего разговора его безпокоилъ запахъ моей тюрьмы и онъ постоянно обертывался къ окну, чтобы вздохнуть свободнѣе. Онъ говорилъ обыкновеннымъ тономъ, не громко и не тихо, вѣжливо, какъ говорятъ въ гостинныхъ люди благовоспитанные. Я отвѣчалъ тихо, слабымъ голосомъ, но выразительно и внятно. Бибиковъ сказалъ по французски:

„Вы угадываете кто я?“

Я полагаю, что имѣю честь говорить съ генералъ губернаторомъ Бибиковымъ.

Ваше имя Піотровскій; вы родились въ Украйнѣ, приняли участіе въ революціи 30-го года, потомъ эмигрировали и возвратились въ Каменецъ Подольскій подъ именемъ Катаро?

— Я отвѣчалъ утвердительно.

Вы утверждаете, что возвратились только потому, что желали увидѣть родину; но императоръ даровалъ амнистію, для чего же вы ей не воспользовались?

Я знаю что императоръ далъ амнистію, но только полякамъ Царства а не тѣмъ, которые родились въ польскихъ

провинціяхъ, отвѣчалъ я; знаю также, что русскій посланникъ не очень заботился доставлять амнистію тѣмъ, которые его о томъ просили. Кромѣ того, надо сознавать себя виннватымъ, чтобы просить прощеніе — я этого сдѣлать не могъ, ибо считалъ это противнымъ моей совѣсти.

— Я знаю что вы были въ Венгріи; что вы тамъ дѣлали?

— Изъ простой осторожности, я долженъ былъ ѣхать черезъ Венгрію и прожилъ тамъ нѣсколько времени.

— Вы должны были имѣть замыслы; и вѣрно сдѣлали знакомства?

— Ни замысловъ, ни знакомства я тамъ не имѣлъ.

— Пока вы жили во Франціи, и въ дорогѣ, вы носили длинную бороду. Вы видите что я знаю малѣйшія подробности, которыя касаются васъ?

— Ваше превосходительство слишкомъ добры и задаете себѣ много труда, занимаясь моей особой. Я прибавлю только, что я пріѣхалъ въ Каменецъ Подольскій съ бородою.

Потомъ Бибиковъ спросилъ у меня въ какихъ городахъ Франціи я жилъ, къ какой партіи эмигрантовъ принадлежалъ, и на мой отвѣтъ, что не принадлежалъ ни къ одной изъ нихъ, сказалъ утвердительно, что я держался демократической партіи, что стою въ спискѣ лицъ ее составляющихъ и что напрасно отпираюсь, что я не эмиссаръ демократовъ.

— Я прошу извиненія у вашего превосходительства, но принадлежать къ какой нибудь партіи значитъ отказаться отъ собственнаго мнѣнія, а я давно убѣжденъ что всякое раздѣленіе между поляками есть новое препятствіе къ достиженію цѣли. Вѣроятно вы не усомнитесь въ томъ, что я не могу желать вреда моему отечеству.

— О! разумѣется въ этомъ я васъ не заподозрѣваю, но зачѣмъ же вы воротились, для какой цѣли, съ какимъ замысломъ?

— Ни цѣли, ни замысловъ я не имѣлъ, а просто стосковался по родинѣ, хотѣлъ вздохнуть родимымъ воздухомъ.

— Развѣ вы думали, что не будете открыты, а если знали это, то развѣ не догадывались о своей участи? вамъ не безъизвѣстны законы, изданные противъ возвращающихся безъ позволенія правительства эмигрантовъ?

— Я старался не быть открытымъ, и предпочелъ рискъ тоскѣ по родинѣ. Я зналъ, что русскіе законы осуждаютъ на смерть всякого эмигранта, схваченнаго въ Польшѣ; но лучше смерть, чѣмъ жизнь вдали отъ отечества, жизнь безъ правъ не только гражданскихъ, но и человѣческихъ. Самые страшные законы, если они несправедливы, будутъ всегда нарушаемы, ибо надъ ними стоитъ высшій законъ, законъ правды, совѣсти и любви къ отечеству. Я сказалъ эти послѣднія слова съ одушевленіемъ и волненіемъ.

— Стало быть вы пріѣхали безъ всякихъ политическихъ цѣлей, безъ всякихъ замысловъ?

— Я не имѣлъ цѣли, ибо не могъ имѣть ея; скажу яснѣе: еслибъ я обладалъ вліяніемъ, значеніемъ, большими способностями и что важнѣе, еслибы Польша не была доведена до состоянія крайняго безсилія, еслибы можно было еще посвятить ей свои усилія съ пользою, то моею обязанностію было бы помочь ей; но въ настоящемъ ея положеніи, попытку сдѣлать возстаніе должно считать сумашествіемъ. Вотъ почему я не могъ имѣть политическихъ цѣлей.

— Вамъ не обмануть насъ громкими словами; мы хорошо знаемъ съ какими намѣреніями всѣ вы пріѣзжаете къ намъ изъ Франціи; лучше признайтесь во всемъ; чисто-

сердечное признаніе уменьшитъ наказаніе и заслужитъ милость императора. Вы знали Конарскаго?

— Нѣтъ — не зналъ.

— Но слыхали, что съ нимъ было?

— Знаю, что извѣстно всему свѣту; жестокія и ужасныя страданія, которыя онъ перенесъ во время своего заключенія.

— Я не скрою отъ васъ, отвѣчалъ Бибиковъ, что ваше положеніе одинаково съ положеніемъ Конарскаго; только чистосердечное признаніе можетъ облегчить для васъ страшныя слѣдствія такого преступленія. Я не хочу осудить васъ, опираясь на произнесенныя слова. Скажите мнѣ только: кого вы знали въ Каменцѣ Подольскомъ и его окрестностяхъ. Я не требую, чтобы вы разсказывали мнѣ что говорили и что замышляли, а только прошу сказать съ кѣмъ были знакомы?

— Я зналъ почти всѣхъ въ Каменцѣ Подольскомъ.

— Вы понимаете, что дѣло не въ этомъ. Съ кѣмъ вы были особенно коротки?

— Я ни съ кѣмъ не былъ коротокъ; нѣкоторымъ я сказалъ что я полякъ и просилъ совѣтовъ и помощи; но вы сами поймете, что я не могу назвать ихъ. Еслибы просьба моя могла имѣть какую нибудь цѣну въ глазахъ вашихъ, то я бы просилъ ваше превосходительство обратить вниманіе и оказать милость, взятымъ въ Каменцѣ Подольскомъ; они совершенно невинны.

Бибиковъ, безпрестанно до сихъ поръ задававшій мнѣ вопросы, задумался и потомъ сказалъ:

Не понимаю отъ чего это поляки и русскіе ненавидятъ одни другихъ; мы Славяне, нашъ языкъ, характеръ и обычаи сходны; мы должны бы жить мирно и соединиться

тѣсно. Тотъ, кто думаетъ иначе, не понимаетъ пользы и интересовъ своего народа.

— Я совершенно согласенъ съ вами, что поляки и русскіе связаны узами одной крови, должны жить въ союзѣ и мирѣ; мы поляки не чувствуемъ никакой ненависти къ русскимъ, но правительвтво сдѣлало многихъ изъ нихъ орудіемъ гнета и несчастій нашихъ. Можетъ ли быть любовь и пріязнь между угнетающимъ и угнетеннымъ? Вы знаете какою мы пользовались свободой изстари? Что отъ нея осталось? Можно ли намъ забыть о ней? Можно ли намъ забыть о нашей прежней независимости?

— Мнѣ некогда спорить съ вами; повторяю вамъ, что ваше положеніе очень дурно; но вы можете облегчить его чистосердечнымъ признаніемъ. Это единственное средство къ спасенію. Я не обѣщаю вамъ свободы, никогда не обѣщаю того, чего не могу исполнить; но я могу ходатайствовать за васъ передъ государемъ императоромъ и испросить для васъ милости, служить въ кавказской арміи. Поляки, какъ и всѣ Славяне, мужественны и храбры; вы молоды, умны, можете дослужиться до офицерскаго чина и тогда карьера ваша будетъ зависѣть отъ васъ самихъ.

Онъ сказалъ это голосомъ твердымъ и всталъ. Въ его движеніяхъ, словахъ и голосѣ было много самоувѣренности; я чувствовалъ, что онъ меня не обманываетъ и сдѣлалъ бы то, что обѣщалъ. Бибиковъ прибавилъ ласковымъ голосомъ:

Я не хочу выманить отъ васъ тайнъ вашихъ; скажите мнѣ только имена лицъ, которыхъ вы знали. Я не хочу знать. что вы имъ повѣряли, о чемъ говорили; мнѣ надо знать только имена и я не требую, чтобы вы сказали мнѣ ихъ сейчасъ. Вы слабы, взолнованы и еще находитесь подъ впечатлѣніемъ всего того, что испытали. Когда вы

захотите говорить со мною, скажите дежурному адьютанту; онъ доложитъ мнѣ. А до тѣхъ поръ составьте записку о всей своей жизни, напишите свою біографію.

Онъ слегка поклонился мнѣ, потомъ выходя пріостановился въ дверяхъ и сказалъ громко:

— Снять съ него цѣпи!

Черезъ нѣсколько минутъ комендантъ пришелъ съ кузнецомъ и меня разковали. Впродолженіи десяти дней, я не могъ снять сапогъ; ноги мои разболѣлись, я былъ слабъ и, не смотря на то, ходилъ цѣлый почти день по комнатѣ. На другой день мнѣ принесли чернилъ, перо и бумаги, и я тотчасъ принялся писать записку. Я признавался чистосердечно, что полякъ, говорилъ гдѣ родился, что дѣлалъ, какъ эмигрировалъ. Далѣе, на вопросъ генералъ губернатора къ какой принадлежу партіи, я отвѣчалъ такъ: я говорю откровенно и чистосердечно, что не принадлежалъ ни къ какой партіи, находилъ намѣренія земляковъ неисполнимыми, и не раздѣлялъ всѣхъ безъ исключенія убѣжденій ихъ. Я давно остановился на слѣдующей мысли: богъ справедливъ, столько мученій, отчаянія и страданій, столько слезъ и крови, столько невинныхъ жертвъ, не могло быть принесено напрасно; непоколебимо вѣрю, что Польша возстанетъ изъ пепла, не по волѣ людей, но по волѣ самаго бога. Вотъ мое политическое убѣжденіе; зачѣмъ сталъ бы я примыкать къ той или другой партіи? Я окончилъ свою біографію, отпираясь отъ всякихъ политическихъ намѣреній, и опять подтверждалъ, что только Лещинскій и Нитовскій знали меня, что Бѣлинскій догадался объ этомъ, а Кондратскій считалъ меня за француза и такъ какъ незналъ по французски, то естественно не могъ вступать со мною ни въ какіе разговоры. Я просилъ Бибикова быть безпристрастнымъ и не заставлять невинныхъ

страдать за виноватаго. Что касается собственно до меня, то я отдавалъ себя въ его руки, приноминая ему, что власть должна быть справедлива, что судьба непостоянна и что тѣ, которые находятся нынѣче на верху славы и счастья, завтра могутъ быть повергнуты въ ничтожество. Записка моя была длинна, на чисто не переписана, ибо Бибикову отдали ее со всѣми помарками. Тонъ ея былъ мягкій и приличный; я старался соблюдать не только вѣжливыя, но даже почтительныя формы; я не оскорбилъ Бибикова ни какъ человѣка, ни какъ чиновника, и однако узналъ въ послѣдствіи, что онъ, прочитавъ мою записку, страшно разсердился, горячился, рвалъ и металъ ее, называя поляковъ бунтовщиками, дурной травою, которую надо вырвать.

Время шло — прошли и контракты, но обо мнѣ никто не навѣдался, никто не посѣтилъ меня, никто не позаботился обо мнѣ. Я почувствовалъ себя оставленнымъ всѣмъ свѣтомъ и людьми. Одиночество посреди страданій и несчастій было для меня тяжелѣе заключенія, тяжелѣе самой смерти, которой постоянно грозили мнѣ. Были минуты, когда я даже желалъ смерти и однимъ моимъ утѣшеніемъ, одною моею подпорой и силой была молитва. Я говорилъ себѣ: „Если богъ со мною, кто противъ меня?“ и въ его руки отдалъ судьбу свою!

Всякій разъ когда я выходилъ изъ моей каморки, я находилъ сѣно постели перебитымъ и перевороченымъ и скоро догадался, что всякій день дѣлался обыскъ. Тогда хватился я сухарей, которые пряталъ для утоленія голода въ случаѣ пытки; запустилъ руку за печь, но ихъ не было. Тюремщикъ отвѣчалъ мнѣ, что заключеннымъ не позволяется ничего имѣть при себѣ и потому онъ отобралъ сухари мои. Онъ даже принесъ ихъ мнѣ на показъ и ска-

залъ съ улыбкой: „не бойтесь сударь, у нашего царя хоть палками и бьютъ а ѣсть даютъ!“

Прошло болѣе недѣли съ тѣхъ поръ, какъ меня посѣтилъ Бибиковъ, но я былъ въ той же неизвѣстности о судьбѣ моей, не зналъ даже, какое впечатлѣніе произвела на него моя записка и, не желая возстановлять его противъ себя, сказалъ дежурному адъютанту, что желалъ бы видѣть генералъ губернатора. Не болѣе какъ черезъ два часа Бибиковъ пришелъ съ тоюже свитой, снялъ фуражку, очень вѣжливо, но холодно поздоровался со мною и сѣлъ на стулъ. По выраженію лица его, по манерѣ, съ которой онъ мнѣ поклонился, я увидѣлъ, что онъ иначе расположенъ ко мнѣ, чѣмъ въ первый разъ. Усѣвшись, онь вѣжливо, но холодно и сухо, спросилъ у меня: хорошо ли мнѣ? не холодно ли? не имѣю ли я на что жаловаться? хорошо ли кормятъ меня? Выслушавъ мои отвѣты, онъ спросилъ меня голосомъ вызывающимъ на откровенность: „Ну, что скажете новаго?“ Я отвѣчалъ что новаго ничего не имѣю сказать, но осмѣлился просить его къ себѣ, чтобы увѣрить его, что я дѣйствительно не знаю въ чемъ могу еще признаться. Онъ ни слова не отвѣчалъ мнѣ, но быстро всталъ и сдѣлалъ шагъ къ двери, потомъ вдругъ обернулся ко мнѣ и сказалъ вѣжливо, но гнѣвно и строго: „Вы не хотите понять въ какомъ находитесь положеніи; я бы желалъ для васъ самихъ, чтобы вы подумали объ этомъ. Я скажу вамъ, что ни что, кромѣ царской милости, не можетъ избавить васъ отъ гибели, отъ смерти. Вы погибли, вы должны умереть; откровенно и въ послѣдній разъ говорю вамъ, что если вы признаетесь во всемъ, безъ утайки, то я даю вамъ (онъ положилъ руку на сердце) мое честное слово, слово Бибикова, повторяю, честное слово Бибикова, что я выпрошу у императора

милость послать васъ солдатомъ на Кавказъ съ выслугой. Вы можете дослужиться очень скоро до офицерскаго чина и дальнѣйшая ваша карьера будетъ зависѣтъ отъ васъ однихъ.

Я очень благодаренъ вашему превосходительству, отвѣчалъ я, но я не гожусь для военной службы: я близорукъ и, скажу откровенно, военная служба ненавистна мнѣ.

— А вы знаете что сталось съ Конарскимъ, спросилъ Бибиковъ?

— Знаю очень хорошо.

— Тоже самое ожидаетъ и васъ; самое меньшее наказаніе, (въ чемъ я сомнѣваюсь) которое можетъ постичь васъ, это итти въ вѣчную каторжную работу. Сгніете въ рудникахъ!

— На то воля божія!

— Я даю вамъ въ томъ мое слово.

— Я не сомнѣваюсь въ словѣ вашемъ, сказалъ я.

Бибиковъ повернулся видимо разгнѣванный и вышелъ; съ тѣхъ поръ я никогда больше не видалъ его.

XII

Слѣдственная коммиссія. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей. Устройство тайной полиціи въ Россіи.

И такъ меня ожидала либо смерть, либо вѣчная каторжная работа, въ которой, по выраженію Бибикова, я долженъ былъ сгнить. Эта увѣренность не могла, конечно, подкрѣпить меня. Постоянныя нравственныя потрясенія, недостатокъ воздуха, движенія, свѣта, тѣсное заключеніе, повергли меня въ такое состояніе здоровья, что сочли нужнымъ прислать доктора, о чемъ я, конечно, никого не

просилъ. Онъ прописалъ мнѣ лѣкарство, которое тюремщикъ давалъ мнѣ аккуратно, но никогда не оставлялъ у меня склянки, боясь чтобы я не отравилъ себя, или не убилъ, перерѣзавъ артерію кускомъ стекла. Мнѣ стало не много лучше.

Прошли цѣлыя недѣли и къ концу Января однажды ночью, часовъ около 10, въ моей каморкѣ показался свѣтъ; ко мнѣ вошелъ адъютантъ, унтеръ-офицеръ, четыре вооруженныхъ солдата и тюремщикъ. Адъютантъ приказалъ мнѣ встать и тотчасъ одѣться. Мнѣ пришли на умъ слова Бибикова: вы должны умереть, вы умрете! Я былъ увѣренъ, что меня ведутъ на смерть и въ эту же ночь удушатъ, или разстрѣляютъ. Я зналъ русскую расправу съ поляками и эмигрантами. Одѣваясь, я спросилъ у адъютанта: куда вы ведете меня въ эту пору? — А вотъ увидите — одѣвайтесь скорѣе, отвѣчалъ онъ. Эта таинственность еще болѣе смутила меня. Мнѣ велѣли надѣть шинель; я бросилъ прощальный взглядъ на мою тюрьму, вздохнулъ глубоко, поручилъ себя богу и вышелъ. Одинъ изъ солдатъ взялъ меня подъ руку, другой подъ другую (они были невооружены) и сжали меня какъ въ клещахъ — можно сказать, что они несли меня, а не помогали мнѣ итти. Два вооруженные солдата шли передъ мною, два другихъ съ унтеръ-офицеромъ сзади, а адъютантъ шелъ рядомъ со мною. Такъ вышли мы на дворъ крѣпости. Ночь была темна, тишина прерывалась только скрипомъ снѣга подъ нашими ногами.

Меня привели въ освѣщенное зданіе, находившееся въ самой крѣпости, и черезъ четверть часа велѣли войти въ залу, гдѣ за столомъ, покрытымъ зеленымъ сукномъ, сидѣло нѣсколько генераловъ въ полной формѣ и два штатскихъ чиновника. Одинъ изъ штатскихъ сидѣлъ на первомъ мѣ-

стѣ и съ веселымъ лицемъ курилъ сигару. Четыре вооруженные солдата и унтеръ-офицеръ приведшіе меня стали на порогѣ залы. Я оглянулъ находящихся въ залѣ и увидѣлъ между ними Поличковскаго, взявшаго меня въ Каменцѣ Подольскомъ. Президентъ (Писаревъ) попросилъ меня по французски сѣсть подлѣ него и продолжая курить сигару спросилъ: знаю ли я по русски? Я не дурно говорилъ по русски, но отвѣчалъ, что знаю только по французски. Во все продолженіе слѣдствія, мнѣ задавали вопросы на этомъ языкѣ.

Послѣ обыкновенныхъ, незначащихъ вопросовъ, президентъ спросилъ у меня: какъ досталъ я англійскій паспортъ? Я отвѣчалъ тоже, что прежде. Президентъ сказалъ мнѣ: положеніе ваше ужасно; оно совершенно одинаково съ положеніемъ Конарскаго. Сосѣдъ его съ правой стороны, тоже въ штатскомъ, Бутовичъ, (предводитель дворянства Кіевскаго или Васильковскаго уѣзда) какъ я узналъ потомъ, спросилъ меня къ какимъ Піотровскимъ принадлежу я. Я отвѣчалъ подробностями о моемъ происхожденіи. Потомъ, президентъ, показавъ мнѣ мою записку, писанную для одного Бибикова, но которую тотъ передалъ слѣдственной комиссіи, сказалъ мнѣ: вы не даете здѣсь ясныхъ отвѣтовъ на то, что мы желали знать; эта записка очень краснорѣчива, но не идетъ къ дѣлу. Напишите откуда вы родомъ и пр., все это покороче, пояснѣе, чистосердечно и откровенно, запечатайте и пришлите на мое имя: я Писаревъ.

Писаревъ былъ членомъ тайной полиціи, генералъ и теперь президентъ слѣдственной комиссіи, назначенной надо мною. Потомъ онъ спросилъ у меня: хорошо ли мнѣ и пр. Я просилъ позволенія пить чай.

— Какъ! Вамъ не даютъ чаю! сказалъ онъ и крикнулъ сильнымъ голосомъ:

Эй! адъютантъ! Адъютантъ влетѣлъ въ залу. Чтобы всякій день былъ ему чай, приказалъ Писаревъ. Слушаю ваше превосходительство! отвѣчалъ адъютантъ и, повернувшись налѣво кругомъ, вышелъ изъ залы. Пробывши два часа на допросѣ, я былъ опять отведенъ въ тюрьму.

Я долженъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ, кто содержался со мною. Противъ меня сидѣлъ солдатъ, Тумановъ, родомъ изъ Тверской губерніи, за непослушаніе и грубость; онъ былъ приговоренъ къ четыремъ тысячамъ сквозь строй, зналъ свою участь; но ожидалъ страшной минуты безъ страха и проклиналъ царя, начальство и судьбу свою. Онъ часто пѣвалъ солдатскую пѣсню, начинающуюся такъ: „Пойдемъ Польшу раззорять!“ Зналъ ли онъ, что я полякъ и хотѣлъ мнѣ досадить этимъ, или просто онъ ненавидѣлъ насъ, кто его знаетъ! Онъ былъ озлобленъ. Когда его пришли взять для экзекуціи, тюремщикъ сказалъ ему: Ну Тумановъ! убирайся! Теперь тебя черти стащатъ, не выдержишь! Нѣтъ, выдержу, отвѣчалъ онъ, прибавляя къ словамъ своимъ грубыя ругательства, еще водки напьюсь съ вами и потомъ пойду въ Сибирь. тамъ мнѣ будетъ лучше чѣмъ въ царской службѣ! — Однако бѣднякъ не выдержалъ. Я узналъ, что экзекуція была ужасна; при второй тысячѣ онъ упалъ на снѣгъ, облитый кровью такъ, что снѣгъ вокругъ него окрасился багровымъ цвѣтомъ. Его, едва живаго положили на шинель и понесли въ госпиталь, чтобы добить по выздоровленіи.

Рядомъ съ Тумановымъ сидѣлъ молодой крестьянинъ Полтавской губерніи; укрываясь отъ рекрутчины онъ грабилъ и убилъ нѣсколькихъ людей въ окрестностяхъ города. Онъ былъ приговоренъ къ кнуту и каторжной работѣ.

Этотъ тоже шутилъ, смѣялся и ожидалъ исполненія приговора надъ собою безъ трепета и безъ раскаянія. Онъ обѣщался бѣжать изъ Сибири и возвратиться опять въ Полтаву.

Третій заключенный былъ тоже солдатъ, красивый и высокій мущина. Во время похода, онъ отсталъ отъ полка и гулялъ съ какой то красавицей цѣлую недѣлю, потомъ самъ явился къ начальнику и разсказалъ что дѣлалъ. Онъ былъ кроткаго нрава и часто пѣлъ пѣсню, которой мелодія, тоскливая и печальная, выражала столько страданія, что всякій разъ, какъ я слышалъ ее, мнѣ приходило на умъ и мое несчастіе и несчастіе того, который пѣлъ. Пѣвецъ былъ вѣроятно добрый и честный человѣкъ; такіе звуки не могли зародиться въ зломъ и дурномъ сердцѣ. Я не знаю что съ нимъ сталось, однажды его увезли и я больше не слыхалъ о немъ.

Его тюрьма скоро была занята унтеръ офицеромъ, обвиненнымъ въ сожженіи запаснаго магазина, чтобы скрыть покражу. Онъ сошелъ съ ума, говорилъ беспрестанно о смерти и просилъ свою любовницу поставитъ черный крестъ на своей могилѣ. Къ нему привели священника, который его отчитывалъ. Но онъ бросился и загородилъ ему двери, крича неистово: „я раскрою тебѣ голову, если ты не дашь мнѣ причастія!“ Священникъ едва могъ уйти, увѣряя его, что идетъ за св: дарами. На другой день, комендантъ крѣпости пришелъ къ нему, но не вошелъ въ его тюрьму, а остался въ коридорѣ. Сумасшедшій стоялъ на порогѣ и приглашалъ коменданта войти, говоря: „Пожалуйте сюда ваше превосходительство, я скажу вамъ на ухо важную вещь!“ Но его превосходительство былъ осторожнѣе священника. Пришли солдаты, связали бѣдняка и отнесли его

въ госпиталь. Онъ кричалъ во все время: „Батюшка, дай мнѣ причастія!“

На его мѣсто привели черкеса, который былъ взятъ въ плѣнъ, употребленъ на крѣпостныя работы и бѣжалъ съ двумя другими черкесами. Окруженные солдатами, они долго не сдавались. Одинъ изъ нихъ былъ убитъ, другой бѣжалъ, а третій былъ взятъ и заключенъ около меня. Говорили что это горскій князекъ. Скованный по рукамъ и ногамъ, онъ сидѣлъ не вставая съ мѣста, мрачный, погруженный въ отчаяніе, но исполненный гордости. Я всегда привѣтствовалъ его почтительнымъ поклономъ, когда проходилъ мимо окошка тюрьмы его; онъ тоже кланялся мнѣ и глядѣлъ на меня съ участіемъ. Поляки, взятые въ Каменцѣ Подольскомъ вмѣстѣ со мною, были посажены въ другомъ коридорѣ; я видѣлъ однажды только Завадскаго, котораго едва узналъ; прежде онъ былъ человѣкъ полный и здоровый, а теперь сдѣлался худъ какъ скелетъ.

Черезъ нѣсколько времени меня опять потребовали въ слѣдственную комиссію и повторили опять тѣже вопросы. Долго спрашивали меня о Абазѣ и Дмитренко, но на все я отвѣчалъ какъ и прежде.

Вы говорили, сказалъ мнѣ Писаревъ, что никогда не выѣзжали изъ Каменца Подольскаго, между тѣмъ, мы знаемъ, что вы были въ Бессарабіи съ Пекутовскими.

Я отвѣчалъ, что давалъ уроки дѣтямъ и не могъ покинуть выгоднаго мѣста. Меня спросили, кто бывалъ у нихъ? Кромѣ засѣдателя и сельскаго священника, я никого не видалъ у нихъ, отвѣчалъ я. Неправда, тамъ бывали Звиногродскіе. Я сказалъ, что былъ одинъ Звиногродскій, близкій родственникъ Пекутовскихъ, но я говорилъ со всѣми по французски и никто изъ нихъ не подозрѣвалъ, что я полякъ. Президентъ плохо вѣрилъ, чтобы впродол-

женіи шести мѣсяцевъ, я ни разу не проговорился; но могъ ли я поступать иначе, имѣя политическіе замыслы и цѣли? Всякій въ моемъ положеніи долженъ былъ сдѣлать тоже самое.

Въ продолженіи этого и подобныхъ допросовъ я замѣтилъ на столѣ, издаваемый ежегодно Кросновскимъ, эмиграціонный календарь. Въ немъ былъ подробный перечень всѣхъ эмигрантовъ, ихъ фамилій, именъ, мѣста рожденія, полка и чина, въ которыхъ они состояли. По ошибкѣ въ немъ было напечатано, что я былъ изъ Кракова. Это очевидно возбудило въ комиссіи сомнѣніе и Писаревъ спросилъ у меня не называюсь ли я Рудольфомъ. Я объяснилъ, какъ и прежде, что мое имя Руфинъ. Несмотря на это, объ этомъ долго разсуждали. Наконецъ Писаревъ вытащилъ изъ своего бумажника записку, прочиталъ въ ней цѣлый рядъ именъ эмигрантовъ и спросилъ знаю ли я ихъ. Отвѣты мои были различны; про нѣкоторыхъ я говорилъ, что слыхалъ о нихъ, но самъ никогда не видалъ ихъ. При этомъ у меня пробѣжалъ морозъ по кожѣ, когда я убѣдился, что самыя наибольшія тайны эмиграціи были переданы со всѣми подробностями нашимъ врагамъ.

Послѣ допроса длившагося долго, Писаревъ спросилъ у меня, не хочу ли я почитать что нибудь. Я просилъ дать мнѣ библію. Писаревъ взглянулъ съ удивленіемъ на меня и спросилъ, на какомъ языкѣ я хочу имѣть ее. Я отвѣчалъ, что желалъ бы имѣть ее на латинскомъ языкѣ. Вскорѣ мнѣ ее доставили.

Въ Россіи, какъ и во всѣхъ деспотическихъ государствахъ, существуетъ какъ извѣстно особенное отдѣленіе для тайной полиціи. Главное ее мѣстопребываніе — Петербургъ. Вся Россія раздѣлена на генералъ-губернаторства, изъ которыхъ каждое обнимаетъ нѣсколько губерній. У

каждаго изъ генералъ-губернаторовъ есть сочленъ тайной полиціи, какъ напр. Писаревъ у Бибикова. Затѣмъ слѣдуютъ подчиненные имъ агенты у губернаторовъ, а у тѣхъ есть свои въ каждомъ уѣздѣ. Вся жандармская команда и вообще вся явная полиція находится въ распоряженіи тайной. Но это еще не все: у тайной полиціи есть агенты и между жандармами и между арміей. Они слѣдятъ за дѣйствіями, рѣчами и даже помыслами высшихъ и низшихъ чиновъ какъ административной такъ и исполнительной властей и въ то время какъ генералъ губернаторы, губернаторы, городничіе, корпусные, дивизіонные и бригадные начальники подаютъ свои рапорты, тайная полиція посылаетъ особые рапорты своимъ высшимъ чинамъ.

Русскіе посланники при иностранныхъ дворахъ имѣютъ кромѣ дипломатическихъ порученій и порученія тайной полиціи и обыкновенно у нихъ находится агентъ послѣдней, который съ помощію денегъ вступаетъ въ сношенія съ мѣстной полиціей. Бываютъ примѣры, что для шпіонства служатъ нерѣдко и женщины, которымъ отпускается богатое содержаніе для открытія салоновъ и возможности задать тонъ въ видахъ тайной практики.

У русскаго посольства въ Парижѣ было особенное порученіе слѣдить возможно больше за польской эмиграціей и открывать не только ея планы и намѣренія, но и всѣ помыслы противъ русскаго правительства. У агента тайной полиціи, или даже и у самаго посланника состояли на жалованьѣ и поляки, могшіе добыть легко нужныя имъ свѣденія между эмигрантами. Такимъ образомъ эти свѣденія отправлялись прямо въ Петербургъ и оттуда разсылались къ разнымъ, разсѣяннымъ по всѣмъ губерніямъ, агентамъ. Ясно, что и мой отъѣздъ изъ Франціи и что я отправился черезъ Венгрію въ Россію были также сообщены въ Пе-

тербургъ, равно какъ и тѣ свѣденія объ именахъ и числахъ, которыя Писаревъ вынималъ изъ своего кармана.

XIII

Новыя показанія противъ меня. Мое защищеніе.

Черезъ нѣсколько дней меня опять привели къ допросу и прочли мнѣ показанія тѣхъ, которые взяты были по моему дѣлу. Всѣ они, кромѣ двухъ, признавались, что я пріѣхалъ съ политическою цѣлью, научалъ ихъ какъ дѣйствовать во время возстанія и какъ его приготовить. Многіе показали, что я совѣтывалъ вырѣзать начальниковъ края и всѣхъ русскихъ чиновниковъ.

Послѣднее обвиненіе было совершенно несправедливо. Я былъ пораженъ недостаткомъ нравственной силы, недостаткомъ гражданскаго мужества въ землякахъ моихъ и была минута, что я усомнился въ полякахъ и будущности Польши. Это была ужасная, жестокая минута, когда человѣкъ проклинаетъ все, что ему дорого на землѣ, когда онъ богохульствуетъ.

Я видѣлъ, что запираясь, отвѣчая нѣтъ и нѣтъ, на всѣ доказательства и признанія, я ничего не выиграю, и потому рѣшился дѣйствовать иначе. Я просилъ позволенія говорить свободно и говорилъ долго, съ одушевленіемъ и волненіемъ. Я сказалъ, что Польша раздроблена, задавлена войсками, угнетена союзомъ трехъ могущественныхъ державъ, готовыхъ тотчасъ задушить всякій признакъ движенія и принялся доказывать, что при такомъ положеніи страны, ни одинъ человѣкъ, одаренный здравымъ смысломъ, не могъ помыслить о возможности возстанія, которое на-

влекло бы только новыя бѣдствія на родной край; какимъ же образомъ, зная все это очень хорошо, я могъ думать о бунтѣ и возстаніи и подстрекать другихъ. Признанія взятыхъ ничего не значили, ибо были вѣроятно вынуждены угрозами и страхомъ наказанія. Что же касается лично до меня, сказалъ я, кончая мою длинную рѣчь, я бы напрасно старался оправдать себя. То, что есть долгъ, добродѣтель для всякаго человѣка, вмѣняется поляку въ преступленіе. Я знаю чѣмъ повиненъ отечеству, себѣ и врагамъ моей родины! Какъ русскіе вы можете чувствовать къ намъ полякамъ непріязнь, даже ненависть, но какъ люди вы должны судить объ насъ безпристрастно. Я полякъ съ рожденія и люблю Польшу мое отечество; это также естественно, какъ естественно любить отца и мать и еслибъ кто говорилъ иначе вы бы не повѣрили такой безсовѣстной лжи. Потому ли, что Польша угнетена и бѣдствуетъ, я долженъ отказаться отъ моихъ чувствъ относительно ея и перестать быть полякомъ? Если бы Россія была въ томъ положеніи, въ которомъ находится Польша, я спрашиваю у васъ, какія бы были обязанности всякаго честнаго и настоящаго русскаго? Я не утаю, что при иныхъ обстоятельствахъ я бы не колебался ни минуты вырвать Польшу изъ ея настоящаго положенія и исполнилъ бы святой долгъ всякаго гражданина, любящаго свое отечество. Я бы исполнилъ все, что богъ и совѣсть повелѣвали мнѣ. Если эти чувства преступленія, то я величайшій изъ преступниковъ; но повторяю, въ настоящее время, я не имѣлъ политическихъ замысловъ, ибо не могъ имѣть ихъ. Законы, которыхъ вы господа здѣсь представителями и исполнителями, могутъ карать насъ, поляковъ, но ваша совѣсть осудить насъ не можетъ и не посмѣетъ! . . .

Настало молчаніе. Президентъ Писаревъ ударилъ кулакомъ по столу и сказалъ съ увлеченіемъ:

Всякій честный человѣкъ долженъ такъ говорить и чувствовать; я родился русскимъ и православнымъ и умру русскимъ и православнымъ!

Я отвѣчалъ ему:

— А я родился полякомъ и католикомъ и умру полякомъ и католикомъ.

Засѣданіе кончилось. Я былъ взолнованъ и потрясенъ. Писаревъ говорилъ со мною послѣ засѣданія очень вѣжливо и обѣщалъ прислать мнѣ книгъ.

Я узналъ въ послѣдствіи, что всѣ обвиненные признались по одиночкѣ и свалили всю вину на одного меня. Началось съ того, что одинъ изъ нихъ, имени котораго я не назову, ибо онъ былъ очень молодъ и можетъ исправиться, запирался, говорилъ что ничего не знаетъ и ничего ни отъ кого не слыхалъ. Еслибъ онъ выдержалъ такъ до конца все было бы спасено. Къ несчастію онъ былъ влюбленъ и разлука, быть можетъ вѣчная, съ той, которую онъ любилъ, совершенно сломила его. Онъ не спалъ. плакалъ по цѣлымъ ночамъ, призывалъ ее къ себѣ, рыдалъ и будилъ своими стонами тюремщика и сторожей. Его привязанностью искусно воспользовались, обѣщали ему свиданіе съ предметомъ его страсти, и молодой безумецъ измѣнилъ друзьямъ, долгу и отечеству. Для женщины, которая быть можетъ уже забыла его и любила другаго, какъ это случалось со многими, онъ высказалъ все, что зналъ и уличилъ всякаго по одиночкѣ. Остальные не имѣли духа запираться и свалили все на одного меня. Отсюда эти пуки тетрадей, которыя лежали на столѣ слѣдственной коммиссіи и всѣ до одной были полны доказательствами моей виновности. Для меня не было ни спасенія, ни выходу.

Третій мѣсяцъ приходилъ къ концу со времени моего заключенія и я начиналъ свыкаться съ моимъ положеніемъ. Я пилъ чай и читалъ книги, а вечеромъ пѣвалъ пѣсни, выражавшія мои чувства и боль моего сердца. За тѣмъ длинные и долгіе часы проводилъ я въ размышленіяхъ надъ собою и моей будущностью. Иногда мнѣ приходила на умъ страшная мысль: разбѣжаться и разбить черепъ объ стѣну; но мысль, что я могу еще быть полезенъ отчизнѣ удерживала меня.

Однажды мнѣ подали письменные вопросные пункты, составленные изъ показаній другихъ обвиненныхъ. Я отвѣчалъ тоже что и прежде. Нужно замѣтить, что въ Россіи при слѣдствіяхъ принятъ слѣдующій обычай: сначала должно сдѣлать словесныя показанія и за тѣмъ письменныя, которыя потомъ сравниваютъ и когда они противорѣчатъ, то даютъ матеріалъ для новыхъ вопросовъ. Обыкновенно между словеснымъ и письменнымъ показаніями оставляютъ довольно долгій промежутокъ, — и потому нужно имѣть очень хорошую память, чтобы не впасть въ противорѣчія. Кто не былъ на такихъ слѣдствіяхъ не можетъ себѣ и представить какъ всѣ эти вопросы раздражаютъ нервы и ведутъ къ бѣшенству и безумію. Вотъ для образца нѣсколько изъ множества сдѣланныхъ мнѣ вопросовъ: „N. N. показалъ, что вы предлагали такія то и такія то средства — поднять народъ противъ правительства. N. N. показалъ, что вы такъ то и такъ то хотѣли удалить поповъ, чтобы воспрепятствовать ихъ вліянію на народъ и тѣмъ свободнѣе овладѣть имъ. N. N. показалъ, что вы совѣтовали приготовить такое то оружіе, какъ наиболѣе опасное и легко добываемое. N. N. показалъ, что вы совѣтовали въ первый же мѣсяцъ возстанія овладѣть всѣми наиболѣе важными лицами и чиновниками, удалить ихъ, чтобы про-

извести безпорядокъ въ администраціи и пр. N. N. показалъ, что на одномъ собраніи, на которомъ были тѣ то и тѣ то, когда вы излагали ваши доктрины о возстаніи и когда онъ хотѣлъ удалиться, — то вы удержали его за полу, угрожая ему смертію если онъ не приметъ мнѣній, которыя должны быть изъ Франціи, — и что къ этому онъ будетъ принужденъ висѣлицей, свинцемъ и кинжаломъ и тому под. и тому под. —

Опять начались очныя ставки, изъ которыхъ ровно ничего не вышло, ибо я ни въ чемъ не признавался. Меня поразили въ самое сердце лица, взятыхъ земляковъ моихъ; ихъ блѣдность, худоба, изнуреніе, говорили ясно о страданіяхъ, перенесенныхъ ими въ продолженіи шестимѣсячнаго заключенія. Самъ я былъ не краше ихъ; нервы мои были такъ разстроены, что я не могъ выносить ни малѣйшаго противорѣчія и часто мнѣ казалось, что еслибы у меня былъ ножъ, я бы зарѣзалъ и моихъ мучителей и себя самого. Я не могъ спать и задыхался — мнѣ былъ необходимъ чистый свѣжій воздухъ. Однажды ночью, удушье такъ истомило меня, что я поставилъ стулъ на столъ, влѣзъ на него и, достигнувъ такимъ образомъ небольшаго окошка тюрьмы моей, задѣланнаго извнѣ и извнутри двумя желѣзными рѣшетками, жадно сталъ вдыхать въ себя воздухъ. Солдаты, увидѣвъ меня, подняли шумъ; сбѣжались тюремщикъ и сторожа и, не смотря на мои просьбы и доводы, что мнѣ итти некуда, что рѣшотки крѣпки и окно тѣсно и мало, заставили меня сойти.

XIV

Что значитъ царская милость. Свидѣтельствованіе меня и взятіе примѣтъ. Приговоръ обвиненнымъ со мною. Я передъ военнымъ судомъ и осужденъ на пожизненную каторжную работу въ Сибири.

Всѣ эти большія и мелкія стѣсненія неволи исчерпали мое терпѣніе. Послѣ одного изъ допросовъ я обратился къ судьямъ моимъ съ просьбою сказать мнѣ когда мое дѣло будетъ наконецъ окончено и что, какая бы не была моя участь, мнѣ легче вынести ее, чѣмъ чахнуть по немногу въ тяжкомъ заключеніи. Мнѣ отвѣчали, что дѣло будетъ скоро окончено и я могъ понять изъ нѣкоторыхъ словъ, что не долженъ ожидать смертной казни. Чего же? Ужели каторга на всю жизнь, какъ сказалъ мнѣ Бибиковъ. Это было страшнѣе смерти. Я не могъ вынести неволи цѣлой жизни, такой неволи, при которой унижено все лучшее и святое души человѣческой. Я рѣшился тогда же: или я взбунтую въ Сибири такихъ какъ я несчастныхъ, или убѣгу оттуда — а не удастся, умру, но умру человѣкомъ свободнымъ, человѣкомъ, которому душа и личное достоинство дороже жизни въ рабствѣ. Нѣтъ, рабомъ я не буду, не могу быть, это было бы не достойно!

Однажды почью, когда я спалъ, вдругъ двери тюрьмы моей отворились — ко мнѣ вошелъ адъютантъ Павловъ съ тюремщикомъ и нѣсколькими солдатами. Тяжкія мысли промелькнули въ головѣ моей. Адютантъ Павловъ велѣлъ мнѣ встать и раздѣться. Я уже и такъ раздѣтъ, отвѣчалъ я. Вамъ надо снять и рубашку, сказалъ онъ. Зачѣмъ? Для чего? воскликнулъ я. Такъ приказано, отвѣчалъ Павловъ, я долженъ списать съ васъ примѣты и всѣ родимые знаки, которые находятся на вашемъ тѣлѣ. —

Но это варварство! развѣ недостаточно примѣтъ лица? въ этомъ есть что то дикое, унизительное для человѣка, возмущающее и оскорбляющее всякое приличіе. Увольте меня отъ этого. Я не буду раздѣваться при всѣхъ этихъ людяхъ. Я не могу уволить васъ, мнѣ такъ приказано; раздѣвайтесь, иначе я велю раздѣть васъ силою! — Какое безобразіе! воскликнулъ я съ гнѣвомъ; прикажите солдатамъ выйти вонъ, тогда я раздѣнусь при васъ и тюремщикѣ, если же нѣтъ, то дѣлайте со мною что хотите, я не стану раздѣваться!“ Солдаты вышли и я, не смотря на гнѣвъ и приказанія Павлова, раздѣвался только по частямъ и позволилъ себя осматривать только тюремщику. Съ меня списали родимые знаки, какъ съ лошади или вола, съ подробностями, которыя были бы смѣшны, еслибы гнѣвъ и ярость не бунтовали въ сердцѣ, а стыдъ не заливалъ пылающаго лица багровою краскою. Потомъ меня смѣрили. Во все время этой операціи я не вымолвилъ ни слова. Павловъ видѣлъ, что я пылалъ гнѣвомъ и никакъ не могъ понять за что я могъ сердиться; по его мнѣнію все это было такъ просто и естественно. Бѣдный рабъ не могъ понять разницы между стыдомъ человѣка, сознающаго свое достоинство и равнодушіемъ человѣка-скота, которому чувство стыда незнакомо. При этомъ случаѣ сдѣлали опять обыскъ, но ничего не нашли на мнѣ. Образокъ богоматери, который я носилъ и который ношу до сихъ поръ, мнѣ удалось спасти отъ всѣхъ обысковъ. Остальную часть ночи, я не могъ сомкнуть глазъ отъ волненія, два дня ничего не ѣлъ и ничего не отвѣчалъ на всѣ вопросы сторожей, такъ осмотръ раздражилъ и оскорбилъ меня; перенести его мнѣ было тяжелѣе цѣпей и всѣхъ страданій заключенія. Я чувствовалъ непобѣдимое ко всему и всѣмъ отвращеніе — мои мучители замѣтили это и

отомстили мнѣ — они перестали давать мнѣ книги для чтенія и не выпускали меня на прогулку.

Всѣ тѣ, которые сознались, не были строго наказаны. Нитовскій былъ сосланъ въ Рязань, старшій Бѣлинскій въ Тверь, младшій Бѣлинскій въ Воронежъ, Бачинскій въ Псковъ, Млодзѣевскій во Владимиръ, Кондрацкій въ Крымъ, другой Кондрацкій въ Полтаву, третій въ Тулу, Оминьскій въ Ярославль, старшій Завадскій на одинъ годъ въ Курскъ, а Лещинскій не только не былъ сосланъ, но еще получилъ орденъ Станислава третьей степени. Звиногродскій, который дѣйствительно ни о чемъ не вѣдалъ, но съ которымъ я жилъ шесть мѣсяцевъ въ домѣ Пекутовскихъ былъ сосланъ на цѣлую жизнь въ Минскую губернію; Кочкоровскій на цѣлую жизнь въ Саратовскую губернію. Послѣдній, имя котораго я къ сожалѣнію позабылъ, былъ отданъ въ солдаты на Кавказъ, безъ выслуги; его судьба тяготитъ по сію пору мою душу и совѣсть. Мало по малу всѣхъ ихъ вывезли изъ крѣпости и я остался въ ней одинъ, послѣдній изъ всѣхъ. Однажды въ полдень двери опять отворились, вошелъ линейный офицеръ съ шестью солдатами и приказалъ мнѣ итти за собою. Я, не говоря ни слова, послѣдовалъ за нимъ, будучи увѣренъ, что меня ведутъ на смерть. Проходя по коридору, я поклонился черкесу и вышелъ изъ тюрьмы на плацъ крѣпости. День былъ прекрасный и свѣжій, небо чистое, голубое, свѣжая зелень покрывала крѣпостной валъ. Я жадно вдохнулъ свѣжій воздухъ, почувствовалъ всю сладость жизни и болѣзненно сжалось мое сердце: мнѣ не хотѣлось умирать. Я взглянулъ на небо: милосердіе, величіе и благость божія отражались въ немъ; міръ показался мнѣ такъ прекрасенъ, — но черезъ нѣсколько минутъ я долженъ былъ проститься съ нимъ. Я еще разъ взглянулъ на небо и за-

смѣялся! Пусть милосердый богъ проститъ мнѣ эту минуту отчаянія, сомнѣнія въ его справедливости и милосердіи. Страданіе и муки души овладѣли мною. Офицеръ взглянулъ на меня, но не сказалъ ни слова. Я шелъ далѣе въ молчаніи, поникнувъ головою. Офицеръ сталъ говорить со мною о погодѣ и еще о чемъ то очень обыкновенномъ. Я спросилъ: „куда онъ ведетъ меня?“ Въ военный судъ отвѣчалъ онъ. Я вздохнулъ свободнѣе и сказалъ себѣ: Неужели это еще не конецъ!

Меня привели передъ военный судъ, составленный изъ семи или девяти членовъ, подъ предсѣдательствомъ полковника, котораго прежде я не видалъ. Мнѣ предложили слѣдующіе вопросы. Присягалъ ли я на вѣрность царю Николаю? Я отвѣчалъ что нѣтъ, не присягалъ и почему именно. „Имѣлъ ли я движимое или недвижимое имущество? Я понялъ для чего спрашиваютъ (чтобы конфисковать, разумѣется) и мнѣ хотѣлось засмѣяться, но я отвѣчалъ очень извѣстными словами: omnia mea mecum porto (все что имѣю, со мною); послѣ этого сдѣлали мнѣ еще нѣсколько вопросовъ, изъ которыхъ я запомнилъ одинъ весьма интересный: „какъ осмѣлился я написать генералъ губернатору Бибикову слѣдующія вольнодумныя слова: „что Польша еще жива, что я имѣю полную вѣру, что она возстанетъ изъ пепла и что, еслибы могъ, то помогъ бы ея возрожденію.“ Я отвѣчалъ что Бибиковъ требовалъ отъ меня полной искренности, что я никого не хотѣлъ обманывать и сказалъ правду. Президентъ возразилъ мнѣ, что искренное признаніе въ такихъ чувствахъ не только не можетъ быть оправдано, но осуждается всѣми русскими законами и считается за величайшее политическое преступленіе. Я отвѣчалъ, что я не могу судить о духѣ русскихъ законовъ, знаю только, что сказалъ правду и не могу от-

речься отъ нея. Президентъ отвѣчалъ мнѣ, что я долженъ объяснить это, что быть можетъ слова были сказаны въ пылу увлеченія, помимо моей воли и желанія, случайно, словомъ далъ мнѣ понять, что въ собственномъ интересѣ мнѣ надо отказаться отъ нихъ. Я очень хорошо понялъ, что президентъ говорилъ изъ желанія мнѣ добра, но я считалъ недостойнымъ отказаться отъ словъ этихъ. Вообще члены суда были вѣжливы и обходились со мною не безъ уваженія. Когда я шелъ назадъ, я просилъ офицера итти какъ можно тише; мнѣ хотѣлось подышать чистымъ воздухомъ и полюбоваться солнцемъ, небомъ, зеленью, прекраснымъ божьимъ міромъ.

Еще въ началѣ моего заключенія въ Кіевской крѣпости, я просилъ слѣдователей узнать, что сталось съ моимъ семействомъ, но не увѣдомляя его о судьбѣ меня постигшей. Я узналъ, что отецъ и мать мои были живы, что моя милая сестра вышла за мужъ за Каминскаго, что другая сестра тоже была за мужемъ, а третій братъ мой жилъ въ Екатеринославской губерніи. Я написалъ большое письмо къ роднымъ, но никогда не получилъ на него отвѣта и не знаю дошло ли оно до нихъ. Это молчаніе родныхъ было однимъ изъ самыхъ большихъ огорченій, которыя я вынесъ въ продолженіи моего заключенія. До сихъ поръ я не знаю отъ чего произошло оно. Ужели мое предчувствіе, когда я выѣхалъ во Францію было справедливо и мнѣ не суждено увидѣть никого изъ моего семейства? Ужели умру я въ изгнаніи? Да будетъ надо мною воля господа бога, но самая мысль объ этомъ жестоко сражаетъ меня!

Однажды, когда вели меня къ новому допросу, офицеръ меня провожавшій, приказавъ солдатамъ итти по одаль, разговорился со мною.

„Какъ дурно поступили съ вами земляки ваши, сказалъ

онъ мнѣ, чего только они не наговорили на васъ, даже мы русскіе ужаснулись.

Да, отвѣчалъ я ему, нѣтъ и тѣни правды въ томъ, что они показали; но я не дивлюсь этому. Всѣ они люди молодые; боязнь страшнаго наказанія, которое постигаетъ въ Россіи всѣхъ политическихъ преступниковъ и тѣмъ больше поляковъ, угрозы смерти заставили несчастныхъ свалить всю вину на меня, потому что и безъ ихъ признаній для меня не было спасенія.

Эти слова служатъ новымъ и лучшимъ доказательствомъ вашего благороднаго образа мыслей, возразилъ мнѣ офицеръ, но слабость и ничтожность характера вашихъ товарищей не можетъ быть ничѣмъ оправдана.

Не забывайте, что вы говорите о полякахъ, братьяхъ моихъ, замѣтилъ я.

Я не забываю этого. Вы поляки думаете, что мы русскіе не умѣемъ ни чувствовать, ни понимать любви къ отечеству. Когда въ 1812-мъ году непріятель вошелъ въ нашу землю, когда города и деревни наши погорѣли, когда тысячи русскихъ гибли отъ пуль и оружія непріятельскаго, когда хотѣли отнять у насъ нашу матушку Россію, какъ она стала мила и дорога намъ. Чего бы мы тогда не сдѣлали, чтобы спасти ее, чѣмъ бы ей не пожертвовали? Вы поляки, развѣ должны менѣе любить ваше отечество, потому что оно несчастно, забито, четвертовано? Чѣмъ больше ваше отечество несчастно и страдаетъ, тѣмъ больше, тѣмъ горячѣе каждый истинный полякъ долженъ любить его. Только низкій человѣкъ можетъ оставаться равнодушенъ къ страданіямъ и судьбѣ отечества; человѣкъ съ совѣстью и честью не можетъ оторвать своего сердца отъ него. Самый злой врагъ Польши долженъ оцѣнить и уважать патріота, ибо у всякаго человѣка есть отечество.

Послѣ вашего возстанія въ 1830-мъ году, въ нашъ полкъ было опредѣлено много польскихъ офицеровъ, и мы уважали ихъ и сочувствовали имъ, пока они оставались истинными поляками; но когда многіе изъ нихъ сдѣлались, какъ они сами выражались, русскими, приняли греко-россійскую вѣру, мы не могли не показать имъ всего нашего презрѣнія. Развѣ такимъ людямъ можно вѣрить? И чѣмъ, я васъ спрашиваю, ваша католическая вѣра хуже нашей, и чѣмъ для поляка Россія лучше Польши. Безъ совѣсти и чести, они отрѣклись отъ вѣры отцевъ своихъ, отъ своего отечества, въ которомъ лежатъ кости ихъ прадѣдовъ. Изъ всѣхъ на свѣтѣ преступниковъ, самый величайшій есть по моему мнѣнію тотъ, кто измѣняетъ своему отечеству.

Я слушалъ слова этого благороднаго русскаго съ напряженнымъ вниманіемъ, всѣмъ моимъ сердцемъ, съ влажными отъ слезъ глазами. Я бы обнялъ его, еслибы не было подлѣ насъ постороннихъ свидѣтелей и еслибы я отчасти не былъ зараженъ столь свойственной всѣмъ узникамъ недовѣрчивостью. Я былъ однако увѣренъ что на этотъ разъ слышалъ истинную правду и что офицеръ говорилъ искренно. Я узналъ отъ него, что онъ былъ членомъ военнаго суда, назначеннаго судить меня и замѣтилъ ему, что если онъ такъ хорошо понимаетъ обязанности всякаго гражданина, то не можетъ осудить меня. Еслибы это зависѣло отъ меня, отвѣчалъ онъ, то вы не имѣли бы повода жаловаться на свою участь; но военный судъ только пустая форма, маска, русскіе законы неумолимо жестоки и военный судъ долженъ слѣпо подчиниться имъ.

Стало быть меня разстрѣляютъ, или повѣсятъ?

Не думаю. — Всѣ мы съ небольшими исключеніями истинно уважаемъ васъ. Еслибы не показанія вашихъ зем-

ляковъ, мы бы могли выгородить васъ на сколько это возможно, а теперь надо надѣяться на бога.

Я поблагодарилъ его, за доброе ко мнѣ расположеніе и задумался. Желая вѣроятно разсѣять меня, офицеръ спросилъ давно ли я былъ въ Варшавѣ? что онъ былъ тамъ три года тому назадъ, что Варшава стала очень красива, богата; но чтоже отъ этого, прибавилъ онъ. Кто знаетъ, быть можетъ скоро, въ ту минуту, когда никто не будетъ ожидать этого, Варшава опять сдѣлается тѣмъ, чѣмъ должна быть.

— Столицей свободной и независимой Польши, докончилъ я. Онъ въ знакъ согласія кивнулъ головою.

28-го Іюля 1844 года принесли мнѣ гораздо раньше отличный обѣдъ; я удивился, но не спросилъ и не сказалъ ничего. Едва окончилъ я его, какъ пришелъ ко мнѣ адъютантъ съ краснымъ носомъ и шестью вооруженными солдатами и приказалъ мнѣ итти за собою. „Куда? спросилъ я. Онъ отвѣчалъ мнѣ печальнымъ голосомъ: „одѣвайтесь скорѣе!“ Я догадался, что меня ведутъ выслушать приговоръ, что, слава богу, приходитъ конецъ моимъ страданіямъ и надеждамъ. День былъ прекрасный, жаркій, солнце ярко освѣщало зеленые высокіе валы Кіевской крѣпости. Меня привели въ залу, гдѣ сидѣло четыре человѣка, мнѣ совершенно незнакомые, исключая коменданта Левковича. Одинъ изъ нихъ, въ штатскомъ платьѣ, объявилъ мнѣ, что я приведенъ для выслушанія приговора. При этихъ словахъ я почувствовалъ какъ дрожь пробѣжала по мнѣ. Та минута, въ которую политическій преступникъ съ чистою и спокойною совѣстью выслушиваетъ приговоръ, истинно ужасна. Въ эту роковую минуту, человѣкъ чувствуетъ во всемъ существѣ своемъ полноту жизни со всею ея прелестію и чарами и въ тоже самое время ощущаетъ страшное при-

ближеніе смерти, которая безпощадно схватываетъ его; но въ эту же страшную минуту пробудилось во мнѣ чувство достоинства человѣка и поляка: я схоронилъ въ себѣ страхъ и чувствительность и приготовился къ выслушанію приговора безъ дерзости, но съ спокойствіемъ, достоинствомъ и мужествомъ. Тотъ, который объявилъ мнѣ что я долженъ выслушать приговоръ, сталъ читать его по русски и возвысивъ голосъ. Я наставилъ уши. По исчисленіи моихъ преступленій, то есть: участія въ возстаніи 1830-го года, возвращенія въ отечество, безъ позволенія власти и подъ чужимъ именемъ, за возбужденіе противъ правительства и призываніе къ мятежу, шляхтичъ Руфинъ Піотровскій лишается правъ состоянія и имущества, (котораго слава богу я въ Россіи не имѣлъ) присуждается военнымъ судомъ къ разстрѣлянію, но генералъ губернаторъ Бибиковъ смягчаетъ это наказаніе и замѣняетъ его каторжной работой безсрочной (т. е. на цѣлую жизнь) въ Сибири, съ отвезеніемъ на мѣсто въ кандалахъ. Его императорское величество государь Николай приговоръ этотъ утвердилъ вполнѣ. Мнѣ было даже приказано подписать его; я взялъ перо и смѣлымъ твердымъ почеркомъ написалъ по русски: „Сей приговоръ выслушалъ, 28 Іюля 1844 года, Руфинъ Піотровскій.“ Когда меня повели назадъ, я не поднялъ головы, не сказалъ ни слова и слезы текли изъ глазъ моихъ. Старый, провожавшій меня адъютантъ, былъ огорченъ моимъ несчастіемъ; я и не воображалъ, что этотъ старый служака, подъ своимъ мундиромъ, обладаетъ такимъ добрымъ, чувствительнымъ сердцемъ. Странная вещь — передъ чтеніемъ приговора я жадно хватался за надежду, за малѣйшую нить привязывавшую меня къ жизни; выслушавъ его, я бы скорѣе снесъ смерть, чѣмъ эту страшную перспективу безнадежной и тяжкой будущности, въ рудни-

кахъ Сибири. Вскорѣ однако я оправился отъ этого минутнаго упадка духа и еще разъ передъ богомъ и совѣстью повторилъ обѣтъ мой, столько разъ произнесенный во время моего тюремнаго заключенія: „Нѣтъ! рабомъ царя я никогда не буду!“

Меня привели на квартиру Левковича и уже не позволили воротиться въ тюрьму, съ которой также какъ и съ котомъ, единственнымъ товарищемъ моего заключенія, я желалъ проститься. Левковичъ позволилъ мнѣ надѣть чистое бѣлье на дорогу и отдалъ подробный отчетъ въ тратѣ моихъ денегъ. Я долженъ отдать ему справедливость, отчетъ этотъ былъ добросовѣстенъ и честенъ. У меня оставалось еще 300 съ чѣмъто злотыхъ, которые и были отданы жандармскому унтеръ-офицеру; онъ долженъ былъ отвести меня въ Сибирь и отдать эти деньги въ руки сибирскихъ властей. За тѣмъ и самъ я былъ сданъ съ рукъ на руки тому же унтеръ-офицеру, для доставленія сибирскому начальству.

XV

Отъѣздъ изъ Кіева. Мои жандармы. Дорогой — въ Малороссіи и русскихъ губерніяхъ.

Когда я одѣлся въ дорогу, мнѣ подали прежнія кандалы, и напрасно я просилъ коменданта Левковича достать мнѣ другія, за которые я обѣщалъ заплатить собственными деньгами. Сперва онъ отговаривался, а потомъ объявилъ мнѣ по просту, что другихъ нѣтъ, и что я долженъ надѣть ихъ. Нечего дѣлать, меня опять заковали и такъ туго, что самъ Левковичъ приказалъ жандармамъ остано-

виться въ первой кузницѣ и разширить кандалы. Послѣ этого меня вывели, посадили въ кибитку, запряженную тройкой, по бокамъ моимъ сѣли вооруженные жандармы и мы полетѣли. Тяжело и больно сдѣлалось мнѣ, когда мы переѣхали черезъ Днѣпръ и я оставилъ за собою мою милую родину, за которую я бы умеръ съ такою любовью; я закрылся полою моей шинели и горько заплакалъ; потомъ поручилъ себя провидѣнію, отцу всѣхъ несчастныхъ и угнѣтенныхъ, и покорился своему жребію, но съ чувствомъ неизсякаемой ненависти къ врагамъ моего отечества.

Быстрая ѣзда, тряска, свѣжій воздухъ послѣ семимѣсячнаго заключенія произвели на меня необыкновенное вліяніе. Я точно одурѣлъ или опьянѣлъ и мнѣ казалось, что сильный толчекъ долженъ былъ разорвать мои внутренности; притомъ жестокая боль ногъ, затекшихъ и опухшихъ отъ тяжкихъ и узкихъ обручей, въ которыхъ онѣ были закованы, лишили меня чувствъ. На одной станціи, пока перекладывали лошадей, жандармы взяли меня на руки и вынесли изъ кибитки на станцію, гдѣ, стоя надо мною, держали совѣтъ: что дѣлать? Когда я пришелъ въ себя, я услышалъ, что одинъ изъ нихъ говорилъ: ѣхать дальше; болѣнъ или нѣтъ его надо вести. Другой отвѣчалъ ему: вести дальше. Ну! а какъ онъ умретъ въ дорогѣ? Намъ велѣно доставить его въ Омскъ живаго! Чтожъ тутъ дѣлать? вести бѣда, остановиться — тоже бѣда. Вотъ несчастье то! Жандармы однако рѣшились остаться ночевать и дать мнѣ отдохнуть въ продолженіи ночи. Меня поразило въ ихъ разговорѣ то, что они были совершенно равнодушны къ страданіямъ и болѣзни человѣка, и разсуждали о немъ потому только, что боялись взысканія. Я слышалъ ихъ разговоръ сквозь какой то горячешный бредъ, не имѣлъ силы ни пошевелиться, ни отозваться, и лежалъ

безъ всякаго движенія, въ совершенномъ изнеможеніи и отупѣніи, при которомъ, что съ человѣкомъ ни дѣлай, ему все равно. Благодѣтельный сонъ скоро смѣжилъ мои вѣки и на другой день я чувствовалъ себя свѣжѣе, хотя слабость моя все еще была очень сильна. Мало по малу мнѣ сдѣлалось лучше; я упросилъ жандармовъ разширить мои кандалы; сперва, боясь взысканія, они отказывались, но потомъ согласились. Боль въ ногахъ уменьшилась, но не могла прекратиться совершенно, ибо обручи сильно жали и были такъ тѣсны, что я не могъ снять сапоговъ. На станціяхъ, когда я обѣдалъ, жандармы не давали мнѣ ни ножа, ни вилки; но, исполняя въ точности данныя имъ приказанія, вообще не притѣсняли меня и обходились со мною вѣжливо и почтительно. Когда мы познакомились короче, они сдѣлались разговорчивѣе, жалѣли меня, утѣшали, подавали совѣты и говорили о себѣ самихъ, о своей горькой жизни и тяжкой долѣ.

Быстро, останавливаясь на станціяхъ только для перекладки, проѣхали мы Нѣжинъ, Батуринъ, Кролевецъ и скоро оставили за собой послѣдній пограничный городъ старой Польши — Глуховъ. Въ Кромахъ украли у меня чайницу. Въ Орловской губерніи я въ первый разъ увидалъ настоящій русскій типъ: широкоплечій, въ цвѣтной рубашкѣ, съ поясомъ, крестьянинъ, вынесъ мнѣ стаканъ водки и просилъ меня выкушать. Едва я исполнилъ его желаніе, какъ 16-ти лѣтняя дѣвушка, дочь его, поднесла мнѣ на закуску три яица и кусокъ пирога. Я хотѣлъ заплатить имъ, но они рѣшительно отказались и даже обидѣлись этимъ, говоря: на здоровье и дай вамъ богъ поскорѣе избавиться отъ постигшей васъ бѣды; брать отъ васъ деньги грѣшно, да они и вамъ пригодятся, если есть у васъ.

По мѣрѣ того какъ я углублялся въ Россію, мнѣ все чаще приходилось встрѣчать сожалѣніе и состраданіе къ судьбѣ моей. Сколько разъ проѣзжіе, особенно женщины, пытались заставить меня брать деньги, еще чаще, при перекладкѣ лошадей, останавливались подлѣ моей кибитки простыя женщины и дѣвушки и смотрѣли на меня съ состраданіемъ, часто съ влажными отъ слезъ глазами. Одинъ купецъ, помню я, возвращавшійся съ Нижегородской ярмарки, непремѣнно хотѣлъ заставить меня взять 200 рублей. Для меня это бездѣлица, говорилъ онъ, а вамъ они очень пригодятся! Я отказывался постоянно отъ денегъ, но принималъ вездѣ съѣстное, которое жители деревень, проѣзжаемыхъ мною, приносили мнѣ очень часто. Почтовые смотрители поили меня чаемъ и водкой; жены и дочери ихъ потчивали меня пирогами, сушеными плодами и рыбой. Въ одномъ мѣстѣ близъ Тулы, гдѣ мы должны были остановиться на цѣлый часъ, потому что не было лошадей, ко мнѣ подошелъ чиновникъ и просилъ меня принять что то завернутое въ платкѣ. Это былъ кусокъ пирога съ солью и нѣсколько денегъ. „Примите это въ день моего ангела,“ сказалъ онъ мнѣ. Я не совсѣмъ понялъ слова его, и такъ какъ мундиръ предупреждалъ меня не въ его пользу, я отвелъ рукою предлагаемый подарокъ. „Вы полякъ и не знаете нашихъ обычаевъ, возразилъ мнѣ чиновникъ; сегодня мои имянины, а въ такой день должно помогать несчастнымъ; не побрезгайте же моимъ приношеніемъ; я бы хотѣлъ сдѣлать больше, но это не въ моихъ силахъ. Примите это, прошу васъ, ради дня моего ангела.“ Я разумѣется не могъ отказаться, но отдалъ деньги жандармамъ, а пирогъ раздѣлилъ съ чиновникомъ, который спросилъ у меня: „за что везутъ васъ въ Сибирь?“ За то, что я чувствовалъ и мыслилъ какъ полякъ. — „Это очень

понятно; но за чѣмъ поляки хотятъ заставить и насъ русскихъ думать по ихнему. Въ гарнизонѣ нашего города довольно много поляковъ, отданныхъ въ солдаты послѣ вашего бунта; повѣрите ли, что они бунтуютъ нашихъ солдатъ и учатъ ихъ не повиноваться властямъ? Чтоже выходитъ? Ихъ положеніе дѣлается еще хуже и они накликаютъ на себя всю жестокость русскихъ законовъ. Какъ это поляки не разсудятъ, что каждый народъ имѣетъ то правленіе, какое ему болѣе пригодно? Я знаю народъ нашъ: онъ еще не образованъ и грубъ, гдѣже тутъ думать о чемъ другомъ! Распустите ихъ и пойдутъ грабежи, разбой и пожары! Я отвѣчалъ ему, что незнаю русскаго народа; но могу его увѣрить, что польскій народъ не таковъ; что до тѣхъ поръ будутъ продолжаться и несчастія всякаго рода, пока ему не возвратятъ его утраченныхъ правъ. Что русскій и польскій народъ, сдѣлавшись не зависимыми, могутъ жить въ дружбѣ и согласіи, что этого надо желать и надѣяться. Чиновникъ слушалъ меня внимательно, съ любопытствомъ, но оглядывался на всѣ стороны, боясь чтобы насъ не подслушали. Онъ отвѣчалъ мнѣ: вы сказали много правды, и я увѣряю васъ, что всякій честный русскій любитъ и уважаетъ поляковъ. Сказавши это, онъ вѣжливо и какъ то тоскливо распрощался со мною.

Пріѣхавъ въ какой то городокъ, я былъ очень удивленъ и тронутъ при видѣ солдата, въ бѣдномъ мундирѣ и плохой фуражкѣ, уже не молодаго, который просилъ милостыни. Тяжело было смотрѣть на этого человѣка, потратившаго столько лѣтъ жизни на службу, не отечеству, не родинѣ, а царю, который, наградивъ его медалями, пустилъ по міру. Самый несчастный человѣкъ въ Россіи — солдатъ; онъ несчастнѣе каторжника. Жребій его могъ

бы быть сносенъ, еслибы послѣ 25 лѣтней службы, въ продолженіи которой онъ губитъ здоровье и выноситъ розги и палки, онъ нашелъ въ старости пріютъ, кровъ и кусокъ хлѣба; но всероссійскій царь устроилъ это иначе. Ему дается земля для жительства, отстоящая за нѣсколько тысячъ верстъ отъ его родины; а, если у него есть дѣти, то ихъ отбираютъ и они съ дѣсятилѣтняго возраста дѣлаются кантонистами и въ послѣдствіи солдатами, которые по русскому выраженію должны служить богу и отечеству. Такимъ образомъ дѣти заслуженнаго солдата, съ рожденія и до смерти, предназначены для палокъ и розогъ.

Добравшись до Рязани, я чувствовалъ, что совершенно выбился изъ силъ, ибо во всю дорогу долженъ былъ натягивать цѣпи и держать ихъ крѣпко въ рукахъ, иначе, опускаясь, желѣзные обручи жестоко сдавливали и жали мнѣ ноги, кромѣ того что, при всякомъ толчкѣ кибитки, крѣпко и больно ударяли по моимъ опухшимъ ногамъ. Безсонныя ночи и усталость длиннаго пути исчерпали мои послѣднія силы. Жандармы, видя мое положеніе, согласились переночевать въ Касимовѣ; это опять подкрѣпило меня.

Не знаю какъ другіе польскіе узники, но я вездѣ возбуждалъ участіе и увѣрился, что русскіе гостепріимны и обладаютъ добрымъ сердцемъ; ненависть ко всему московскому поколебалась во мнѣ. Теперь я убѣдился, что въ Россіи есть люди, есть добрыя сердца, и что русскіе, въ ярмѣ неволи, погруженные во мракѣ невѣжества, ненавидящіе все чужеземное, носятъ въ груди своей семѣна будущаго развитія и счастливой будущности.

XVI

Партіи ссыльныхъ. Разныя встрѣчи и дальнѣйшая дорога до Омска. Декабристы.

По дорогѣ я встрѣтилъ много партій ссыльныхъ, которые шли, скованные по рукамъ и ногамъ, прикованные одинъ къ другому, или къ желѣзному пруту по нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ; однѣ женщины были избавлены отъ цѣпей. За партіей ссыльныхъ везли на подводахъ больныхъ, все это подъ стражей, начальникомъ которой былъ офицеръ. Сердце сжималось во мнѣ отъ состраданія, когда я глядѣлъ на этихъ женщинъ, на ихъ страданія и нужды. Глухое молчаніе царило между этими несчастными; было слышно только бряцанье и звукъ цѣпей, которыя отзываются болѣзненно въ ушахъ и раздражаютъ нервы. На лицахъ были написана печаль, отчаяніе, страданіе, а часто злоба и ненависть. При видѣ каждой партіи, во мнѣ возникало чувство не отвращенія и презрѣнія, но участія и даже почтенія. Правда, что тутъ были убійцы; но кто знаетъ какія причины, при деспотическомъ правленіи, могли довести до преступленій этихъ несчастныхъ. Между ними могли быть и невинные, одаренные прекраснымъ сердцемъ и благородною душею. Быть можетъ между ниму нашлись бы и мои соотечественники, осужденные за политическія преступленія. Передъ каждой такой партіей я снималъ шапку и, подъ вліяніемъ этихъ размышленій, при видѣ столькихъ страданій быть можетъ незаслуженныхъ, преклонялся съ почтеніемъ. Сравнивая мою судьбу съ ихъ судьбою, я долженъ былъ считать себя счастливымъ, что избавился отъ такаго мучительнаго пути. Не одинъ изъ моихъ соотечественниковъ вынесъ его за то только, что любилъ родину и обладалъ благородной

душею *). Трудно представить себѣ всѣ ужасы и мученія этого пути; я слышалъ отъ Сесицкаго и Сышевскаго, осужденныхъ за политическія преступленія на пожизненную каторжную работу, малѣйшія о немъ подробности. Когда они ложились спать, то ни одинъ изъ несчастныхъ не могъ повернуться, чтобы не разбудить другихъ; если же движеніе было порывисто, то всѣ, прикованные къ одному желѣзу, чувствовали острую внѣзапную боль. Такъ какъ офицеръ отвѣчаетъ за всю партію и за каждаго отдѣльно, то власть его не ограниченна; онъ можетъ по своему усмотрѣнію наказать кого хочетъ розгами, палками и нагайками. Какъ бы наказаніе не было несправедливо и жестоко, узникъ не имѣетъ права жаловаться. Я долженъ прибавить, что, къ счастію и къ чести человѣческаго рода, между офицерами, ведущими партіи осужденныхъ, встрѣчаются люди добрые, истинные христіане, которые не только не притѣсняютъ несчастныхъ, угнѣтенныхъ судьбою, но еще покровительствуютъ имъ, стараются смягчить ихъ участь и ласковымъ обхожденіемъ — забыть страшную зависимость, въ которой они находятся.

Недалеко отъ Казани, случилось что на почтовой станціи, незнаю по какому поводу, жилъ священникъ. Вошедши въ комнату, я очень удивился, увидѣвъ попа за штофомъ водки, которую онъ тянулъ вмѣстѣ съ простыми крестьянами, пришедшими къ нему въ гости. Увидѣвъ меня въ цѣпяхъ и догадавшись, вѣроятно, что я полякъ, священ-

*) Одна изъ привиллегій дворянства состоитъ въ томъ, чтобы не итти пѣшкомъ въ Сибирь, въ случаѣ ссылки на каторгу; но, по приказанію Николая, князь Романъ Сангушко былъ отправленъ пѣшкомъ, какъ простой ссыльный. Николай собственноручно подписалъ подъ приговоромъ, осуждавшимъ его на каторжную работу въ Сибирь, слово: „п ѣ ш к о м ъ“. Такимъ образомъ, вмѣсто милости и смягченія наказанія, онъ увеличилъ его жестокимъ образомъ.

никъ, сильно выпившій, обратился ко мнѣ съ жаркимъ потокомъ укорительныхъ словъ. Онъ вопилъ противъ мятежнаго духа поляковъ: противъ ихъ ненависти къ царю и его власти; потомъ разговорился о величіи и славѣ Россіи, о счастіи тѣхъ, кто родился русскимъ, и кончилъ желаніемъ: чтобы русскіе и поляки соединились! По этому поводу онъ предложилъ мнѣ рюмку водки, которую напередъ благословилъ, и убѣдительно просилъ меня не отказать ему и выпить ее. Я, признаюсь, не зналъ: сердиться или смѣяться?

Во время пути моего, мнѣ случилось раза три или четыре встрѣтиться съ сосланными поляками; всѣ они принимали меня съ сердечнымъ и жаркимъ чувствомъ, но, къ сожалѣнію, я не могъ разговаривать съ ними, ибо жандармы мои спѣшили далѣе и не охотно позволяли мнѣ разговориться. Въ Сибири видѣлъ я мущинъ и женщинъ изъ польской и русской Украйны; они жили хорошо, богато; но жалѣли объ родинѣ и, увидя меня, особенно женщины, принимались горько плакать. Одна женщина изъ Бѣлой Церкви, принадлежащей Браницкимъ, сосланная богъ вѣсть за что (такъ сказала она) неутѣшно плакала надъ своею и моею судьбою и много распрашивала меня объ Украйнѣ. Напрасно я старался утѣшить ее; слова утѣшенія не доходили до ея истерзаннаго сердца: она убивалась и страшно тосковала, хотя жила въ достаткѣ и даже могла хорошо выйти замужъ. „Правда, говорила она, что я ни въ чемъ не нуждаюсь и жениховъ у меня много; но душа моя и сердце не лежатъ къ этой землѣ и къ этимъ людямъ; до смерти болитъ мое сердце по Украйнѣ; горекъ мнѣ здѣшній хлѣбъ и я кляну его. Выплакала я очи, глядя на западъ; никогда не увижу я земли моей и прошу бога, чтобы онъ взялъ меня къ себѣ.

На слѣдующій день рано тронулись мы дальше и застали на слѣдующей станціи хозяина, хлопотавшаго возлѣ большаго самовара. Онъ дружески пригласилъ меня выпить чашку чая и во время этого разсказалъ мнѣ: какъ, за много лѣтъ передъ тѣмъ, провозили здѣсь русскихъ политическихъ преступниковъ, участвовавшихъ въ заговорѣ Пестеля, и какъ, изъ нихъ князь Волконскій, закованный также какъ и я въ цѣпи и пившій съ нимъ чай, сказалъ: „Что же дѣлать? участь наша конечно тяжела, но вѣдь богъ вездѣ и нужно все сносить.“

На предпослѣдней станціи не доѣзжая Омска, я увидѣлъ нѣсколько солдатъ, расхаживавшихъ по двору; пока перепрягали лошадей, я вышелъ изъ повозки и сталъ бродить по двору, на сколько кандалы позволяли мнѣ ходить. Одинъ изъ солдатъ насвистывалъ очень отчетливо и вѣрно: Jeszcze Polska nie zginęła! (Еще Польша не погибла!) *). Трудно представить себѣ впечатлѣніе, которое произвела на меня эта мелодія, напоминающая и всѣ наши несчастія, и всѣ наши надежды, надежды, которыя поляки, загнанные въ далекіе сибирскіе снѣга, не перестаютъ питать въ сердцахъ своихъ. Я подошелъ къ солдату, который насвистывалъ нашу народную пѣсню и уставился въ него глазами, будучи убѣжденъ что онъ полякъ. Онъ замѣтилъ это и тотчасъ подошелъ ко мнѣ. Это былъ дѣйствительно полякъ, принимавшій участіе въ революціи 1830-го года и служившій въ народномъ ополченіи; онъ былъ отданъ въ солдаты, безъ выслуги въ сибирскіе батальоны. Онъ говорилъ очень хорошо по польски, съ большимъ одушевленіемъ, и былъ родомъ изъ Мазовѣцкой области. Я говорилъ съ нимъ съ великимъ удовольствіемъ, когда на насъ внѣ-

*) Извѣстная національная, патріотическая, польская пѣсня.

запно наскочилъ волостной писарь, схватилъ за воротъ моего несчастнаго земляка, трясъ его и варварскимъ образомъ оттолкнулъ его отъ меня, говоря: „Какъ ты смѣешь разговаривать съ политическимъ преступникомъ?“ Несчастный мой землякъ вспыхнулъ, поглядѣлъ съ презрѣніемъ на писаря, и, не говоря ни слова, отошелъ въ сторону, пылая стыдомъ и гнѣвомъ. Сердце мое облилось кровію, при видѣ такого обхожденія съ моими соотечественниками, и, еслибы я могъ, я кажется убилъ бы на мѣстѣ этого человѣка, — такъ былъ я возмущенъ и потрясенъ его поступкомъ. Прогнавъ поляка, онъ подошелъ ко мнѣ и хотѣлъ начать разговоръ; но только что онъ раскрылъ ротъ, какъ я бросился на него, съ блиставшими отъ гнѣва глазами, и закричалъ во весь голосъ: „Поди прочь! тебѣ нельзя со мною разговаривать!“ Писарь очень пристыженный, отошелъ; а солдаты начали смѣяться надъ нимъ. Потомъ писарь жаловался моимъ жандармамъ, но они прогнали его, говоря, чтобы онъ не путался не въ свое дѣло. На слѣдующей станціи, при звукѣ бубенчиковъ и колокольчика, множество русскихъ ссыльныхъ сбѣжались смотрѣть на того, котораго провозили. Мнѣ сказали, что это были русскіе изгнанники, замѣшанные въ дѣлѣ Пестеля, и что они всегда стараются помочь, или сказать доброе слово всякому политическому преступнику. Они окружили кибитку и одному изъ нихъ удалось подойти ко мнѣ. Я могъ отвѣчать на нѣсколько его вопросовъ и передать ему русскія и польскія новости; онъ въ свою очередь далъ мнѣ нѣсколько указаній на счетъ Сибири. Онъ былъ знакомъ со многими поляками и назвалъ мнѣ многихъ изъ нихъ; потомъ показалъ мнѣ на тѣхъ, которые стояли поодаль и также назвалъ ихъ по именамъ. Это были русскіе, но я запомнилъ только два имени: имя Якушкина и подпол-

ковника Муравьева. Глядя на этихъ благородныхъ русскихъ, мнѣ казалось, что я смотрю на братьевъ; когда кибитка моя выѣхала изъ воротъ я поклонился всѣмъ имъ. Въ памяти моей запечатлѣлся образъ Муравьева и, еслибъ я встрѣтилъ его теперь, я бы тотчасъ узналъ его. Только что мы встрѣтились, какъ должны были и разстаться на всегда.

На другой день, поздно вечеромъ, мы пріѣхали въ Омскъ.

XVII

Омскъ — и окончательное назначеніе. Екатеринеискій заводъ. Пріѣздъ туда и пріемъ тамъ.

Въѣхавши въ Омскъ, мы поворотили на право и подъѣхали къ крѣпости, передъ которой насъ окликнулъ часовой: „кто идетъ!“ Ямщикъ отвѣчалъ: „несчастный!“ — и насъ пропустили. Одинъ изъ жандармовъ пошелъ къ коменданту крѣпости, и вскорѣ я увидѣлъ, что комендантъ прошелъ въ домъ князя Горчакова, который былъ недалеко отъ крѣпости. Черезъ полчаса онъ возвратился съ офицеромъ и жандармомъ, и приказалъ отправить меня на гауптвахту. Тамъ нашелъ я молодого офицера, который былъ арестованъ и встрѣтилъ меня очень любезно и привѣтливо. Узнавъ, что я полякъ, за что я сосланъ, и какая участь ожидаетъ меня, молодой человѣкъ сильно огорчился; но не надолго. Онъ былъ нрава веселаго и открытаго и разсказывалъ свою собственную исторію съ такимъ комизмомъ, что я, забывъ свое положеніе, посмѣялся съ нимъ вмѣстѣ. Онъ поставилъ самоваръ и заварилъ чай, но, уви-

дѣвъ, что я страдаю, спросилъ: что со мною и что у меня болитъ. Я отвѣчалъ, что у меня тяжелыя на ногахъ кандалы, что вотъ уже 22 дня какъ я не могу снять сапогъ, что ноги мои распухли, растерты, болятъ и ноютъ. Офицеръ вскочилъ очень живо и сказалъ: „я сейчасъ прикажу расковать васъ!“ Едва могъ я удержать его, доказывая, что и ему и мнѣ могутъ быть большія непріятности. Онъ былъ родомъ изъ Симбирской губерніи, хорошо говорилъ по французски, имѣлъ нѣкоторыя книги и атласъ, на который я бросился съ жадностью. Разсматривая сибирскую карту, я разспрашивалъ у него о разстояніяхъ, жителяхъ, обычаяхъ, о азіатскомъ пути, по которому идутъ товары и проч. Офицеръ, видя мое любопытство, замѣтилъ: „если бы я былъ подозрителенъ, то, конечно, могъ бы подумать, что у васъ есть какой нибудь замыселъ; были люди, которые пытались убѣжать отсюда, но никому изъ нихъ не удалось это; а я не пожелаю никому испытать судьбу — какая постигла ихъ. „Кто они, и что сталось съ ними?“ спросилъ я. Это были поляки, и вся Сибирь знаетъ, что съ ними сталось; но я долженъ пощадить ваше сердце и не буду разсказывать вамъ этой страшной исторіи.“ Вѣроятно онъ говорилъ о полковникѣ Петрѣ Высоцкомъ и священникѣ Сѣроцинскомъ, о ихъ ужасной и мученической смерти, о которой я разскажу позднѣе.

Чтобы прервать разговоръ этотъ, я спросилъ у него за что онъ арестованъ? „Я и самъ не знаю за что, отвѣчалъ онъ; мой полковникъ, человѣкъ стараго вѣка, служака, который не допускаетъ ни малѣйшаго упущенія по службѣ. Къ несчастію, или къ счастію, я очень веселаго нрава, иногда что нибудь забуду, въ другой разъ улыбнусь, или отпущу шутку; ему это сильно не нравится и онъ сажаетъ меня подъ арестъ. О фронтовой службѣ ужъ я и не гово-

рю — тутъ я безпрестанно виноватъ, и безпрестанно сижу подъ арестомъ. Такъ какъ я никогда не прошу его ни о чемъ и не ублажаю его, то мнѣ и житья отъ него нѣтъ, да я уже хлопочу о томъ, чтобы меня перевели въ другой полкъ.

По утру пришелъ комендантъ крѣпости полковникъ Дегровъ; спросивши меня объ здоровьѣ и поговоривъ со мною о совершенно незначущихъ вещахъ, онъ повторилъ нѣсколько разъ: „какое несчастье, что вы воротились въ Россію!“ Позднѣе пріѣхалъ городничій, потомъ пришелъ какой-то другой полковникъ, вѣроятно изъ любопытства. Разговоръ завязался и наконецъ коснулся Россіи и Польши. Полковникъ утверждалъ, что всѣ усилія поляковъ освободить Польшу, очень благородны но безполезны, что близко то время, когда Россія и Польша сольются во едино. Я отвѣчалъ ему смѣло (терять мнѣ было нечего) и спорилъ съ нимъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и состраданіемъ: „Дай богъ, чтобы надежды и предположенія ваши сбылись, сказалъ онъ; но я не могу согласиться съ вами. Вижу только, что несчастія и страданія польскія не приходятъ къ концу, если есть еще много поляковъ, которые думаютъ также какъ вы.“ Въ полдень меня повели въ главное правленіе; по дорогѣ я встрѣтилъ земляка моего Возьнековскаго, работавшаго въ арестантскихъ ротахъ и закованнаго какъ и я въ кандалы. Впослѣдствіи я узналъ, что его отдали въ солдаты, въ сибирскій батальонъ, что считалось большою милостью. Таково было милосердіе Николая; пусть господь тою же мѣрою отмѣритъ и ему! Приблизившись къ большему дому, гдѣ жилъ генералъ губернаторъ, комиссаръ, сопровождавшій меня, сказалъ: „Когда пріѣдете на мѣсто, которое вамъ назначатъ, будьте послушны и покорны начальству и сносите терпѣливо

всякія притѣсненія; за малѣйшее непослушаніе и гордость имѣютъ право тѣлесно и жестокимъ образомъ наказать васъ. Я для того предупреждаю васъ, что лѣтъ черезъ 15 васъ могутъ увольнить отъ каторжной работы и сослать на поселеніе. Тамъ жить вамъ будетъ вольнѣе и лучше. Я подумалъ про себя: „хороша надежда на будущее!“ — Только не вздумайте бѣжать, продолжалъ онъ; были такіе, которые бѣжали, чтожь вышло? Иные изъ нихъ были забиты до смерти, другіе, прогнанные сквозь строй и выздоровѣвшіе, до сихъ поръ работаютъ на каторгѣ. Тоже самое случилось бы и съ вами, еслибъ вы вздумали бѣжать; я для того и предостерегаю васъ!“

Меня привели въ большую залу, гдѣ писали молодые люди за большими столами. Увидѣвъ меня, многіе изъ нихъ встали и проходили мимо меня, дѣлая видъ что идутъ въ другую залу, но я догадался что это былъ предлогъ и не ошибся. Это были сосланные поляки и русскіе, которые пришли въ волненіе, увидя вновь привезеннаго и поспѣшно бросились на свои мѣста, когда узнали, что скоро выйдетъ князь Горчаковъ. Когда онъ вошелъ въ залу, всѣ они встали, какъ по командѣ, и глубоко поклонились; я тоже всталъ съ кресла, на которомъ сидѣлъ. Я былъ противъ самой двери, въ которую князь Горчаковъ вошелъ, и видѣлъ какъ онъ шелъ ко мнѣ, не спуская съ меня глазъ; — я тоже смотрѣлъ на него прямо и пристально. Не доходя до меня на одинъ шагъ, онъ вдругъ отвернулся отъ меня и съ глупою важностью пошелъ въ другую комнату. Позднѣе я узналъ, что онъ совѣтовался съ чиновникомъ Капустинымъ: куда меня отправить. Капустинъ былъ человѣкъ добрый и сильно отстаивалъ меня, утверждая, что вина моя не была такова, чтобы отсылать меня въ самую глубь Сибири. По окончаніи совѣщанія, которое длилось

очень долго, князь Горчаковъ вышелъ и опять прошелъ подлѣ меня, не удостоивая меня ни однимъ словомъ. Вскорѣ вышелъ Капустинъ, вѣжливо и благосклоно обратился ко мнѣ и объявилъ, что меня посылаютъ въ Екатериненскій заводъ, за 300 верстъ отъ Омска. Я простился съ привезшими меня жандармами, которымъ хотѣлъ дать денегъ; но мнѣ этого не позволили, и я только поблагодарилъ ихъ за доброе ко мнѣ вниманіе впродолженіи всей дороги. Эти простые, честные люди были тронуты и, пожелавъ мнѣ всего лучшаго, оставили меня. Мнѣ было жаль разстаться съ ними. На другой день, я выѣхалъ изъ Омска съ другими жандармами; они тоже были добрые люди и разговаривали со мною. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: „Я уже отвожу не перваго поляка, насмотрѣлся я на этихъ несчастныхъ, на ихъ муки. Нѣтъ еще году, какъ я отвезъ въ Томскъ молодаго поляка Робчинскаго, который сказывалъ что онъ изъ Кіева. Я вспомнилъ тогда, что въ Кіевѣ, сидя въ тюрьмѣ, видѣлъ его имя, нацарапанное на стѣнѣ, и что Бибиковъ говорилъ мнѣ, что его сослали солдатомъ на Кавказъ. Я спросилъ у жандарма: каковъ онъ собою? Онъ хвалилъ его и говорилъ что онъ былъ молодъ, тонокъ, строенъ, блѣденъ и съ длинными черными волосами. Робчинскій тужилъ, что здоровье его такъ плохо, что видно не придется ему воротиться на родину, увидѣть опять свою Польшу. Его предчувствія оправдались — онъ умеръ въ Томскѣ, солдатомъ; многіе тысячи поляковъ не имѣли и не имѣютъ и этого счастія и, позабытые всѣми, изнываютъ до сихъ поръ въ крѣпостяхъ, рудникахъ и арміяхъ русскихъ.

Мы переѣхали на паромѣ Иртышъ и черезъ десять минутъ очутились въ Екатериненскомъ заводѣ. Меня привели въ казенную контору, куда пришелъ и смотритель завода.

Онъ приказалъ списать мои примѣты, записать меня въ книгу подъ нумеръ, принять отъ жандарма мои деньги, оставшіеся отъ путешествія, а меня самого отправить на гауптвахту; потомъ, не вымолвивъ со мною ни слова, онъ вышелъ.

На бумагѣ, данной въ Омскѣ, гдѣ было прописано мое преступленіе и присужденное за него наказаніе, стояли написанныя рукою Горчакова, слѣдующія слова: Піотровскаго имѣть подъ особымъ надзоромъ. — Смотритель, прочитавши это, пришелъ въ совершенное недоумѣніе и воскликнулъ: „Какого еще дьявола мнѣ прислали? Съ тѣхъ поръ, какъ я смотрителемъ, ничего такого не случалось; это долженъ быть какой нибудь дипломатъ!“ Со страху (а былъ онъ не послѣдній трусъ) онъ приказалъ никогда не снимать съ меня цѣпей.

Я еще не вышелъ изъ конторы, какъ ко мнѣ подошелъ одинъ изъ писарей конторы и спросилъ: не полякъ ли я? Услышавъ отвѣтъ мой, онъ по братски и чистосердечно привѣтствовалъ меня на чистомъ польскомъ языкѣ; это былъ Кароль Богдашевскій, осужденный на три года каторжныхъ работъ и потомъ на поселеніе; вскорѣ за нимъ пришелъ другой мой землякъ Янъ Сесицкій, осужденный, какъ и я, на вѣчную каторжную работу. Онъ былъ свидѣтелемъ звѣрства и жестокостей, которыя довели Левиту до ужасной смерти. Сесицкій содержался въ крѣпости варшавской вмѣстѣ съ нимъ и разсказалъ мнѣ слѣдующее: При допросахъ, Левиту такъ страшно сѣкли розгами, что онъ, облитый кровью, лишался чувствъ и его относили въ тюрьму, безъ движенія и памяти. Еще раны его не бывали залечены, когда по живому мѣсту его опять принимались сѣчь, допытываясь правды и именъ соучастниковъ. Левита былъ молодой но честный юноша: онъ не хотѣлъ губить

другихъ и ни въ чемъ не признавался. Однажды, послѣ ужаснѣйшей экзекуціи, воротившись въ тюрьму, онъ сказалъ въ окошко Сесицкому, что больше терпѣть такой муки не можетъ и просилъ его не спать до полуночи. На вопросъ Сесицкаго: зачѣмъ? онъ отвѣчалъ: „Въ тюрьмѣ будетъ не безопасно, я знаю это навѣрное!“ Сесицкій не обратилъ особеннаго вниманія на его слова, но, будучи не совсѣмъ покоенъ, не легъ спать. Вечеромъ онъ увидѣлъ черезъ окно въ тюрьмѣ Сесицкаго сильный свѣтъ, и закричалъ, что въ тюрьмѣ пожаръ. Тюремщикъ прибѣжалъ, отворили комнату Левита, и густой дымъ повалилъ изъ нее въ коридоръ. Онъ поджегъ кровать, на которой спалъ, и сгорѣлъ. Сесицкій стоялъ у своего окошка и видѣлъ какъ несчастнаго Левиту тащили за ноги по коридору и какъ голова и туловище его волочились по полу. Лейхте, Стороженко и князь Голицынъ, адъютантъ Паскевича, которому былъ порученъ главный надзоръ надъ политическими преступниками, были главною причиною трагической смерти Левиты. Я называю людей этихъ по именамъ, чтобы предать ихъ проклятію и позору. Самъ Николай, узнавши объ этомъ ужасномъ происшествіи, приказалъ обходиться съ политическими преступниками не такъ жестоко. Съ тѣхъ же самыхъ поръ, въ цитадели и крѣпостяхъ перестали давать свѣчи политическимъ узникамъ. Сесицкій долго еще сидѣлъ въ тюрьмѣ и шелъ пѣшкомъ въ кандалахъ до Сибири, до самаго мѣста своего назначенія. Онъ мнѣ разсказывалъ много подробностей о страданіяхъ, которыя перенесъ въ продолженіи этого пути. Изъ Бреста Литовскаго до Екатериненскаго завода онъ шелъ цѣлый годъ. Когда онъ и его партія пришли въ Москву, губернаторъ, князь Голицынъ (не варшавскій палачъ а другой)

почтенный старикъ *), навѣстилъ ихъ, благосклонно говорилъ съ ними, сожалѣлъ о участи поляковъ, облегчилъ чѣмъ могъ ихъ положеніе и не щадилъ дружескихъ, отцовскихъ совѣтовъ, разговаривая съ ними. Сесицкій отзывался объ этомъ почтенномъ князѣ Голицынѣ и о жителяхъ Москвы, которые оказывали къ полякамъ большое сочувствіе и спѣшили чѣмъ могли помочь имъ, съ глубокою благодарностію. Сесицкій встрѣтился дорогою съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ и женою его Маріею Николаевною; герцогъ говорилъ съ Сесицкимъ и обѣщался ему просить за него Николая; но вѣроятно забылъ, или слова его не имѣли вѣса у страшнаго тестя. Великая княгиня Марія Николаевна, глядя на польскихъ политическихъ узниковъ, закованныхъ въ кандалы и ссылаемыхъ вмѣстѣ съ убійцами, не сказала никому изъ нихъ ни слова, но слезы текли по щекамъ ея и она беспрестанно отирала ихъ платкомъ **). Когда я пріѣхалъ въ Екатериненскій заводъ, Сесицкій уже былъ тамъ другой годъ.

Меня привели на гауптвахту, гдѣ я встрѣтился съ многими поляками. Всѣ они робко и торопливо подходили ко мнѣ, спрашивая: что дѣлается въ Польшѣ и нѣтъ ли какой надежды на лучшее? Между тѣмъ Богдашевскій и Сесицкій бросились просить лѣсничаго Вашѣева и кассира Дущанскаго заступиться за меня у смотрителя Арамильскаго и выхлопотать позволеніе снять кандалы съ разболѣвшихся ногъ моихъ. Потомъ они принесли мнѣ чаю и закуску.

*) Вѣроятно князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, извѣстый своимъ образованіемъ и мягкостію. Прим. перев.

**) Мы думаемъ, что попадись эта книга кому нибудь изъ царской фамиліи, то они, при этомъ вѣроятно, также мало подумаютъ попросить за томящихся въ рудникахъ, какъ думали и прежде.

Прим. перев.

Такимъ образомъ я добрался наконецъ до мѣста своего назначенія. Я выѣзжалъ изъ Кіева 28 или 29 Іюня и прибылъ сюда 22 Августа въ девять часовъ утра, пробылъ всего въ дорогѣ 23 дня. Разстояніе отъ Кіева до Омска около 4050 верстъ; стало быть въ сутки я дѣлалъ по 176 верстъ.

XVIII

Моя работа и мои товарищи. Обхожденіе со мною чиновниковъ. Работа въ канцеляріи. Поселеніе. Нашъ образъ жизни.

На другой день, когда я еще лежалъ на лавкѣ, рано по утру пришелъ ко мнѣ нарядчикъ, каторжникъ, съ клеймами на лицѣ, и сказалъ мнѣ: „вставай и ступай на работу!“ Въ первый разъ въ жизни пришлось выслушать мнѣ такое приказаніе, и когда я подумалъ о всемъ ужасѣ своего положенія, о совершенной зависимости отъ всѣхъ, о ихъ неограниченной власти, я не могу описать, что сталось со мною. Всѣ нервы задрожали во мнѣ, кровь бросилась въ сердце, огнемъ разлилось по лицу и потомъ ударила въ голову. Я вскочилъ съ лавки и потрясъ цѣпями. Незнаю, какое было выраженіе лица моего, знаю только, что солдаты, изъ которыхъ одни спали а другіе просто лежали, вскочили, уставились на меня глазами, а нарядчикъ отступилъ отъ меня, смутился и сказалъ: „Чѣмъ же я виноватъ, я долженъ исполнять что мнѣ приказываютъ.“ Я овладѣлъ собою и сказалъ ему: „разумѣется не ты виноватъ!“ и прибавилъ, что у меня очень болятъ ноги, что я отдохну немного и потомъ приду на работу. Холодный потъ выступилъ на лицѣ моемъ послѣ такого страшнаго движе-

нія души; я едва могъ дышать и, оправившись нѣсколько, поспѣшилъ на работу, какъ могъ спѣшить, потому что я не шелъ, а едва передвигалъ ноги отъ боли. Приставленный ко мнѣ солдатъ не долженъ былъ оставлять меня ни на минуту, но я ни слова не сказалъ ему, не спросилъ даже какую работу дадутъ мнѣ; къ этому я былъ совершенно равнодушенъ. Нравственно унизить человѣка, уничтожить въ немъ благородную гордость и чувство собственнаго достоинства, вотъ цѣль каждаго деспота и въ особенности Николая. Ошибается однако всякій деспотъ и больше всѣхъ ошибся Николай, воображая, что тяжкія муки души и тѣла принудятъ благороднаго и честнаго человѣка слѣпо покориться его власти. Власть его, подавляющая волю и духъ человѣка, подобна паровой машинѣ, которая лопается отъ накоплѣнія паровъ и слишкомъ сильнаго давленія. Такъ и власть Николая должна лопнуть, лопнетъ, и машина разлетится въ дребезги. Ни воздуха, ни духа давить черезъ мѣру нельзя безнаказанно! Меня привели въ кузницу и сняли съ меня цѣпи; въ первый разъ, послѣ 22 дней я скинулъ сапоги и нѣсколько освѣжилъ ноги, но, не имѣя времени надѣть сапоги опять, я поспѣшилъ на работу. Мнѣ велѣли влѣзть на недостроенную крышу и очистить ее отъ разнаго сора, хлама и нечистотъ, которыя тамъ накопились. За мной влѣзъ мой дозорный и солдатъ меня караулившій; тамъ уже работалъ одинъ изъ каторжниковъ; мнѣ дали метлу и лопату и велѣли работать вмѣстѣ съ нимъ. Я, чтобы легче работать сбросилъ плащъ и остался въ одномъ кафтанѣ; дозорный и карауьщикъ учили меня какъ приняться за дѣло; работа была не тяжела, но ужасно измучила меня; боясь слова замѣчанія, я работалъ безпрерывно и усердно, такъ что, не смотря на холодный воздухъ, былъ покрытъ потомъ. Не

разъ изъ глазъ моихъ текли въ молчаніи горькія слезы и освятили мою новую неволю, мои новыя страданія! Смотритель, въ сопровожденіи чиновниковъ, пришелъ осматривать рабочихъ, но я сдѣлалъ видъ, что не вижу его, отвернулся и продолжалъ работать. Когда они ушли, дозорный, видя что я измучился, сказалъ мнѣ: „отдохните!“ Я сѣлъ подлѣ моего товарища каторжника и заговорилъ съ нимъ.

— Давно ли ты на заводѣ? спросилъ я. —

— Три года.

— На сколько лѣтъ ты присужденъ?

— На всю жизнь.

— За что?

— Убилъ барина.

— Я содрогнулся, но продолжалъ:

— Какъ убилъ, преднамѣренно?

— Нѣтъ, такъ, безъ намѣренья. У меня былъ топоръ за поясомъ, я его вынулъ да барину лобъ и раскроилъ.

— За чтожъ ты его такъ не милосердно убилъ?

— За что, ужъ разумѣется не изъ удовольствія; баринъ нашъ былъ золъ, морилъ насъ на работѣ и засѣкалъ до смерти. Отъ него всей деревнѣ житья не было; я хотѣлъ избавить отъ него миръ, рѣшился убить его и сгубить себя. Слава богу, подъ кнутомъ я не умеръ; на каторгѣ мнѣ гороздо лучше жить, чѣмъ было дома. Жаль мнѣ только молодой жены; ну да она молода и красива: найдетъ себѣ мужа.

— Однако ты долженъ жалѣть что убилъ человѣка.

— Какой онъ человѣкъ? чортъ!

— Если мой товарищъ говорилъ правду, то признаюсь, я не смѣлъ винить его. Мое собственное положеніе заставило меня испытать что такое несправедливость и гнетъ,

и я смотрѣлъ снисходительно на преступленія, совершенныя при такихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. По заходѣ солнца я воротился на гауптвахту, но до того истомленный, что едва стоялъ на ногахъ и былъ похожъ больше на мертвеца, чѣмъ на живаго человѣка. Я чувствовалъ, что одна сила духа поддерживаетъ меня и еще живетъ во мнѣ; силы физическія истощились совершенно. По уставу, смотритель долженъ былъ послѣ моего пріѣзда дать отдохнуть мнѣ въ продолженіи нѣсколькихъ дней; отъ чего онъ не сдѣлалъ этого, мнѣ неизвѣстно. Богдашевскій и Сесицкій принесли мнѣ поужинать и дивились строгости смотрителя въ отношеніи ко мнѣ; они убѣждали меня переносить все съ покорностію, не показать и виду строптивости, ибо малѣйшая попытка такаго рода могла навлечь на меня тѣлесное наказаніе. Меня бить розгами или палками? Нѣтъ, еще не народился тотъ человѣкъ, который могъ бы это совершить безнаказанно. Лучше мученичество и смерть, чѣмъ такое униженіе!

Унтеръ-офицеръ, по имени Урванцовъ, горькій пьяница, вскорѣ опившійся до смерти, приказалъ запереть меня на ночь въ арестантскую избу, окна которой были за желѣзными рѣшотками и съ выбитыми стеклами. Мнѣ не дали ни клока соломы для ночлега; ночи сибирскія холодны: вѣтеръ врывался въ избу и я долженъ былъ плотно завернуться въ плащь чтобы не издрогнуть; потомъ легъ на лавку и очень скоро заснулъ отъ изнуренія. Сквозь сонъ я почувствовалъ тяжкое ощущеніе боли и зуда во всемъ тѣлѣ, тотчасъ проснулся и вскочилъ на ноги. Все тѣло мое горѣло и ныло; схватившись рукою я почувствовалъ подъ ней рой клоповъ, которые сплошъ всего меня покрыли; я горстями обиралъ ихъ и бѣгалъ по избѣ, не будучи въ состояніи освободиться отъ нихъ. Отъ отвраще-

нія, боли и вони раздавленныхъ клоповъ, у меня поднялась сильная рвота. Я раздѣлся до нага, не смотря на страшный холодъ, очистилъ тѣло отъ этой мерзости, потомъ вычистилъ платье, надѣлъ его опять на себя и провелъ остальную часть ночи, ходя взадъ и впередъ по избѣ. На другой день, смотритель, узнавши все это отъ Богдашевскаго, сдѣлалъ выговоръ Урванцову и приказалъ мнѣ ночевать вмѣстѣ съ солдатами, въ казармѣ. Такъ провелъ я первый день и первую ночь въ каторгѣ и признаюсь, что это дѣйствительно была каторга.

Я работалъ безустаннѣе и прилѣжнѣе другихъ изъ одной гордости, чтобы не довести себя до замѣчанія, работалъ черезъ силу съ восхода солнца до полудня, и отъ часу пополудни до самаго солнечнаго захода. Мои соотечественники поляки, сами приносили мнѣ обѣдъ и присылали ужинъ въ казармы; ни солдаты, ни дозорные никогда не сказали мнѣ ни одного грубаго слова; а мои товарищи каторжники обращались со мною съ нѣкоторою вѣжливостію и никогда не показали ни злорадства, ни издѣвки надъ моимъ положеніемъ; напротивъ того, казалось, сожалѣли обо мнѣ. Когда мы работали и они замѣчали, что работа слишкомъ тяжела для меня, они спѣшили ко мнѣ на помощь, или говорили просто: оставьте это намъ и возмитесь за то, что полегче, и показывали мнѣ что дѣлать. Всѣ они, исключая нѣсколькихъ поляковъ, политическихъ какъ и я преступниковъ, были убійцы, воры, фальшивые монетчики. Одинъ изъ каторжниковъ назывался Кантіеромъ, былъ купеческимъ прикащикомъ въ Петербургѣ и сосланъ на каторгу на всю жизнь за то, что убилъ свою любовницу. „Я, разказывалъ онъ мнѣ, узналъ что она меня обманула; сердце мое заболѣло и я рѣшился убить ее, отмстить за себя. Чтобы исполнить мое намѣреніе,

я увѣрилъ ее, что все забылъ и простилъ, и уговорилъ ее итти со мною въ праздникъ за городъ. Она долго отговаривалась, наконецъ согласилась, съ условіемъ, что возьметъ съ собою одну изъ своихъ подругъ. Мнѣ было это не съ руки, но нечего дѣлать, согласился. Въ назначенный день, мы вышли въ троемъ изъ города. Со мною былъ пистолетъ и кинжалъ; я шелъ рядомъ съ нею и разговоривалъ. Никогда не казалась она мнѣ такъ пригожа и такъ мила, какъ въ этотъ разъ; но чувство мести и ревности разгорѣлись во мнѣ еще сильнѣе. Сколько разъ я былъ готовъ убить ее, но взглядывалъ на нее и не могъ. Наконецъ я остановился и показалъ ей на мѣстоположеніе; она обернула голову и я, пользуясь этимъ, въ упоръ выстрѣлилъ въ нее; но рука моя дрожала и я не убилъ, а только слегка ранилъ ее. Услышавъ выстрѣлъ, подруга ея пустилась бѣжать, а моя любовница, не вскрикнувъ даже, закружилась на мѣстѣ, упала передо мною на колѣни и воскликнула такимъ страшно произительнымъ голосомъ, что я содрогнулся: „простименя!“ Я отвѣчалъ ей ударомъ кинжала въ самое сердце. Она упала мертвая, даже не вздохнула ни разу. Я оставилъ кинжалъ въ сердцѣ ея по самую рукоять, отправился въ городъ и донесъ самъ на себя. Меня наказали кнутомъ и сослали на вѣчную каторгу.

— Что же тебѣ не жаль ее и совѣсть не мучитъ тебя?

— Да, мнѣ жаль ее, такъ жаль, что пока живу не забуду ее; другой я любить уже не могу. А совѣсть? но, мнѣ сдается что, убивъ ее, я поступилъ именно такъ, какъ совѣсть велѣла.

— Но еслибъ она могла ожить, ты бы опять не убилъ ее, конечно.

— По милости ея я былъ самымъ счастливымъ чело-

вѣкомъ, а потомъ сталъ самымъ несчастнымъ; нѣтъ, еслибъ она ожила, я бы опять убилъ ее.

— Стало быть, ты не считаешь убійство преступленіемъ?

— Какое тутъ преступленіе: она отняла у меня счастіе, я отнялъ у ней жизнь; она виноватѣе меня.

Но не всѣ преступники были такаго разряда. Многіе были вовсе невинны. Къ этой категоріи принадлежали особенно солдаты, сосланные за дезертированіе, инсубординацію и за участіе въ политическихъ планахъ ихъ офицеровъ. Таковъ между послѣдними былъ Шутовъ, прежній унтер-офицеръ Черниговскаго полка, которымъ командовалъ Муравьевъ.

Богдашевскій и Сесицкій жили у одного поселенца въ маленькой избенкѣ вмѣстѣ съ хозяиномъ и хозяйкой; тутъ же мыли бѣлье. Какъ не было имъ тѣсно, они просили смотрителя чтобы онъ позволилъ мнѣ жить съ ними. Онъ отказалъ, но позволилъ мнѣ жить у другаго поселенца, и солдатъ, неотходившій отъ меня, ночевалъ тамъ вмѣстѣ со мною. Съ этого дня, я могъ спать ночью, ибо въ казармахъ табачный дымъ, духота, вонь и безпрестанныя смѣны часовыхъ не давали мнѣ покоя.

Прошла недѣля послѣ моего пріѣзда на Екатериненскій заводъ и однажды, когда я возвращался съ обѣда на работу, я увидѣлъ смотрителя Арамильскаго и кассира Дущанскаго, стоящихъ на дорогѣ, по которой я долженъ былъ проходить. Еслибъ была другая дорога, я бы пошелъ по ней, чтобы не встрѣчаться съ ними, но другой не было и мнѣ пришлось проходить мимо ихъ. Я шелъ обыкновеннымъ шагомъ, и смотритель, который хотѣлъ что то сказать мнѣ и глядѣлъ на меня, потерялъ терпѣніе, видя что я не прибавляю шагу, и крикнулъ на меня, какъ кричатъ обыкновенно на всѣхъ каторжныхъ: Поди сюда скорѣе!

Этотъ приказъ, но особенно тонъ съ какимъ онъ былъ сдѣланъ, взволновали меня; я сдѣлалъ видъ, что не слышу и пошелъ еще медленнѣе. Смотритель крикнулъ еще разъ съ большимъ гнѣвомъ: „Иди же скорѣе!“ Я пошелъ еще медленнѣе. Когда я подошелъ къ нему онъ сказалъ мнѣ съ большимъ гнѣвомъ: „Что ты не слышишь чтоли, что я зову тебя?“ Подошедши къ нему я снялъ шапку, но весь дрожалъ отъ гнѣва, мести и возмущенія, и потому отвѣчалъ ему измѣнившимся голосомъ: „Очень слышу, чего же вы отъ меня хотите?“ Смотритель тоже дрожалъ отъ гнѣва, глаза его горѣли, губы тряслись, но взглянувъ на меня онъ вдругъ поблѣднѣлъ и сказалъ по краткомъ молчаніи приличимъ тономъ: „ты поступаешь вмѣстѣ съ другими каторжными къ контр-агентамъ, которые взяли у казны на аренду винный заводъ. Это я тебѣ дѣлаю милость. Тамъ будешь получать большее жалованье, но помни, что долженъ вести себя хорошо, повиноваться и не смѣй думать о побѣгѣ.

Я отвѣчалъ, по русскому обычаю: слушаю! и отошелъ.

Что будешь дѣлать? То что человѣкъ всосалъ съ молокомъ матери, пріобрѣлъ воспитаніемъ и развилъ въ теченіи всей жизни, не можетъ быть забыто въ одну минуту. Скорѣе и легче можно разстаться съ жизнію, чѣмъ съ гордостію и чувствомъ собственнаго достоинства. Самое величайшее бѣдствіе и мука политическаго преступника состоятъ именно въ томъ, что онъ чувствуетъ себя нравственно униженнымъ, ибо всякую минуту люди напоминаютъ ему, что онъ уже не человѣкъ, но сошелъ на степень безсмысленнаго и безчувственнаго животнаго. Каторга заключается не въ тяжкой работѣ, а въ униженіи человѣческаго достоинсвта, въ оскорбленіи всѣхъ лучшихъ чувствъ его, въ попраніи всѣхъ его человѣческихъ и нравственныхъ

правъ. Арамильскій, человѣкъ безъ воспитанія, не выѣзжавшій никогда изъ Сибири, быть можетъ и не понималъ какъ оскорбилъ меня своимъ обращеніемъ, а я такъ мало цѣнилъ жизнь, что еслибъ смотритель только прикоснулся ко мнѣ въ ту минуту, то я разорвалъ бы его на части. Вѣроятно онъ прочелъ на лицѣ моемъ это рѣшеніе, ибо когда я отошелъ, сказалъ Дущанскому: „Чортъ знаетъ, что это за дерзкій человѣкъ такой; я съ нимъ не могу поступать какъ съ другими каторжниками. Боюсь я, какъ бы черезъ него со мною не приключилось какое несчастіе!“

Если оно дѣйствительно постигло его, по причинѣ моего побѣга, я сердечно сожалѣю о томъ, ибо, узнавъ его ближе, я убѣдился что онъ былъ въ сущности человѣкъ добрый, хотя и неумолимый служака. Сердце его было благородно и склонно отъ природы къ состраданію, но по своему необразованію по недостатку воспитанія, онъ предавался вспыльчивости, гнѣву, и хвалилъ все, что дѣлалъ царь. Еслибъ ему приказали уморить медленною смертію, исколовъ булавками замучить кого нибудь до смерти, онъ плакалъ бы, содрогался бы, былъ бы близокъ къ обмороку, но выполнилъ бы все въ точности и замучилъ бы человѣка. Указъ царя исполнялъ онъ какъ божескій завѣтъ!

Богдашевскій и Сесицкій умоляли меня пойти къ смотрителю и попросить его обратить на меня свое вниманіе; они были увѣрены, что онъ сдѣлаетъ для меня все что можетъ. Долго я не рѣшался на это; наконецъ, переломивъ себя, пошелъ къ нему съ визитомъ. Смотритель и жена его приняли меня чрезвычайно вѣжливо и я видѣлъ что онъ былъ этимъ очень доволенъ. Я засталъ у него многихъ чиновниковъ; всѣ они приняли меня отлично и потчивали меня наливкой и закуской, говорили и разспрашивали о Европѣ, Англіи, а въ особенности о Франціи. Я пробылъ

тамъ полчаса, но не просилъ никого ни объ чемъ, хотя и видѣлъ, что всѣ желали облегчить мою участь; тогда же смотритель, безъ моей просьбы, позволилъ мнѣ жить съ Богдашевскимъ и Сесицкимъ. Такимъ образомъ, мы всѣ трое помѣстились вмѣстѣ и спали кто гдѣ могъ и какъ попало; съ нами жилъ и солдатъ, неоставлявшій меня ни днемъ, ни ночью.

Черезъ нѣсколько времени я простудился на заводѣ и заболѣлъ. Это вызвало новыя старанія земляковъ моихъ, которыя и увѣнчались успѣхомъ. Жена смотрителя и прочіе чиновники, сочувствовавшіе моему несчастію, выпросили позволеніе у смотрителя опредѣлить меня въ заводскую контору, гдѣ я долженъ былъ заниматься переписываніемъ бумагъ и счетами. Я получилъ 10 руб. ассигн. (10 франковъ) въ мѣсяцъ и долженъ былъ находиться въ конторѣ съ 8-ми часовъ утра до 12-ти и съ 2-хъ до 11-ти вечера, даже и тогда, когда работы вовсе не было. Въ эти длинные часы я писалъ, размышлялъ и въ головѣ моей мало по малу созрѣвалъ давнишній планъ побѣга. Въ контору приходили часто пріѣзжіе крестьяне, мѣщане, купцы, русскіе, татары, киргизы и жиды. Я съ любознательностію разспрашивалъ ихъ о Сибири и узналъ, не выходя изъ конторы, малѣйшія о ней подробности. Эти свѣденія впослѣдствіи сдѣлались для меня драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ и помогли мнѣ въ продолженіи длиннаго пути избѣгнуть различныхъ опасностей. Одинъ изъ моихъ соотечественниковъ Высоцкій былъ главнымъ чиновникомъ конторы, но я особенно подружился съ однимъ русскимъ, Степаномъ Базановымъ, начальникомъ виннаго завода и родственникомъ владѣльцевъ его Орловыхъ. Базановъ былъ добрый и честный человѣкъ, лѣтъ двадцати съ небольшимъ, но одержимъ былъ однимъ порокомъ: онъ любилъ Николая и

утверждалъ, что все зло происходило отъ окружающихъ его лицъ и что, еслибы не дворяне, онъ устроилъ бы счастіе всего народа. Я долженъ прибавить, что простые русскіе люди почти всѣ тогоже мнѣнія. Базановъ былъ влюбленъ и повѣрялъ мнѣ свои сердечныя несчастія; онъ хотѣлъ жениться на одной также родственницѣ Орловыхъ, которые не хотѣли согласиться на бракъ его.

По праздникамъ и по воскресеньямъ мы завтракали вмѣстѣ и вечеромъ пили чай. Базановъ зналъ много русскихъ пѣсень и часто распѣвалъ ихъ, особенно Пушкинскія, которыя я слушалъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Желая устроиться по возможности спокойнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ быть полезнымъ нашимъ землякамъ, которыхъ подвозили постоянно, мы рѣшились выстроить себѣ домикъ; я взялъ у смотрителя 50 рублей изъ моихъ собственныхъ денегъ и, сложившись такимъ образомъ, мы всѣ трое принялись за дѣло. Во всякую свободную отъ работъ минуту, мы сами конали картофель въ огородѣ, а между тѣмъ домъ строился, и къ зимѣ мы перешли жить въ него. Вскорѣ Сесицкій и я мы остались вдвоемъ, ибо Богдашевскому вышли годы (онъ былъ осужденъ на три года каторжной работы, Сесицкій же на цѣлую жизнь) и онъ долженъ былъ переѣхать въ другое мѣсто, на поселеніе, по назначенію начальства. Его отъѣздъ былъ оченъ тяжелъ для Сесицкаго и меня; Богдашевскій былъ человѣкъ добрый, честный, веселаго нрава и много оживлялъ нашу тяжелую жизнь. Хотя я исполнялъ мои обязанности весьма аккуратно но тѣмъ не менѣе, случались непріятности, которыя вытекали прямо изъ моего крайне зависимаго положенія. Однажды чувствуя себя нездоровымъ, я не могъ рано притти въ контору и когда явился уже гораздо позднѣе, то долженъ былъ выслушать непріятныя рѣчи управляющаго.

Въ другой разъ Алексѣевъ прислалъ за мною въ часъ ночи. Я сказалъ что уже легъ спать и приду утромъ. Алексѣевъ прислалъ за мною опять, требуя меня сейчасъ же; я отвѣчалъ тоже и не пошелъ къ нему. На другой день онъ бросился на меня и сталъ кричать на московскій манеръ, спрашивая: почему я не явился по его приказанію. Я отвѣчалъ, что, вышедши изъ конторы въ 12 часовъ ночи, мнѣ необходимо было отдохнуть; что притомъ я считаю, что ночь принадлежитъ мнѣ исключительно. Тогда Алексѣевъ вышелъ изъ себя, принялся еще больше кричать и грозить мнѣ, но я молчалъ и имѣлъ силу не выговорить ни одного слова. Мое молчаніе еще больше раздражало его и когда онъ спросилъ почему я ничего не отвѣчаю? Я сказалъ, что не привыкъ выслушивать такія рѣчи и не знаю что отвѣчать на такія слова; что если онъ недоволенъ мною, то пусть отпуститъ меня изъ конторы, и я возвращусь безъ сожалѣнія къ прежней работѣ. Онъ унялся и съ этихъ поръ сталъ вѣжливѣе обходиться со мною. Мысль, что я завишу отъ каприза всякаго чиновника, который по своему произволу можетъ послать меня наносить дровъ, истопить печи, о чистить дворъ, можетъ даже наказать меня тѣлесно, была мнѣ невыносима. Я ходилъ въ гости къ чиновникамъ, но держалъ себя гордо и холодно, давая понять, что между ими и мною лежало огромное разстояніе и что они должны были почитать въ лицѣ моемъ незаслуженное несчастіе. Ссыльный не долженъ обольщаться вѣжливымъ обращеніемъ и ласками чиновниковъ; всѣ они люди необразованные и грубые; неограниченная власть развратила ихъ и они повинуются минутному настроенію, часто капризу. Нынче они обращаются съ вами какъ съ равнымъ, а завтра могутъ подвергнуть васъ страшному наказанію. За нѣсколько лѣтъ до моего пріѣзда въ Сибирь, одинъ рус-

скій генералъ былъ сосланъ Николаемъ въ Екатеринен-скій заводъ, на каторжную работу. Смотритель завода, принимая во вниманіе генеральскій чинъ и преклонныя лѣта сосланнаго, обращался съ нимъ вѣжливо, назначалъ самыя легкія работы и приглашалъ къ себѣ обѣдать. Къ сожалѣнію, генералъ забывался иногда, особенно выпивши, куражился, говорилъ о своемъ генеральствѣ и оскорблялъ въ смотрителѣ начальническую амбицію. Тогда смотритель приказывалъ солдатамъ взять генерала, запереть его въ холодный чуланъ, на хлѣбъ и на воду, или приставить его къ печи и заставлять его по недѣлѣ и по двѣ, въ страшные холода, топить печь. Генералъ, покрытый сажей и копотью, просилъ прощенія и возвращался къ смотрителю въ качествѣ гостя, до тѣхъ поръ, пока новая ссора не приводила его опять къ чулану, на цѣпь и въ должность истопника. Въ послѣдствіи онъ былъ помилованъ царемъ и возвратился въ Россію опять генераломъ. Что касается до меня, то я исполнялъ аккуратно возложенную на меня должность, не пускался ни съ кѣмъ въ разговоры, ни о чемъ никого не просилъ, ни съ кѣмъ не сближался и вообще держалъ себя тихо, скромно и спокойно. Случилось, что насъ посѣщали наши соотечественники поляки, поселенцы. Мы принимали ихъ всегда какъ братьевъ и дѣлились съ ними чѣмъ могли; часто проливали мы вмѣстѣ съ ними горькія слезы, еще чаще тѣшились мы надеждой на лучшее будущее. Случалось, что Сесицкій долженъ былъ уѣжзать на нѣсколько дней въ лѣсъ, исполняя возложенную на него обязанность, и я, возвращаясь изъ конторы, затоплялъ каминъ, садился у огня и задумывался. О чемъ? О томъ что мучило и грызло меня, о томъ, что составляло единственную мою надежду — о неволѣ и свободѣ.....

Съ наступленіемъ лѣта я оставилъ Сесицкаго и перешелъ жить къ поляку Минькевичу, родомъ изъ Литвы, сосланному сюда на поселеніе.

XIX

Сибирское войско. Поселенцы. Нерчинскіе рудники. Сосланные Поляки. Петръ Высоцкій. Священникъ Сѣроцинскій и его товарищи.

Случайно я пріобрѣлъ точныя свѣденія о находящейся въ Сибири военной силѣ и удивлялся не мало, узнавъ, что она состоитъ только изъ 40,000 человѣкъ, со включеніемъ 10,000 козаковъ, единственной сибирской кавалеріи, обыкновенно занимающей пограничные посты и не рѣдко пускающейся на грабежи вмѣстѣ съ сосѣдними киргизами. Весь этотъ корпусъ размѣщенъ отдѣльными баталіонами по губернскимъ и большимъ городамъ, сверхъ того въ наиболѣе важныхъ пунктахъ, такъ что при колоссальныхъ пространствахъ его почти и незамѣтно. Въ уѣздныхъ городахъ стоятъ человѣкъ по 30. Самое большее число, около 2-3000 человѣкъ пѣхоты и кавалеріи находится въ Омскѣ. Здѣсь же помѣщается и половина такъ называемой казацкой артиллеріи и находится военная казацкая школа. Отсюда ясно, что военныя силы Сибири очень слабы. Тѣмъ болѣе недостаточны они, если, что рано или поздно и должно случиться, въ Сибири совершится внутренній переворотъ. Нужно только небольшое увеличеніе и безъ того существующаго по разнымъ поводамъ недовольства, нужны только добрая воля да соглашеніе сосланныхъ въ Сибирь и я убѣжденъ, что возстаніе даже начатое 1000 человѣками увѣнчается успѣхомъ. Такъ какъ отдѣльные баталіоны находятся часто одинъ отъ другаго на разстояніи нѣс-

колькихъ сотъ верстъ, то ихъ легко снять одинъ за другимъ; въ случаѣ же, еслибы имъ удалось соединиться, легко избѣжать столкновенія съ ними и потомъ разбить ихъ. Зная Сибирь, я утверждаю положительно, что еслибы теперь нашелся человѣкъ, обладающій общимъ довѣріемъ и волей отдѣлить Сибирь отъ Россіи, то онъ не только могъ бы исполнить это, но и сдѣлаться даже опаснымъ царю. Объ этомъ уже думали; попытка не удалась, но этимъ еще дѣло не устранено.

До 1846 года, жизнь поселенцевъ была сносна; домъ, скотъ, все хозяйство принадлежало имъ, считалось ихъ неотъемлемою собственностью; но потомъ вышелъ указъ, въ силу котораго поселенцу запрещалось отлучаться безъ позволенія изъ своего мѣста жительства и располагать своею собственностію; она отдана была въ распоряженіе приказа ссыльныхъ. Кто хорошо знаетъ русскихъ чиновниковъ, тотъ можетъ легко себѣ представить до какихъ злоупотребленій и до какаго произвола дошли они, пользуясь этимъ новымъ, дарованнымъ имъ правомъ притѣснять бѣдныхъ жителей. Поселенцы, видя себя и свое имущество въ совершенномъ распоряженіи чиновниковъ, перестали трудиться и обѣднѣли. Кто потерялъ больше всѣхъ при такомъ порядкѣ? — Разумѣется само правительство!

Каторжная работа въ Сибири разнаго рода. Самая страшная въ Нерчинскихъ рудникахъ, куда ссылаются только самые большіе преступники. Несчастные, запрятываемые въ эти подземныя норы, рѣдко живутъ долго, и это зависитъ отчасти отъ тѣхъ минераловъ, которые они добываютъ. Скорѣе всего разрушаютъ организмъ ярь медянка и ртуть; на тѣлѣ появляются раны, изъ которыхъ мясо отдѣляется кусками.

Въ эти рудники обыкновенно посылаютъ тѣхъ, отъ ко-

торыхъ хотятъ отдѣлаться возможно скорѣе. Другихъ посылаютъ въ золотые, серебряные, мѣдные, желѣзные и платинные рудники. Подробностей о работахъ въ этихъ рудникахъ я, къ сожалѣнію, не могъ узнать; знаю только, что, за нѣсколько лѣтъ до моего прибытія въ Сибирь, одинъ изъ значительнѣйшихъ нерчинскихъ рудниковъ, въ нѣсколько этажей, по небрежности инженеровъ, обрушился и задавилъ тысячу и нѣсколько сотъ людей, освободивъ ихъ такимъ образомъ отъ ихъ страданій. Назначена была по этому поводу слѣдственная коммиссія, но дѣло велось въ такой тайнѣ, что въ Россіи почти и не слыхали объ этомъ. Почти невѣроятно искусство русскаго правительства скрывать разныя происшествія. Напр. въ одной губерніи поднялась вся деревня, всѣ жители ея были наказаны кнутомъ, розгами, сосланы въ Сибирь, самое мѣсто, гдѣ стояла деревня, было запахано и не осталось даже слѣда ея. Едва кое что объ этомъ достигло сосѣднихъ губерній; въ дальнѣйшихъ же это является въ видѣ басни и скоро изчезаетъ изъ міра дѣйствительности. Въ 1837 году, въ Омскѣ были забиты на смерть пять поляковъ и одинъ русскій, а въ западныхъ губерніяхъ едва было слышно объ этомъ, хотя вся Сибирь толковала о томъ. Всякое преступленіе боится свѣта, и потому остаются въ тайнѣ такія дѣла царя; если же и достигаетъ о нихъ вѣсть на западъ, то считаютъ это преувеличеніемъ и невѣроятнымъ, потому что въ самомъ дѣлѣ это невѣроятно.

Кромѣ Нерчинскихъ рудниковъ есть другія мѣста и работы; разнаго рода постройки, заводское дѣло и т. п. Судьба негровъ, которые употребляются на такія работы, гораздо сноснѣе. Но законъ, говорящій: „Каторжному нѣтъ вѣры,“ подвергаетъ ихъ и всякимъ притѣсненіямъ и безнаказанно для притѣснителей.

О политическихъ преступникахъ каждые три мѣсяца сообщается въ Петербургъ. Эти рапорты аккуратно подавались Николаю и онъ читалъ ихъ внимательно. Это между прочимъ доказываетъ слѣд. примѣръ: между сосланными въ Нерчинскіе рудники декабристами былъ между прочими и баронъ Штейнгель, осужденный на 15 лѣтъ работы въ Нерчинскихъ рудникахъ. По истеченіи всего срока Штейнгель былъ переведенъ въ Тобольскъ на поселеніе. Въ то время какъ я прибылъ въ Сибирь, онъ жилъ въ Тарѣ и былъ уже сѣдой старикъ. Упавшій духомъ, онъ обратился разъ къ Николаю съ просьбою: позволить ему по крайней мѣрѣ умереть на родинѣ и благословить дѣтей. Николай велѣлъ передать ему словесный отвѣтъ: „Объ дѣтяхъ не безпокойся, я замѣню имъ отца, но пока я живъ ты изъ Сибири не выйдешь.“ Дьявольская злость Николая высказалась вполнѣ въ его гнусномъ и безчеловѣчномъ законѣ о дѣтяхъ ссыльныхъ и каторжныхъ, которые дѣлаются государст. крестьянами. Это однакоже не могло удержать благородныхъ женщинъ, которыя послѣдовали въ Сибирь за ихъ мужьями, какъ княгиня Трубецкая и г-жа Кошакевичъ, родомъ Литвянка.

Въ Сибири очень много поляковъ. Екатерина II сослала туда очень многихъ и съ тѣхъ поръ до сегодня не перестаютъ тянуться туда партіи поляковъ одна за другою; до сихъ поръ въ Сибири живутъ страшныя преданія о жестокостяхъ, которымъ подвергались поляки въ старые годы. Сибирскіе старожилы разсказывали мнѣ, что губернаторъ Ширшинъ привязывалъ поляковъ къ длиннымъ бревнамъ и скатывалъ ихъ съ высокой и крутой горы, около Тобольска. Трудно вѣрить такому варварству, но какже и не вѣрить, когда преданіе о немъ еще свѣжо и живетъ въ памяти всѣхъ туземцевъ. Съ тѣхъ поръ постоянно при-

бывали новые и новые поселенцы и каторжники, и многихъ изъ нихъ я видѣлъ, со многими познакомился. Теперь нѣкоторые изъ нихъ, получивъ позволеніе воротиться во внутреннія губерніи Россіи, уѣхали. Было много и полекъ, которыя были сосланы по подозрѣнію въ политическихъ преступленіяхъ. Множество поляковъ находилось въ Иркутскѣ и Нерчинскихъ рудникахъ, но при такихъ пространствахъ трудно узнать имена всѣхъ этихъ несчастныхъ. Притомъ число ихъ беспрестанно увеличивалось. Я помню что, когда меня везли въ Сибирь, извощикъ запрягавшій мнѣ лошадей, спросилъ: много ли троекъ съ поляками ѣдетъ за нами? Когда я отвѣчалъ ему что нѣтъ ни одной, „Полноте! сказалъ онъ, не повѣрю ни за что. Я давно ямщикомъ и знаю что когда начнутъ вывозить поляковъ, то имъ и конца нѣтъ; мы дивимся откуда васъ столько берется и за что это васъ везутъ въ Сибирь?“

За то, сказалъ я, что мы больно царя любимъ, а царь насъ любитъ.

— Да! какъ кошка собаку! Ну теперь я знаю за что васъ въ Сибирь тащутъ!

Дѣйствительно поляки беспрестанно прибывали и при мнѣ привезли пятерыхъ, изъ которыхъ одинъ Бѣлинскій былъ уже однажды въ Сибири, потомъ получилъ прощеніе, воротился на родину, попался опять, но былъ осужденъ уже не на поселеніе а на вѣчную каторжную работу. Много слыхалъ я и о русскихъ политическихъ преступникахъ, которые работали сперва въ рудникахъ, на каторгѣ, потомъ жили на поселеніи вмѣстѣ, въ большомъ согласіи и охотно принимали и принимаютъ въ свое общество поляковъ и весьма имъ сочувствуютъ. Я запомнилъ имена нѣкоторыхъ изъ нихъ. Князь Трубецкой, князь Волконскій, Муравьевъ, Якушкинъ; именъ другихъ я не припомню, но

знаю что эти благородные русскіе — мученики за свободу своего отечества, и возбудили въ сердцѣ моемъ такое братское чувство, какъ будто они были поляки, мои соотечественники. Поляки отзывались о нихъ съ большимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Я старался узнать не живетъ лигдѣ нибудь въ Сибири маіоръ Лукасинкій, который долгое время содержался въ мрачныхъ подземельяхъ бельведерскаго дворца и былъ взятъ съ собою Константиномъ, когда онъ бѣжалъ изъ Польши въ 1830 году. Съ тѣхъ поръ ничего достовѣрнаго не было извѣстно объ участи Лукасинскаго. Деренговскій, одинъ изъ эмигрантовъ польскихъ, разсказывалъ что ему удалось слышать отъ поляковъ, содержавшихся въ Динабургской крѣпости, что они видѣли имя Лукасинскаго, нацарапанное на стѣнѣ. Я самъ, возвратясь уже изъ Сибири, слышалъ отъ одной польской дамы, что ей случилось разговориться съ очень извѣстнымъ русскимъ генераломъ и что она воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы узнать: что сталось съ Лукасинскимъ. Русскій генералъ не вошелъ въ подробности и, печально понуривъ голову, сказалъ ей: il n'existe plus! (онъ уже не существуетъ!) Всѣ мои разспросы и розыски о Лукасинскомъ остались напрасны; никто ничего незналъ о немъ и не слыхалъ его имени въ поселеніяхъ или каторгѣ.

Теперь я приступаю къ описанію кроваваго эпизода въ нашей исторіи, въ исторіи мученичества польскихъ сыновъ. Знаю что свѣтъ не вѣрить большей части тѣхъ ужасовъ, тиранствъ и варварствъ, жертвами которыхъ сдѣлались столько Поляковъ; свѣтъ не вѣритъ, что Симона Конарскаго злодѣй, князь Трубецкой жегъ раскаленнымъ желѣзомъ, что несчатный Левита, содержавшійся въ варшавской крѣпости, лишилъ себя жизни и сгорѣлъ живой, не будучи въ состояніи переносить пытокъ, которымъ его под-

вергали; что женщинъ нашихъ не только ссылали въ Сибирь и заключали въ монастыри, но жестоко сѣкли въ полиціи по обнаженному тѣлу, что многихъ поляковъ засѣкли до смерти, морили голодомъ, кормили селедками, словомъ, что въ теченіи почти цѣлаго вѣка бьютъ, мучатъ, тиранятъ, убиваютъ и ссылаютъ насъ, что нами заселяютъ снѣжныя пустыни Сибири и глубокіе рудники ея. Пусть свѣтъ не вѣритъ; я пишу только для того, чтобы засвидѣтельствовать истинную правду и воздать ей должную честь, пишу чтобы довести это до справедливаго суда потомства сыновъ Польши, пишу для того, чтобы совѣсть моя была спокойна, чтобы чувствовать себя чистымъ передъ богомъ, что, зная, я не скрылъ правды, правды истинной и святой. Теперь приступаю къ описанію.

Петръ Высоцкій, за участіе въ революціи 1830 года, былъ сосланъ въ Нерчинскъ, гдѣ нашелъ множество земляковъ своихъ; съ нимъ обходились не дурно, но онъ не могъ снести неволи и рѣшился бѣжать. Онъ подговорилъ нѣсколько соотечественниковъ бѣжать вмѣстѣ; но такъ какъ всѣ они не знали дороги, то должны были довѣриться одному сибиряку, молодому крестьянину, который взялся быть ихъ вожакомъ. Въ назначенную ночь они пустились въ дорогу пѣшкомъ; проводникъ провелъ ихъ въ лѣсъ и оставилъ, говоря что пойдетъ осмотрѣть безопасна ли дорога. Вмѣсто этого онъ воротился назадъ, явился къ смотрителю и донесъ что такіе то поляки убѣжали и скрылись тамъ то. Часть гарнизона бросилась въ погоню и окружила то мѣсто, гдѣ находились бѣжавшіе поляки. Видя не минуемую гибель, поляки хотѣли прорвать цѣпь силою, но были взяты всѣ до одного; Высоцкій, какъ зачинщикъ, былъ приговоренъ къ 1500 ударовъ сквозь строй; всѣ его

товарищи наказаны тѣлесно съ страшной жестокостью. Одинъ изъ сосланныхъ русскихъ, замѣшанный въ исторію Пестеля, былъ очевидцемъ этого ужаснаго наказанія и говорилъ мнѣ, что Высоцкаго били такъ безчеловѣчно и не милосердно, что снесли въ госпиталь чуть живаго. Когда онъ вылечился, какъ будто этой жестокой, варварской казни было недостаточно, его отвезли изъ Нерчинска въ Акатуй, куда ссылаютъ только самыхъ страшныхъ и неисправимыхъ преступниковъ. Высоцкій ни нравственно, ни физически никогда не могъ оправиться отъ страшной казни, былъ постоянно болѣнъ, дичился всѣхъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и въ свободныя отъ тяжкой работы минуты, бѣгалъ людей и занимался выдѣлкой небольшихъ кусковъ мыла. Я видѣлъ одинъ кусокъ мыла, на которомъ было вырѣзано: P. V. Акатуй. Возвратясь изъ Сибири во Францію, я слышалъ, что Петръ Высоцкій переведенъ ближе къ Иркутску, но и по сію пору находится въ каторжной работѣ. Вотъ какова ужасная судьба полковника Высоцкаго, начальника и предводителя польскаго возстанія въ 1830 году!

А вотъ что постигло священника Сѣроцинскаго и его товарищей. Это происшествіе случилось около Омска и всѣ также хорошо знаютъ его; мнѣ случалось говорить о немъ съ поляками, русскими, сибиряками очевидцами, даже съ такими людьми, которые содержались въ одной крѣпости вмѣстѣ съ Сѣроцинскимъ. Священникъ Сѣроцинскій былъ настоятелемъ монастыря въ Волыни, когда вспыхнула варшавская революція, онъ, какъ истинный сынъ отечества, не остался въ бездѣйствіи и приготовилъ возстаніе на Волыни. Потомъ онъ былъ взятъ, лишенъ священническаго сана и сосланъ простымъ солдатомъ въ казацкій полкъ, въ Сибирь. Когда въ Омскѣ оказалась нужда въ учителѣ для школы, начальство обратило вниманіе на Сѣроцинскаго,

который завѣдывалъ школами еще въ монастырѣ своемъ на Волыни. Его назначили учителемъ. Пользуясь болѣе независимымъ положеніемъ, онъ вошелъ въ сношенія съ поляками и русскими, и задумалъ освободить себя и другихъ посредствомъ всеобщаго возстанія въ Сибири. Въ этомъ заговорѣ приняли участіе русскіе, поляки и татары, солдаты и поселенцы. Сѣроцинскій хотѣлъ освободить всѣхъ каторжниковъ, захватить при ихъ помощи всѣ крѣпости въ руки и провозгласить отдѣленіе Сибири отъ Россіи; въ случаѣ же неудачи, силою пробраться до Бухары и оттуда достичь англійскихъ колоній въ Индіи. Центръ заговора былъ въ Омскѣ; заговорщики имѣли въ своемъ распоряженіи артиллерію крѣпости, но наканунѣ того дня, который назначенъ былъ для общаго возстанія, трое изъ заговорщиковъ струсили и открыли все полковнику Дегрову, о которомъ я уже упоминалъ. Къ несчастію, этимъ людямъ и къ моему стыду и негодованію полякамъ, были извѣстны малѣйшія подробности заговора, и они разсказали безъ утайки и самымъ обстоятельнымъ образомъ все, что сами знали. Изъ этихъ доносщиковъ одинъ былъ изъ царства Польскаго и назывался Гаевскій, другой изъ Варшавы — Кнакъ, имя третьяго я забылъ. Аресты были произведены повсемѣстные; хватали и правыхъ и виноватыхъ, поляковъ и русскихъ, сибиряковъ и татаръ, солдатъ, поселенцевъ и крестьянъ. Дали знать обо всемъ въ Петербургъ, назначили слѣдственную коммиссію, потомъ другую и третью; началась безконечная процедура, которая длилась года три, и наконецъ представили приговоръ на утвержденіе царя Николая. Во время слѣдствія и суда Сѣроцинскій показалъ рѣдкую силу характера и несокрушимую мощь духа. Подъ этой желѣзной волей, подъ этой твердостію и стойкостію скрывались нѣжное сердце и поэти-

ческое чувство. Такому характеру впрочемъ не должно удивляться, когда вспомнишь что Сероцинскій былъ родомъ изъ Украйны, гдѣ и до сихъ поръ крѣпко держится пословица: „Разъ родыла маты, разъ и помираты.“ Мнѣ удалось прочесть стихи, которые онъ написалъ во время своего трехлѣтняго заключенія; въ нихъ вылилась и высказалась вся его благородная душа, все прекрасное сердце: сколько тутъ христіанской покорности, человѣческаго достоинства и гордости правоты поляка, страданія и мукъ человѣка, для котораго нѣтъ надежды, нѣтъ будущаго! Изъ Петербурга пришелъ приговоръ, подписанный Николаемъ: Священника Сѣроцинскаго и пятерыхъ его сообщниковъ, Друзжаловскаго, Яблонскаго, Шокальскаго, одного русскаго Меледина и Гурскаго стараго воина, служившаго подъ начальствомъ Наполеона и имѣвшаго больше 60 лѣтъ отъ роду, прогнать сквозь строй, черезъ семь тысячь, безъ пощады. Еслибы кто нибудь изъ осужденныхъ пережилъ страшную кару, то присуждался къ каторжной пожизненной работѣ въ рудникахъ. Всѣ другіе, замѣшанные въ этомъ дѣлѣ, приговорены были къ каторжной работѣ, или въ солдаты безъ выслуги. Насталъ роковой день жестокой казни. Это было въ 1837 году, въ Мартѣ мѣсяцѣ, въ городѣ Омскѣ. Генералъ Голоффѣевъ, извѣстный своею жестокостію, былъ нарочно присланъ изъ Петербурга для исполненія приговора. Его варварство и жажда крови привели въ ужасъ и негодованіе всѣхъ русскихъ, не смотря на то, что они привыкли къ подобнымъ зрѣлищамъ и къ такимъ палачамъ. Два батальона, каждый изъ тысячи человѣкъ, выступили до разсвѣта за городъ; одинъ изъ батальоновъ долженъ былъ казнить тѣхъ, кто былъ осужденъ на семь тысячь шпицрутеновъ, а другой тѣхъ, которые были осуждены на меньшее число ударовъ.

Оба батальона вытянулись, оставляя посреди себя широкую дорогу. Палачъ Голофѣевъ сталъ у того батальона, который долженъ былъ бить осужденныхъ на семь тысячь ударовъ. Голофѣевъ училъ солдатъ: какъ они должны бить, всей рукой, на отмашь, что однако запрещено воинскимъ уставомъ. Несчастныхъ осужденныхъ вывели, прочитали имъ приговоръ. Кровавая экзекуція началась, раздались крики жестоко избиваемыхъ людей. Сѣроцинскаго, какъ зачинщика, оставили послѣдняго, и онъ долженъ былъ смотрѣть на муки и смерть своихъ товарищей, ожидая своихъ собственныхъ. Ни одинъ изъ осужденныхъ не вынесъ семи тысячъ ударовъ; каждый изъ нихъ, пройдя два или три раза сквозь строй тысячи солдатъ, падалъ на снѣгъ, облитый кровью, и испускалъ духъ въ туже минуту, или спустя нѣсколько минутъ. Когда очередь дошла до Сѣроцинскаго, полковой докторъ подошелъ къ нему и предложилъ ему подкрѣпляющихъ капель; но онъ отказался отъ нихъ и воскликнулъ: „Пейте кровь мою! пейте кровь нашу! Я не хочу вашихъ капель!“ Дали сигналъ; барабаны забили, заигралъ маршъ. Священникъ Сѣроцинскій запѣлъ извѣстный псаломъ: Помилуй мя боже, по великой милости твоей и пр. (Miserere mei Deus, secundum magnam misericordiam tuam.) Генералъ Голофѣевъ закричалъ во весь голосъ: „наказывать покрѣпче! покрѣпче наказывать, покрѣпче!“ Его били такъ страшно, что прошедши одинъ разъ сквозь тысячу ударовъ, онъ упалъ безъ чувствъ на снѣгъ, облитый кровью, его подняли и хотѣли поставить на ноги, но онъ не могъ держаться; тогда его положили на салазки, которые были заранѣе приготовлены и начали возить его сквозь строй, а Голофѣевъ продолжалъ кричать: Покрѣпче! покрѣпче! Сначала, Сѣроцинскій подавалъ еще признаки жизни и издавалъ слабые

стоны, которые вскорѣ стихли. Послѣ четырехъ тысячь ударовъ онъ испустилъ послѣдній вздохъ и отдалъ душу богу; остальные три тысячи ударовъ упали на его окровавленное, безжизненное тѣло, представлявшее безобразную, кровавую массу. Всѣхъ ихъ — поляковъ и русскихъ похоронили въ одной могилѣ и позволили роднымъ и друзьямъ водрузить черный крестъ, который еще въ 1846 г. стоялъ громадный и одинокій надъ снѣжными равнинами и указывалъ могилу мучениковъ.

Одинъ изъ осужденныхъ Шокальскій, за котораго сильно ходатайствовалъ полковой докторъ и который былъ наказанъ сколько возможно легче, пережилъ экзекуцію и былъ сосланъ на Нерчинскіе заводы. Здоровье его съ тѣхъ поръ не могло поправиться, онъ все болѣлъ, нравственное же его состояніе становилось съ каждымъ днемъ все хуже и хуже. Вскорѣ онъ сошелъ съ ума и въ припадкѣ лишилъ себя жизни.

Убійства эти сдѣланы Николаемъ въ то время, когда почти вся Европа курила ему ѳиміамъ лести, и прославляла его кротость и мудрость. Потомство дастъ ему другое имя.

Для меня осталось неразрѣшенной загадкой что побудило названныхъ мною поляковъ стать измѣнниками. Была ли это просто подлость, или надежда на выслугу и награду? Всѣмъ имъ обѣщали дѣйствительно прощеніе и возвратъ на родину, но ни одинъ изъ нихъ не могъ воспользоваться этимъ. Одинъ изъ нихъ утопился еще въ Сибири, другаго убили прежде чѣмъ онъ еще достигъ Польши, а третій — Кнакъ, сдѣланный прапорщикомъ, былъ гонимъ и презираемъ всѣми, какъ тѣнь проклятаго. Въ мое время онъ стоялъ въ Омскѣ.

XX

Приготовленія къ бѣгству. Препятствія. Бѣгство черезъ Тару, Ирбить и Верхотурье до Соликамска.

Въ началѣ весны 1845-го года, сильнѣе чѣмъ прежде овладѣло мною чувство страданія и жажда воли. Я сталъ готовиться къ побѣгу. Въ Сибири за нѣсколько рублей можно было достать себѣ паспортъ на гербовой бумагѣ; но еслибы я не хотѣлъ никому ввѣриться, то могъ очень легко самъ написать его для себя, такъ какъ въ конторѣ была нужная для засвидѣтельствованія всякаго паспорта печать. Главное затрудненіе состояло въ томъ, куда бѣжать и какъ бѣжать? За политическими преступниками тотчасъ во всѣ стороны разсылалась погоня, и сибиряки, не смотря на то, что оставляютъ для бѣглыхъ хлѣбъ и соль на окнахъ и сѣютъ для нихъ рѣпу въ поляхъ, очень часто караулятъ бѣглыхъ и стрѣляютъ по нихъ какъ по дикому звѣрю. Сибиряки говорятъ: что у бѣлки одна шкура, а съ варнака (каторжника) три, т. е. одежда, кошель съ деньгами и самая шкура. Еслибы у меня нашелся товарищъ для побѣга, мнѣ было бы смѣлѣе и легче; но, изучивъ пристально характеръ окружавшихъ меня, я убѣдился что не могу положиться ни на одного изъ каторжниковъ и поселенцевъ. Такимъ образомъ я былъ одинъ и вручилъ судьбу свою божескому промыслу. Дорогъ изъ Сибири до Европы много; я избралъ ту, которая ведетъ въ Архангельскъ, надѣясь найти тамъ иностранный корабль, какъ нибудь пробраться на него, и такимъ образомъ спастись. Я запасся большимъ ножемъ и рѣшился всадить его въ собственное сердце, еслибъ меня нагнали и хотѣли схватить, но просилъ бога не доводить

меня до самоубійства. Живой я не отдался бы въ руки русской власти, чтобы она вдоволь натѣшилась надо мною.

Однажды вечеромъ, въ Маѣ мѣсяцѣ 1845-го года, по окончаніи работы, я одѣлся, какъ одѣваются зажиточные сибирскіе крестьяне (платье уже давно было припасено мною) и отправился на берегъ Иртыша. Ночь была ясная и мѣсяцъ свѣтилъ ярко; я отвязалъ и спустилъ на воду спрятанную въ кустахъ лодку, сѣлъ въ нее, обратился съ горячею къ богу молитвою, отчалилъ отъ берега и пустился по теченію. Зорко смотрѣлъ я во всѣ стороны, опасаясь быть замѣченнымъ карауломъ, стоящимъ подъ Иртышемъ, какъ вдругъ не вдалекѣ отъ себя услышалъ голосъ смотрителя Арамильскаго, который громко смѣялся и шутилъ прогуливаясь съ чиновниками. Чудная лѣтняя ночь вызвала ихъ на прогулку. Мнѣ нельзя было терять ни минуты; я поворотилъ лодку, причалилъ къ берегу, спряталъ ее на прежнее мѣсто и размышлялъ о томъ что дѣлать. Ѣхать на лодкѣ было опасно; ее могли хватиться и послали бы за мною въ этомъ направленіи погоню; кудаже итти? Что дѣлать? Я сидѣлъ на берегу, погруженный въ задумчивость; короткая сибирская ночь миновалась; стало разсвѣтать и, еслибъ меня увидѣли переодѣтымъ, я бы подвергся страшной опасности. Я поспѣшилъ домой съ стѣсненнымъ сердцемъ, но благодаря бога что онъ избавилъ меня отъ опасности и предостерегъ отъ черезвычайно невѣрнаго способа бѣгства. Прошло лѣто, наступила осень и зима, а я все еще не нашелъ вѣрнаго способа бѣжать изъ Сибири. Разговаривая о ней постоянно со всѣми пріѣзжавшими на заводъ, я узналъ что въ началѣ Февраля мѣсяца бываетъ большая ярмарка въ Ирбити, на которую пріѣзжаютъ купцы со всѣхъ сторонъ Россіи и Сибири. Я рѣшился бѣжать во время ярмарки, итти въ Ирбить, а оттуда добраться до Архангельска, гдѣ

дождаться весны и сѣсть на англійскій или шведскій корабль. Боясь повредить Сесицкому, я переѣхалъ изъ его дома къ другому поселенцу и помаленьку заготовилъ всѣ, что мнѣ нужно было для дороги. Во первыхъ я позаботился о парикѣ, который былъ сдѣланъ въ Сибири, изъ простой козьей шерсти. Бороду я уже давно отпустилъ себѣ, и думалъ, что могъ одѣться такъ, что меня трудно будетъ узнать, по разсылаемымъ вездѣ о бѣжавшемъ примѣтамъ. Я далъ себѣ слово никому не довѣряться, не просить ни у кого ни помощи, ни совѣтовъ до тѣхъ самыхъ поръ, пока не ступлю на свободную землю. У меня была еще свѣжа въ памяти судьба моихъ бѣдныхъ соотечественниковъ, взятыхъ въ Каменцѣ Подольскомъ. Однажды вечеромъ я надѣлъ на себя три рубашки одну на другую, изъ которыхъ верхняя была цвѣтная, потомъ короткое полукафтанье, сверху длинный армякъ, а сверху всего хорошій дубленый тулупъ. На ноги надѣлъ я двѣ пары теплыхъ носковъ и хорошіе теплые сапоги; на голову парикъ, который повязалъ платкомъ подъ подбородокъ, какъ будто у меня болѣли зубы, а на голову красную, круглую сибирскую шапку, отороченную мѣхомъ, такую, какія носятъ богатые крестьяне сибиряки, писари и купеческіе прикащики. Въ голубой мѣшокъ, доѣхавшій со мною изъ Франціи до Сибири, я положилъ пару новыхъ сапоговъ, рубашку исподнее платье, хлѣба и сушеной рыбы. За кушакъ заткнулъ ножъ, чтобы онъ всегда былъ подъ рукою, и, засунувъ за пазуху сто девяносто рублей ассигнаціями, въ пяти и десяти рублевыхъ бумажкахъ, поручилъ себя богу. Я зналъ какой подвергаюсь опасности; зналъ что не всегда человѣкъ можетъ и убить себя, что его можно взять ночью, во время сна, въ ту минуту наконецъ когда онъ этого не ожидаетъ, или тогда когда онъ физически измученъ, вы-

бился изъ силъ и не имѣетъ ихъ даже для того, чтобы убить себя.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ, морозъ въ Сибири на тупору былъ очень силенъ, да и зима была снѣжная. Въ ту ночь, когда я пустился въ дорогу, стояла холодная, морозная ночь, мѣсяцъ свѣтилъ ярко и снѣгъ такъ и хрустѣлъ подъ моими ногами. Я перешелъ Иртышъ по льду и скорымъ шагомъ, хотя былъ одѣтъ очень грузно, пошелъ по дорогѣ къ Тарѣ. Зимнія ночи въ Сибири очень длинны; куда зайти отдохнуть? И что дѣлать потомъ? Погоня будетъ непремѣнно. Богъ поможетъ! думалъ я и шелъ впередъ, желая какъ можно скорѣе дойти до Тары, которая отстояла за 12 верстъ отъ Екатериненскаго завода. Очень недалеко отошелъ я отъ завода, какъ услышалъ ѣхавшіе за собою сани; ямщикъ было миновалъ меня и потомъ вдругъ остановился.

— Куда идешь? спросилъ онъ у меня.

— Въ Тару.

— А ты откуда?

— Изъ Заливиной. (Заливина была деревня недалеко отъ завода.)

— Заплати 60 копѣекъ, я дамъ крюку и подвезу тебя до Тары, хотя мнѣ туда и не дорога.

— Дорого просишь. Хочешь 50 копѣекъ?

— Хорошо, садись.

Я сѣлъ и мы поѣхали; лошади были рѣзвыя, крестьянинъ спѣшилъ домой, дорога была гладка, и мы летѣли впередъ какъ птица, такъ что черезъ полчаса были уже въ Тарѣ. Молодой малый оставилъ меня на первой улицѣ; я пошелъ по ней, благодаря бога за неожиданную помощь и постучался у перваго богатаго постоялаго двора.

— Есть лошади? спросилъ я.

— Куда?

— На ярмарку, въ Ирбить.

— Есть.

Я сторговался, мнѣ запрягли сани и я отправился далѣе; ямщикъ мой, которому я обѣщалъ на водку, гналъ не жалѣя здоровыхъ лошадей; но къ несчатію поднялась мятель и мы заплутались. Оставалось одно средство провести ночь среди лѣса и ждать разсвѣта. Я лежалъ всю ночь въ саняхъ, въ состояніи души, о которомъ мнѣ трудно дать понятіе; мысль, что за ночь я могъбы уѣхать далеко, а теперь былъ всего за 20 какія нибудь верстъ отъ завода и не могъ продолжать пути, приводила меня въ содроганіе. Съ разсвѣтомъ, ямщикъ мой отыскалъ дорогу и мы благополучно пріѣхали на станцію. Признаюсь, что когда мой ямщикъ объявилъ что потерялъ дорогу, мнѣ пришла въ голову судьба Петра Высоцкаго и его товарищей, преданныхъ въ руки русскаго правительства невѣрнымъ проводникомъ. Къ счастью, такая участь миновала меня, но за то со мною вскорѣ приключилось другое очень важное приключеніе, которое могло погубить меня въ будущемъ. Поздно ночью пріѣхалъ я въ деревню, называемую Солдатской, и вошелъ въ кабакъ чтобы размѣнять деньги. Я отдалъ 10 рублей цѣловальнику, а 40 держалъ въ рукахъ. Нарочно или случайно незнаю, но толпа прихлынула и чья то рука вырвала изъ моихъ рукъ деньги, паспортъ, и карту Сибири, на которой очень старательно я обозначилъ всѣ села, мѣстечки и главные пункты, черезъ которые долженъ былъ проходить. Напрасно я кричалъ, грозилъ полиціей, которой впрочемъ не могъ жаловаться. Воръ мой не отыскался и такимъ образомъ, я лишился значительной части капитала и лучшаго изъ моихъ паспортовъ, ибо, по счастію, я запасся двумя на всякій случай. Къ

сожалѣнію, оставшійся у меня видъ былъ простой, плакатный билетъ, написанный на обыкновенной бумагѣ, но съ заводскою печатью. Когда я добрался до ярмарки, то сдѣлался спокойнѣе, ибо величайшая опасность уже миновала. Предполагая, что начальство Екатериненскаго завода успѣло уже всюду разослать мои примѣты, при многолюдномъ стеченіи людей на ярмаркѣ, измѣнившуюся отъ парика и одежды физіономію трудно, почти невозможно было узнать, стало быть и поймать меня.

Въ Ирбити я выдалъ себя за купеческаго прикащика и казался настоящимъ сибирякомъ и по одеждѣ и по пріемамъ. По счастью никого изъ знакомыхъ я не встрѣтилъ на постояломъ дворѣ и залегъ спать вмѣстѣ съ другими. На другой день я расплатился съ хозяевами и, купивши хлѣба и соли, пошелъ по дорогѣ въ Верхотурье. Я шелъ бодро и смѣло впередъ и если мнѣ случалось проходить черезъ деревню, которой обойти было невозможно, я не разспрашивалъ ни о дорогѣ, ни о чемъ другомъ и дѣлалъ видъ: какъ будто бы я самъ изъ окрестностей и хорошо знаю дорогу. Ни для отдыха, ни для ночлега я въ деревняхъ не останавливался; когда мнѣ хотѣлось ѣсть, я вынималъ изъ мѣшка кусокъ замерзшаго хлѣба и, продолжая итти, или въ сторонкѣ отъ дороги, съѣдалъ его, усѣвшись подъ деревомъ; если по близости находилась рѣка или ручей я пилъ у водопоя, гдѣ поятъ лошадей; если же и ручья не было, бралъ комокъ снѣга и имъ утолялъ жажду. Мнѣ было тяжело итти, а собенно въ тяжелой одеждѣ, такъ что я долженъ былъ снять верхній кафтанъ и несть его за плечами. Когда приходила ночь, я направлялся въ ближній лѣсъ, выкапывалъ себѣ яму въ снѣгу, какъ это дѣлаютъ Остяки и ложился въ нее. Въ первый день моего пѣшаго путешествія я вовсе не спалъ, такъ былъ я безпокоенъ,

возбужденъ и, сознавая вполнѣ опасность, въ которой находился, спѣшилъ впередъ изо всѣхъ силъ. Хотя подъ снѣгомъ лежать теплѣе, чѣмъ на его поверхности, но человѣку, не освоившемуся съ этимъ способомъ ночлега, трудно переносить холодъ, особенно въ ногахъ. Кромѣ того тулупъ отъ снѣга и теплоты тѣла обмерзалъ на мнѣ, такъ что я принужденъ былъ выворачивать его шерстью въ верхъ, что оказалось гораздо удобнѣе и теплѣе.

Однажды, увидѣвъ домикъ, стоявшій одиноко въ сторонѣ отъ дороги, я подошелъ къ нему и просилъ позволенія преночевать у стоявшей передъ нимъ молодой женщины. Она согласилась и я вошелъ въ избу; молодая жила со старушкой матерью и обѣ угостили меня ужиномъ. Нельзя вообразить себѣ съ какимъ удовольствіемъ я съѣлъ тарелку теплой похлебки, снялъ тулупъ и сѣлъ на лавку. Хозяйка разспрашивала меня: откуда я и куда иду? Я отвѣчалъ, что я родомъ изъ Тобольской губерніи и иду на заработки въ Боготольскіе заводы.

Я раздѣлся, снялъ сапоги, и вытянувшись на лавкѣ легъ спать; уже начинало клонить меня ко сну, когда я услышалъ, что хозяйка моя шепталась съ дочерью. Я притворился, что сплю, но навострилъ уши — мнѣ было не до сна! Черезъ полчаса вошли въ избу три молодыхъ парня и одинъ изъ нихъ спросилъ громко: гдѣ онъ? Молодая хозяйка показала на меня. Всѣ трое подошли ко мнѣ. Я не шевелился. Онъ спитъ, сказали они и потомъ во весь голосъ прибавили: „Эй! ты! кто ты такой?“ Я молчалъ. „Откуда ты?“ Я опять не отвѣчалъ. Онъ спитъ какъ камень, сказалъ одинъ изъ нихъ и принялся будить меня. Когда я сдѣлалъ видъ будто проснулся, у меня потребовали паспортъ. Не вставая съ мѣста, я спросилъ по какому праву они требуютъ паспортъ и который изъ нихъ голова

или староста? Они отвѣчали что между ними нѣтъ старосты. Если такъ, сказалъ я, то почему я знаю, что вы не хотите отнять мой паспортъ, когда среди ночи нападаете на спящаго и требуете его. Потомъ, обратившись къ хозяйкамъ я спросилъ у нихъ, точно ли эти люди ихъ знакомые. Они отвѣчали утвердительно. Тогда я сказалъ, что я Лаврентій Кузминъ изъ Тобольской губерніи, иду на заработки въ Боготольскіе заводы, что моя артель ушла впередъ и будетъ дожидаться меня въ Верхотурьѣ. Потомъ показалъ имъ паспортъ. Это былъ паспортъ на простой бумагѣ, но съ казенной печатью и подписью начальника завода, т. е. моей собственной подписью, которую я на сколько могъ измѣнилъ и поддѣлалъ. Я сейчасъ увидѣлъ, что мои допрощики читать не умѣли, ибо всѣ трое уставились на печать и успокоившись начали со мною разговаривать по пріятельски, разспрашивая о Ирбитской ярмаркѣ. Такъ какъ я былъ хорошо знакомъ съ ярмарками по разсказамъ, то легко удовлетворилъ ихъ любопытству и они, пожелавъ мнѣ доброй ночи, ушли. Они, конечно, убѣдились, что я не бѣглый и не разбойникъ, а я убѣдился что на будущее время мнѣ нельзя искать ночлеговъ по деревнямъ, не подвергая себя страшной опасности. Я пустился далѣе и дорога пошла лѣсами, гдѣ мнѣ было ночевать гораздо удобнѣе чѣмъ въ полѣ. Между стволомъ дерева и снѣгомъ оставалось всегда пустое мѣсто, не занесенное имъ; я пробовалъ его палкой, влѣзалъ туда и, прислонившись къ дереву, находился будто въ пещерѣ. Часто, не будучи въ состояніи лечь, я садился, упирался плечами о дерево и засыпалъ сидя. Иногда въ сильные морозы, холодъ одолѣвалъ меня; тогда боясь замерзнуть я вставалъ и шелъ куда нибудь, наудачу, чтобы только разогрѣться. Случалось, что во время ночлега выпадало такъ много снѣ-

гу, что меня засыпало совершенно; мнѣ было конечно теплѣе, но выбраться изъ подъ такого сугроба представляло не мало трудности. Не одинъ разъ отъ холода и голода я подвергался неминуемой смерти и хорошо сознавалъ это; всякій разъ, какъ меня клонилъ сонъ, который долженъ былъ быть послѣднимъ, я пересиливалъ себя, вставалъ и шелъ впередъ. Но, не смотря на всѣ мои усилія, спасеніе казалось весьма сомнительнымъ, еслибы само провидѣніе не хранило меня!

Присоединившись къ толпѣ ямщиковъ, я счастливо вошелъ въ Верхотурье, но не остался тамъ и продолжалъ путь свой. Отошедши довольно далеко отъ города, я встрѣтился съ первыми русскими, которыхъ тотчасъ призналъ за русскихъ по ихъ одеждѣ. Я спросилъ откуда и куда идутъ они, и узналъ что они изъ Архангельской губерніи и шли въ Сибирь на заработки. Они разсказали мнѣ многое о предстоящей дорогѣ, съ самыми большими подробностями и мелочами, которыя очень пригодились мнѣ впослѣдствіи. Меня порадовало что они, какъ и я, шли пѣшкомъ въ такую страшную даль.

Я шелъ и днемъ и ночью, почти безъ отдыха и совершенно выбивался изъ силъ; одна надежда на бога и добрый духъ поддерживали меня. Ночи стояли морозныя; тѣло мое одеревенѣло, заскорузло и было покрыто нечистотою. Мнѣ было необходимо переночевать въ теплѣ и обчиститься. Я пришелъ въ какую то деревушку, гдѣ все было тихо, только одинъ снѣгъ скрипѣлъ подъ моими ногами. Я прошелъ мимо первую, вторую и третью избу, не смѣя постучаться и просить позволенія переночевать. Къ счастію, проходя мимо слѣдующей избы, я услышалъ голосъ: кто идетъ? Я отвѣчалъ: Дорожный! Коли хочешь ночуй у меня, сказалъ хозяинъ. Я вошелъ въ теплую

и чистую комнату; хозяинъ и хозяйка были люди пожилые, очень добрые и хорошіе. Они потчивали меня ужиномъ и по моей просьбѣ съѣсть чего нибудь горячаго, накормили меня отличнымъ горячимъ борщемъ, печеной рѣпой, чрезвычайно сладкой и вкусной. Наѣлся я до сыта; на ночь я могъ наконецъ раздѣться; но не смѣлъ снять козьяго парика. Съ самой Ирбити я въ третій только разъ ѣлъ горячее и въ другой разъ ночевалъ въ избѣ. Хозяинъ сказалъ мнѣ, что дорога до Соликамска черезъ Уральскіе горы не безопасна, что впрочемъ близь Павдинскихъ заводовъ поставленъ караулъ, который разсматриваетъ паспорты и у него можно подробно разспросить о дорогѣ. Это указаніе было для меня очень спасительно, ибо я узналъ, гдѣ именно стоитъ караулъ. Я заснулъ въ первый разъ спокойно и сладко, и когда на другой день, наѣвшись опять теплой похлебки, я хотѣлъ расплатиться, добрые, хотя и бѣдные люди, не хотѣли взять отъ меня ни гроша, и сказали: „Твой путь далекій, деньги пригодятся; я самъ, примолвилъ хозяинъ, ходилъ далеко и безъ денегъ попалъ было въ бѣду; одинъ богъ спасъ меня!“ Я сердечно благодарилъ добрыхъ людей, ихъ дочь красавицу, какихъ я потомъ никогда не видалъ, и пустился далѣе. Помню я одну холодную, морозную но тихую ночь, посреди дремучаго лѣса; мѣсяцъ взошелъ и освѣтилъ эту дикую, суровую, но величественную природу; я сѣлъ и задумался. Никогда не забуду этихъ минутъ. Я думалъ о томъ, что люди меня преслѣдуютъ, что они загнали меня въ эти дремучіе лѣса, въ эти снѣжныя пустыни, что я одинъ скитаюсь по нимъ и мнѣ вдругъ стало страшно; потомъ мысли мои обратились къ моему отечеству: надежда на его будущее счастіе и освобожденіе не оставляла меня. Какъ въ ту минуту далекъ былъ я отъ мысли, что, достигнувъ Франціи,

услышу о новыхъ бѣдствіяхъ Польши, о новыхъ жертвахъ. Не знаю сколько просидѣлъ я, погруженный въ глубокую думу; сильный морозъ, пронимавшій меня до костей, заставилъ меня подняться и итти далѣе. Я возвелъ глаза свои къ небу, вознесъ душу мою къ богу и пошелъ дальше, убѣжденный что господь богъ спасетъ и сохранитъ меня. Дорога шла между двухъ снѣжныхъ стѣнъ вышиною въ человѣческій ростъ. Послѣ длиннаго и тяжелаго пути я очутился на самомъ хребтѣ Уральскихъ горъ, которыхъ достигъ благополучно, и находился на границѣ Сибири и Россіи. Я остановился, обвелъ глазами около себя и горячо поблагодарилъ бога. Волненіе и благодарность моя къ нему были такъ велики, что слезы оросили лице мое.

Однажды я услышалъ за собою колокольчики и тотчасъ бросился въ лѣсъ; я всегда такъ дѣлалъ чтобы не встрѣтиться съ исправникомъ, или кѣмъ другимъ, кто бы могъ спросить у меня паспортъ. На этотъ разъ это былъ обозъ, ѣхавшій черезъ Соликамскъ въ Чердынь. Я присоединился къ нему и имѣлъ случай узнать какіе переносятъ труды, какія препятствія преодолѣваютъ русскіе ямщики и крестьяне. Въ встрѣтившемся мнѣ обозѣ находилось 30 подводъ и только семь извощиковъ. Когда дорога была хороша, они ѣхали спокойно; но когда по узкой торной дорогѣ попадались встрѣчные, начиналась тяжелая работа. Надо было сворачивать; лошади вязли по уши въ глубокомъ снѣгу, подводы, громоздко нагруженныя кладью, валились на бокъ; нужно было подымать кладь, вытаскивать лошадей изъ глубокаго снѣга. На равнинахъ грозила другая бѣда. Слѣдъ торной дороги можно было легко потерять и заплутаться, что случалось не рѣдко, особенно въ дурную погоду. Въ Уральскихъ горахъ дорога такъ трудна, что ямщики не дѣлали и 20 верстъ въ день. Русскіе

ямщики люди желѣзнаго здоровья; нельзя себѣ представить какіе труды и лишенія выносятъ они. Приставши къ ямщикамъ, я помогалъ имъ, старался изо всѣхъ силъ и раздѣлялъ всѣ ихъ труды. Они были мнѣ очень часто благодарны, во все время пути разговаривали со мною откровенно, и я узналъ много такаго, что было необходимо знать въ моемъ положеніи. Вмѣстѣ съ обозомъ ночевалъ я въ деревняхъ и благополучно дошелъ до Соликамска.

XIXI

Путешествіе отъ Соликамска черезъ Чердынь, Кай, Великій Устюгъ, и потомъ по Двинѣ, въ Архангельскъ.

Въ Соликамскѣ встрѣтилъ я богомольцевъ, идущихъ въ Соловецкій монастырь; всѣ они были люди простые, изъ народа, вѣрующіе, честные и добрые. Я разумѣется тотчасъ присталъ къ нимъ, но долженъ былъ ихъ оставить, ибо они хотѣли отдохнуть отъ дороги, а мнѣ отдыхать было нельзя, слѣдовало спѣшить и возможно скорѣе отдалиться отъ границъ Сибири. Я пошелъ далѣе и въ одну ужасную ночь, въ страшную мятелицу, сбился съ дороги. Кто не видалъ мятелей, тотъ не можетъ имѣть о нихъ и понятія — зги божьей не видать не только дороги! Черезъ нѣсколько дней дошелъ я до Чердыня, но обошелъ городъ чтобы не напасть на караулъ и продолжалъ путь свой. Я ночевалъ въ избахъ одиноко стоявшихъ по дорогѣ, — деревень было очень мало по берегамъ Камы; какъ богомольца, меня вездѣ принимали гостепріимно; иногда спрашивали паспортъ, который я показывалъ. Увидя на немъ казенную печать, хозяева оставались совершенно довольно-

ны и я самъ становился покойнѣе по мѣрѣ того, какъ отдалялся отъ Сибири.

Однажды я заплутался въ лѣсу, но шелъ впередъ надѣясь, что набреду на избушку или торную дорогу. Цѣлый день я шелъ впередъ и ни избушки, ни деревни, ни дороги (большой и торной) не нашелъ. Переночевавъ по обыкновенію подъ снѣгомъ у дерева, я пошелъ на другой день дальше. Тропинокъ въ лѣсу было много, но по которой итти я не зналъ и ни одна изъ нихъ не привела меня къ избушкѣ. Долго плуталъ я; силы мои стали ослабѣвать, хлѣба уже у меня не было. На другой день я опять плуталъ и меня началъ одолѣвать голодъ; къ вечеру выяснѣло и сдѣлался страшный морозъ; но я не могъ заснуть отъ голода и боли во всемъ тѣлѣ. Наступилъ прекрасный, ясный день, но я сидѣлъ и глядѣлъ уже блуждающимъ взоромъ, не могъ подняться съ мѣста и итти далѣе; усталыя, болѣвшія ноги не могли уже служить мнѣ. Я оглянулся — вокругъ меня подымался безконечный пустынный лѣсъ. Опираясь на палку, изнемогая отъ холоду, голоду и усталости, я собралъ всѣ силы, всталъ и потихоньку побрелъ далѣе, но вскорѣ мнѣ сдѣлалось дурно и я упалъ безъ чувствъ. Когда я опомнился, съ трудомъ приподнялся и сѣлъ прислонясь къ дереву, сонъ похожій на бредъ, съ съ страшнымъ шумомъ въ головѣ и звономъ въ ушахъ, одолѣлъ меня; я одеревенѣлъ, не смотря на то, что чувствовалъ сильную боль внутри. Сколько пробылъ я въ такомъ положеніи, не знаю. Я проснулся отъ чьего то голоса и открылъ глаза. Какой то человѣкъ стоялъ надо мною и спросилъ у меня: что я тутъ дѣлаю? Заплутался, отвѣчалъ я. „Да ты откуда?“ Изъ Чердыня и иду въ Соловецкій монастырь на богомолье, сбился съ дороги и вотъ уже нѣсколько дней, какъ не пилъ и не ѣлъ. „Заплутаться

не трудно, мы и здѣшніе а плутаемъ въ частую; даже совсѣмъ люди пропадаютъ въ этомъ лѣсу; не надо было тебѣ итти въ мятель, а лучше бы переждать. Выпей ка водки; ты отощалъ, это подкрѣпитъ тебя.“ Онъ подалъ мнѣ деревянную фляжку; я выпилъ нѣсколько глотковъ водки, которая тотчасъ же оживила меня, но нестерпимо палила мнѣ всю внутренность. „Благодарю сердечно, сказалъ я ему, богъ заплатитъ тебѣ — ты спасъ меня отъ смерти!“ Ну, полно, полно! Развѣ я не христіанинъ? Вставай, я провожу тебя. Я поднялся съ усиліемъ; голова моя кружилась, ноги дрожали, но я напрягъ всѣ силы свои и шелъ за нимъ. Это былъ промышленникъ, возвращавшійся съ охоты и случайно увидѣвшій меня. Онъ вывелъ меня на дорогу и со словами: съ богомъ! исчезъ въ лѣсу. Вскорѣ я увидѣлъ избушку и вошелъ въ нее. Едва только сѣлъ я на лавку, какъ у меня потемнѣло въ глазахъ и мнѣ опять сдѣлалось дурно. Черезъ нѣсколько минутъ, я пришелъ въ себя и спросилъ чего нибудь теплаго. Мнѣ дали щей и хлѣба, но я не могъ ѣсть и раздѣвшись легъ около печки на лавку. Въ избѣ было тепло; я заснулъ мертвымъ сномъ и съ полудня проспалъ до полудня другаго дня; вѣроятно я проспалъ бы и долѣе, еслибы меня не разбудили. Ну! слава богу, ты живъ — а мы думали ты померъ“ сказалъ мнѣ добрый хозяинъ. Я былъ весь въ поту, словно окунулся въ воду, и почувствовалъ сильную боль въ пальцахъ ногъ, рукъ и въ ушахъ; не смотря на всѣ мои предосторожности, оказалось что они были отморожены. Я былъ чрезвычайно слабъ, мнѣ поминутно дѣлалось дурно, и я едва могъ привстать. Мнѣ подали теплой рыбьей похлебки; я наѣлся до сыта, но не могъ продолжать пути и долженъ былъ остаться на ночь. Я спалъ крѣпко, хотя клопы совсѣмъ заѣли меня. Избушки эти похожи всѣ одна на дру-

гую; онѣ тѣсны, бѣдны, душны, грязны и полны всякихъ насѣкомыхъ, но не смотря на то въ этихъ пустынныхъ и лѣсныхъ мѣстностяхъ, онѣ суть единственные, постоялые дома для прохожихъ и проѣзжихъ. Къ вечеру другаго дня, за ничтожную цѣну, ворочавшійся въ Кай крестьянинъ взялся довести меня на своей подводѣ. Тамъ я присталъ къ партіи богомольцевъ, шедшей въ Соловецкъ, но вскорѣ долженъ былъ остаться опять, ибо болѣвшіе на ногахъ пальцы мѣшали мнѣ итти. Къ довершенію всѣхъ моихъ страданій, на меня сильно напали вши, особенно измучилъ меня парикъ, который кишѣлъ ими. — Не будучи въ состояніи выносить этой муки, я постоянно снималъ его и на конецъ потерялъ гдѣ то. — Можно вообразить себѣ мое горе; лысина моя не могла уже быть скрыта, но я утѣшалъ себя тѣмъ, что я далеко отъ Сибири и что примѣты мои не дошли оттуда въ эти дикіе края. Я не буду утомлять читателя подробнымъ описаніемъ моего странствованія; я ночевалъ какъ приходилось, то середи лѣса, то въ грязной лачужкѣ; надежда на свободу поддерживала меня. Часто я голодалъ, выбивался изъ силъ; помню что въ одной деревенькѣ меня ни въ одну избу не пустили на ночь и я долженъ былъ ночевать въ ближайшемъ лѣсѣ. Одинъ разъ бѣжавшій въ лѣсу человѣкъ, встрѣтивъ меня, закричалъ: „не ходи дальше, тамъ разбойники! Они гнались за мною и тебя зарѣжутъ!“ Лице его было блѣдно, онъ былъ перепуганъ и я ясно видѣлъ, что онъ говоритъ правду. Я спросилъ сколько ихъ? „Двое!“ Ну, и насъ двое, пойдемъ вмѣстѣ, сказалъ я. Но онъ былъ страшно испуганъ, не хотѣлъ слушать словъ моихъ и побѣжалъ къ избушкѣ. Я, подумавъ немного, сломилъ въ лѣсу добрую дубину и пошелъ впередъ, но разбойниковъ не встрѣтилъ. Вечеромъ я ночевалъ въ избушкѣ и расказалъ все это хозяину: онъ отвѣчалъ мнѣ, что

въ лѣсахъ много разбойниковъ и что большая часть изъ нихъ бѣглые рекруты.

Однажды, когда я легъ отдыхать и заснулъ въ избушкѣ, пріѣхалъ и вошелъ въ нее какой то маіоръ съ чиновникомъ; я проснулся и всякій легко можетъ вообразить себѣ мое положеніе. Я притворился спящимъ, ощупалъ свой ножъ и твердо рѣшился недаватся живымъ ни въ чьи руки; въ крайности я бы искалъ своего спасенія въ смерти. Къ моему счастію, они закурили только трубки и тотчась уѣхали. Случилось мнѣ зайти въ избушку, стоявшую поодаль отъ дороги; тамъ засталъ я 70-ти лѣтняго старика съ 18-ти лѣтней красивой дѣвушкой, укачивавшей ребенка. Я попросилъ хлѣба и принялся ѣсть его, запивая квасомъ. Старикъ послѣ сытнаго обѣда, равнодушно смотрѣлъ на мою трапезу; но дѣвушка глядѣла на меня съ участіемъ, на глазахъ ея навернулись слезы и, лишь только старикъ вышелъ за дверь, какъ она прыгнула на лавку, достала съ полки два пирога и, безъ моего позволенія, засунула мнѣ ихъ за кафтанъ и сѣла на лавку, какъ будто ничего не сдѣлала. Я былъ такъ смущенъ ея поступкомъ, что и не зналъ что дѣлать. Вѣдь она по тихоньку дала мнѣ чужое. Однако я былъ ей искренно, сердечно благодаренъ и, выходя изъ дома, поглядѣлъ на нее взоромъ, исполненнымъ чувства признательности за ея доброту и состраданіе.

Въ Великомъ Устюгѣ въ первый разъ отъ самой Сибири увидѣлъ я солдатъ; нельзя сказать, чтобы это была пріятная встрѣча, но я, полагаясь на милосердіе божіе, пошелъ по главной улицѣ и благополучно дошелъ до площади. Тамъ былъ базаръ. Я остановился у одной мучной лавки, желая разспросить гдѣ могу ночевать. Итти дальше было невозможно. Начались оттепель и распутье и на-

до было переждать пока пройдетъ Двина и уже на баркахъ доѣхать до Архангельска. Молодой мущина, одѣтый какъ мѣщанинъ, съ мѣшкомъ муки на спинѣ, проходя мимо спросилъ у меня: „Ты не богомолецъ ли?“ На мой утвердительный отвѣтъ, онъ сказалъ мнѣ, чтобы я шелъ за нимъ. Оказалось, что онъ самъ былъ богомолецъ, купилъ муки для хлѣбовъ, которые партія богомолцевъ, шедшая вмѣстѣ, пекла для себя и кормилась въ складчину. Я разумѣется охотно присталъ къ богомольцамъ и вошелъ въ ихъ складчину; никто не спросилъ у меня о паспортѣ. Всякое утро ходилъ я съ богомольцами къ заутренѣ и обѣднѣ, обошелъ всѣ церкви, но особенно любилъ посѣщать церковь св. Михаила. Священникъ той церкви, бывшій профессоромъ въ Петербургѣ или Москвѣ, хорошо не знаю, былъ человѣкъ богобоязливый и глубоко вѣрующій. Чувства его выражались на его лицѣ, кромѣ того онъ обладалъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ. Когда онъ выходилъ изъ алтаря и говорилъ: „Господи Іисусе Христе, сыне божій, помилуй насъ грѣшныхъ!“ его нельзя было слышать хладнокровно: такъ много задушевнаго чувства, вѣры и жару слышалось въ его голосѣ и выражалось на его лицѣ. Я хоть и католикъ, искренно молился въ этой русской церкви.

Каждый день, какъ только прошла Двина, богомольцы ходили на берегъ и съ нетерпѣніемъ ожидали прибытія барокъ. Черезъ три недѣли ожиданія, около 6 Мая, онѣ наконецъ появились. Велика была радость богомольцевъ, но моя радость была неописанна. Прикащики барокъ принимаютъ на нихъ богомольцевъ даромъ, на ихъ собственныхъ, разумѣется, харчахъ, и нанимаютъ тѣхъ, которые берутся грести до Архангельска. Я вышелъ изъ Ирбити съ 75 рублями ассигнаціями и жилъ на нихъ три мѣсяца, то есть Февраль, Мартъ и Апрѣль, — начинался Май и,

не смотря на всю мою экономію, у меня оставалось только 50 рублей ассигнаціями. Я нанялся за 15 рублей ассигнаціями гресть веслами, или служить у руля, до Архангельска и отдалъ прикащику, по его требованію, мой паспортъ. Я хорошо помню, что 10-го Мая 1846 года я съ радостію простился съ Устюгомъ; сотворивъ общую молитву, мы отчалили и пустились по Двинѣ къ Архангельску. Мы плыли около двухъ недѣль; подъѣзжая къ Архангельску, ночи все становились короче и яснѣе, такъ что ночью можно было читать книгу, будто среди бѣлаго дня. Когда передъ нами заблистали маковки церквей Архангельска, барочники бросили въ воду котлы, въ которыхъ варили щи, и сломали оконечности веселъ. Это былъ народный обычай, который исполнили также всѣ барки, слѣдовавшія за нашей. Барка, въ которой я находился, пристала прежде всѣхъ къ берегу; прикащикъ отдалъ мнѣ паспортъ и мои 15 руб. ассигн., заработанные кровавымъ трудомъ. Передо мною разстилалось Бѣлое море, развѣвались чужеземные флаги на корабляхъ. — Я былъ въ Архангельскѣ, къ которому такъ часто, какъ къ мѣсту моего спасенія и избавленія, уносилась мысль моя, когда я шелъ снѣжными пустынями Сибири, или, изнемогая отъ усталости ложился спать подъ снѣгомъ, какъ дикій Остякъ. Вотъ они, эти корабли, эти разноцвѣтные флаги; мои глаза залюбовались ими — но я не хотѣлъ какой нибудь преждевременной и опрометчивой попыткой подвергнуть себя опасности и отправился съ другими богомольцами въ Соловецкій дворецъ, большое подворье, выстроенное Соловецкими монахами въ Архангельскѣ, для призрѣнія богомольцевъ. Дворникъ взялся прибрать мой мѣшокъ, не спросилъ о паспортѣ и я поспѣшилъ на набережную, чтобы выглядѣть и узнать какимъ способомъ

можно пробраться на корабль. Не смотря на то, что навигація только что открылась, въ гавани стояло уже кораблей 20, но между ихъ флагами я, къ сожалѣнію, не видалъ нигдѣ трехцвѣтнаго французскаго флага. Корабли большею частію были англійскіе, нѣсколько голландскихъ и шведскихъ. И днемъ и ночью, на палубѣ каждаго изъ нихъ прохаживался русскій солдатъ, а на набережной, въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи, стояли полицейскіе, такъ что составляли цѣпь, черезъ которую невозможно было пройти безъ законнаго вида. Не было никакой возможности при этихъ зоркихъ надсмотрщикахъ сдѣлать знакъ иностранному матросу и поговорить съ нимъ безъ свидѣтелей. Толпа была большая и что бы подумали прохожіе, увидя русскаго мужика, говорящаго по нѣмецки или по французски. Незначило ли это самому стремиться къ погибели и неминуемо заставить схватить себя. Печально бродилъ я по набережной, высматривая и выглядывая, но, къ несчастію, благопріятнаго случая не представилось и мнѣ пришлось воротиться въ Соловецкій дворецъ. Съ верху до низу, съ крыльца и до крыши, онъ былъ полонъ богомольцами и я съ великимъ трудомъ отыскалъ себѣ уголокъ, гдѣ могъ прилечь. Мы были натисканы, какъ сельди въ боченкѣ, и спали въ повалку, рядомъ, и мущины и женщины, и старые и молодые. Когда я пришелъ многіе уже спали, другіе разговаривали; я легъ и задумался о затрудненіяхъ, какія предстояли мнѣ, но рѣшился употребить всѣ средства, чтобы добиться возможности поговорить съ матросами или капитаномъ корабля. Подлѣ меня лежала женщина, которая не давала мнѣ покоя; она металась во снѣ во всѣ стороны, да и было отъ чего; вши совсѣмъ осыпали насъ. Конечно, читать объ этомъ крайне непріятно, но еще непріятнѣе испытать это

мученіе. Рано утромъ отправился я опять на набережную и, выкупавшись и вымывшись въ очень холодной морской водѣ, пошелъ далѣе освѣженный и здоровый. Увидѣвъ матросовъ, поодаль отъ всѣхъ, я быстро подошелъ къ нимъ и спросилъ по французски! откуда вы? Они ничего мнѣ не отвѣчали, только засмѣялись. Я повторилъ вопросъ по нѣмецки и прибавилъ: гдѣ вашъ капитанъ? Они покачали головами, посмѣялись и продолжали свое дѣло. Тутъ подошли русскіе и я долженъ былъ уйти какъ можно скорѣе, во избѣжаніе какой нибудь бѣды.

Увѣренность, что мнѣ невозможно попасть на корабль и спастись на немъ, поразила меня глубокою печалью; сердце мое обливалось кровью. Мысль, что мнѣ придется опять итти пѣшкомъ по Россіи, плутать по лѣсамъ и пустынямъ, бѣгать отъ людей и постоянно бояться ихъ, была мнѣ невыносима. Многіе корабли, нагрузившись, готовы уже были выйти изъ порта; сердце мое страшно билось и рвалось за ними. Я съ трудомъ удерживался чтобы не закричать: спасите, спасите меня! Я воротился въ Соловецкій дворецъ, глубоко огорченный. Еслибы у меня было другое платье, я бы рѣшился быть можетъ пойти въ трактиръ, гдѣ собирались капитаны кораблей, и попытать счастія; но, одѣтый крестьяниномъ и богомольцемъ, я не могъ переступить порога, не подавъ подозрѣнія. Эта послѣдняя ночь была ужасна. Мысль достичь Архангельска поддерживала меня во все время моего странствованія, и вотъ я достигъ его для того, чтобы убѣдиться, что мои надежды были напрасны, и что мнѣ надо бѣжать изъ этого города, который казался мнѣ городомъ моего избавленія!

XXII

Дальнѣйшее путешествіе черезъ Онегу, Вытегру, и Новую Ладогу. Петербургъ. Отъѣздъ въ Ригу.

Я пошелъ въ Онегу; это былъ единственный доступный мнѣ путь; было очень естественно, что богомолецъ, побывавъ въ Соловецкомъ монастырѣ, отправляется черезъ Олонецкъ въ Кіевъ, для поклоненія св мощамъ. Послѣ моей неудачи въ Архангельскѣ, я уже не строилъ новыхъ плановъ и шелъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней, имѣя съ одной стороны море, а съ другой пески, пригорки и кустарники. Войдя, какъ то, въ одну деревеньку, я не нашелъ въ ней даже хлѣба, но поѣлъ большихъ, жирныхъ и чрезвычайно вкусныхъ сельдей. Я пришелъ благополучно въ Онегу, но не имѣлъ духу начать опять попытки сношеній съ иностранными матросами; какъ то больше довѣрія внушалъ мнѣ материкъ и я благополучно избѣгъ полиціи, точно также какъ въ Устюгѣ и Архангельскѣ, приставши къ богомольцамъ. Изъ Онеги мнѣ предстояли двѣ дороги. Одна черезъ болота Лапоніи къ Торнео, другая черезъ Олонецкъ къ Балтійскому морю. Первая дорога была труднѣе, вторая опаснѣе. Я бы выбралъ первую; еслибы не чувствовалъ, что силы мои истощились; испытавши столько лишеній и трудовъ, я сталъ бояться ихъ больше, чѣмъ опасности; — словомъ, я упалъ духомъ, истощилъ физическія силы и рѣшился итти черезъ Олонецкую губернію.

Не смотря на то, что страна эта была печально перерѣзана болотами и лѣсами, что я все время боялся жандармовъ и не могъ ночевать въ гостинницахъ и постоялыхъ домахъ, не имѣя довольно денегъ, чтобы платить за ноч-

легъ, мое настоящее путешествіе не походило нисколько на сибирское. Было уже лѣто; ночуя въ лѣсахъ, я спалъ на сухихъ листьяхъ, которые служили мнѣ довольно мягкой постелей. Въ лѣсахъ было много хищныхъ звѣрей, но мнѣ не случилось встрѣтиться съ ними и подвергнуться опасности. Иногда меня будили завыванія волковъ, но я никогда не видалъ и не встрѣчалъ ихъ. Олонецкая губернія пересѣчена каналами, которые соединяютъ озеро Ладожское съ Онежскимъ и нѣкоторыя рѣки между собою. По каналу разбросаны небольшіе домики, выкрашенные желтой краской; въ нихъ живутъ солдаты, работающіе при каналахъ. Между ними очень часто встрѣчалъ я поляковъ, которыхъ узнавалъ тотчасъ по выговору. Сердце мое стѣснялось при видѣ моихъ братьевъ, такъ давно уже влачившихъ тамъ несчастную жизнь (съ 1832 г., съ польской революціи), и которымъ не суждено, быть можетъ, никогда увидѣть милаго отечества. Случалось что я спрашивалъ у нихъ, кто они такіе, прибавляя что они не чисто говорятъ по русски. Они отвѣчали, что родомъ поляки, но это слово — п о л я к ъ произносили такъ, что было очевидно какое глубокое потрясеніе они испытывали, какой гнѣвъ закипалъ въ душѣ ихъ, какая ненависть къ притѣснителю охватывала все ихъ существо. Участь ихъ была ужасна! Около тѣхъ же каналовъ удалось мнѣ встрѣтить и другихъ несчастныхъ; это были солдаты евреи. Многіе изъ нихъ забыли вѣру отцевъ своихъ и поженились на русскихъ; встрѣчались мнѣ партіи евреевъ кантонистовъ; это были большею частію дѣти польскихъ евреевъ отъ 10 до 15 лѣтъ, даже моложе; ихъ гнали въ Архангельскъ, въ матросы. Многое множество этихъ несчастныхъ дѣтей умирало по дорогѣ *).

*) Въ воспоминаніяхъ Искандера: Тюрьма и ссылка, есть поразительное описаніе такой малолѣтной партіи еврейскихъ кантонистовъ, гонимыхъ куда то и умирающихъ по дорогѣ. Прим. перев.

Вездѣ, гдѣ я ни шелъ, видѣлъ я слѣды жетокаго управленія Николая.

Пришедши въ Вытегру, я отправился на набережную, гдѣ было множество всякаго народа. Ко мнѣ подошелъ одинъ крестьянинъ и спросилъ куда я иду; узнавъ что я направляюсь къ Балтійскому морю, онъ предложилъ мнѣ довести меня на баркѣ, съ тѣмъ чтобы я помогъ ему работать во время пути. Я согласился съ условіемъ, что харчи будутъ его, и мы отправились въ тотъ же день. Мысль ѣхать прямо въ Петербургъ, не испугала меня; я полагалъ, что въ большомъ городѣ легче скрыться, чѣмъ въ маленькомъ, и, быть можетъ, легче найти возможность сѣсть на корабль. Я особенно старался о томъ, чтобы нигдѣ долго не оставаться, боясь требованія показать паспортъ. Мы отправились; работа веслами оказалась тяжелою; и днемъ и ночью мы должны были грести, чтобы пробираться между лѣсомъ лодокъ и барокъ, запружавшихъ озера и каналы; особенно стѣсняли проходъ громадные плоты съ дровами и лѣсомъ, шедшіе въ Петербургъ. Иногда мы причаливали и брали пассажировъ въ свою небольшую барку; къ несчастію они не всегда оказывались трезвыми; иногда мнѣ случалось въ одно время и работать веслами и присматривать за ними. Барка наша нѣсколько разъ ударялась о камни, садилась на мель и мы съ великимъ трудомъ могли сдвинуть ее съ мѣста. Однажды шелъ сильный дождь и лавки сдѣлались очень склизки. Мы бѣгали по нимъ, отпихивая барку длинными шестами; съ нами работалъ проворный и старательный мальчикъ лѣтъ шестнадцати; онъ поскользнулся и упалъ въ воду. Я хотѣлъ его вытащить, но онъ такъ отчаянно схватилъ мою руку, что я потерялъ равновѣсіе и самъ упалъ въ воду. Я хорошо плавалъ, но былъ одѣтъ очень грузно, а вцѣпившійся въ меня мальчикъ

совершенно парализовалъ мои движенія и обезсиливалъ меня. Богъ вѣсть что бы сталось со мною, если бы насъ обоихъ не вытащили изъ воды за ноги. Къ намъ въ барку сѣло нѣсколько женщинъ, ѣхавшихъ въ Петербургъ въ услуженіе; многія изъ нихъ были молодыя, говорливыя, шутливыя дѣвушки; напрасно, въ качествѣ богомольца, я унималъ ихъ — у нихъ былъ отвѣтъ на все и часто я самъ не могъ удержаться отъ смѣху. Между ними была старушка изъ Карелiи, которая ѣхала въ Петербургъ для свиданія съ дочерью, прачкой. Молодыя насмѣхались надъ старушкой и не давали ей покоя; я заступался за нее и усовѣщивалъ молодыхъ женщинъ; старушка полюбила меня и въ послѣдствіи ея благодарность весьма мнѣ пригодилась. Вечеромъ, часу въ седьмомъ, мы въѣхали въ Неву, глубокую, широкую и быструю. Ночь была тиха и спокойна. Посреди всеобщаго говора, смѣха и радости, что скоро пріѣдутъ, я погрузился въ задумчивость, и странныя, до тѣхъ поръ незнакомыя мнѣ, мысли овладѣли мною. Мнѣ казалось, что мои несчастія и мои страданія, давали мнѣ право, какъ каторжнику и рабу, отмстить за себя по рабски и воткнуть мой ножъ въ сердце того, который милліоны людей осудилъ на мученіе; въ сердцѣ моемъ завязалась жестокая борьба, но я побѣдилъ себя и оставилъ свой умыселъ. Почему? Конечно не изъ боязни! Сердце мое обливалось кровію и жизнь была мнѣ тяжкимъ бременемъ — я не могъ бояться за себя! Нѣтъ — я оставилъ свой умыселъ потому, что считалъ не честнымъ, въ особенности считалъ противнымъ духу и правиламъ польской націи, убить человѣка измѣннически, изъ за угла. Другое дѣло въ честномъ, равномъ бою это благородно! это понятно! но убить, хотя бы злѣйшаго врага, потихоньку, коварно, подкравшись, было противно всѣмъ моимъ убѣж-

деніямъ, понятію моему о чести и нравственности. Я полякъ: въ душѣ и сердцѣ моемъ никакое преступленіе не можетъ быть оправдано, какую бы цѣль оно не имѣло, какими бы общественными добродѣтелями не пытались прикрыть его. При восходѣ солнца показались высокіе дома Петербурга, длинныя трубы его громадныхъ фабрикъ, и потянулись вдоль берега загородные дома и предмѣстья. Въ 8 часовъ утра, мы причалили. Всѣ спутники и спутницы мои, забравъ свои вещи, ушли, осталась одна только старушка, которая послала сказать своей дочери, что она пріѣхала и ожидаетъ ее на баркѣ. „Подождемъ батюшка, сказала она мнѣ; моя дочь давно живетъ въ Петербургѣ и скажетъ тебѣ, гдѣ остановиться.“ Не зная что дѣлать, я можно сказать машинально остался и, положившись на милость божію, крѣпко заснулъ. Надо полагать, что сонъ мой былъ тревоженъ, потому что я заговорилъ громко по польски и проснулся отъ звуковъ собственнаго голоса. Подлѣ меня стояли нѣсколько рабочихъ, которые по знакомству пришли къ хозяину барки. Одинъ изъ нихъ прервалъ разговоръ свой и вдругъ спросилъ показывая на меня: да на какомъ онъ языкѣ болтаетъ? Другой отвѣчалъ ему: „Ну, хочешь знать на какомъ языкѣ болтаютъ во снѣ сонные, извѣстно какъ пьяные; сами себя, да и другіе ихъ не понимаютъ.“ И разговоръ пошелъ о пьяныхъ и сонныхъ. Я успокоился и продолжалъ прикидываться спящимъ. Когда черезъ нѣсколько минутъ я сдѣлалъ видъ что проснулся, хозяинъ спросилъ у меня: Лаврентій! что ты болталъ во снѣ; тебя понять невозможно — ты говорилъ не по русски, а чортъ знаетъ по каковски.“ Ужъ такова у меня привычка, какъ засну, все разговариваю; еслибы я былъ воръ, то во снѣ выболталъ бы все про себя, отвѣчалъ я, отводя разговоръ. „А я отъ того и полагаю, что ты человѣкъ честный, воз-

разилъ мнѣ хозяинъ, смѣясь.“ Надѣюсь! отвѣчалъ я, и тѣмъ къ счастію все окончилось.

Дочь старушки пришла, забрала часть ея вещей, я взялъ остальныя и всѣ мы трое отправились; я любовался большими, высокими домами, широкими улицами, но еще больше дивился безлюдью огромнаго города. Пройдя нѣсколько улицъ и мостовъ, мы пришли къ дочери старушки; она жила на постояломъ дворѣ, набитымъ всякимъ народомъ и нанимала для себя комнату, въ которой отдавала въ наймы углы. Къ сожалѣнію у нея не было мѣста и она сдала меня своей сосѣдкѣ, которая запросила съ меня 8 копѣекъ въ день. Мы условились.

Теперь скажи мнѣ гдѣ полиція? мнѣ надо заявить свой паспортъ.

Я нарочно спросилъ это у хозяйки, чтобы узнать: можно ли обойтись безъ заявленія паспорта въ полиціи; въ противномъ случаѣ, я принялъ рѣшеніе тотчасъ выбраться изъ Петербурга, не черезъ заставу конечно, а также, какъ пріѣхалъ, на баркѣ, или даже просто пуститься вплавь по Невѣ и, выплывъ за Петербургъ, дойти пѣшкомъ до взморья — и продолжать путь точно также, какъ шелъ я изъ Архангельска, по берегу Бѣлаго моря.

— А ты сколько пробудешь въ Петербургѣ, спросила хозяйка.

— Я богомолецъ, иду въ Кіевъ и остановлюсь здѣсь два или три дня, для отдыха.

— Богъ тебѣ въ помочь. — Покажи ка паспортъ.

Мы были одни; — хозяйка вѣроятно не умѣла читать и я показалъ ей мой билетъ. Она посмотрѣла на печать (оказалось, что дѣйствительно она не знала грамотѣ) и сказала:

„Знаешь ли что? Не ходи ты въ полицію; тебя тамъ дней пять, пожалуй, задержатъ и хлопотъ будетъ не вѣсть что! Полиція теперь стала больно привязчива. Сперва, кто пріѣдетъ въ Петербургъ, пойдетъ да и заявитъ свой паспортъ, а теперь требуютъ, чтобы и хозяинъ шелъ туда же вмѣстѣ съ жильцемъ. Самъ ты посуди, вѣдь этакъ я бы цѣлый день должна ходить въ полицію, да назадъ, а у меня дома дѣла не мало, мнѣ нѣкогда! Я вотъ какъ дѣлаю; кто остается здѣсь на жительство, объявляю полиціи, а кто хочетъ остаться на день или на два, ничего необъявляю! Вотъ такъ—то; мы деньгу заработываемъ, а полиція не знаетъ — да и что тутъ дурнаго? Кабы всѣхъ слушать, да исполнять всѣ ихъ порядки, пришлось бы помереть съ голоду. Черезъ нѣсколько дней уходи съ богомъ отсюда, а если тебя на заставѣ спросятъ: для чего на твоемъ паспортѣ нѣтъ полицейскаго клейма? скажи, что не останавливался въ Петербургѣ — и тебя никто не тронетъ.“

Не нужно, кажется, говорить, какъ я былъ доволенъ такимъ оборотомъ дѣла, и подумалъ про себя: къ чему же приводитъ излишняя осторожность. Провидѣніе позволило мнѣ посмѣяться надъ всѣми предписаніями Николая; я былъ въ его желѣзныхъ клещахъ, теперь онъ самъ могъ попасться мнѣ подъ руку, но я не захотѣлъ сдѣлать ничего дурнаго и вѣровалъ въ божескую справедливость и милосердіе. Я былъ убѣжденъ, что нельзя безнаказанно совершать преступленія, тѣмъ болѣе коронованной главѣ, и что божеское правосудіе рано или поздно покараетъ того, кто обязанъ устроить счастіе подданныхъ, а вмѣсто того только угнѣтаетъ да тиранитъ ихъ.

Вечеромъ, Петербургъ былъ иллюминованъ по случаю свадьбы в. княжны Ольги съ принцемъ Вюртембергскимъ;

но я, боясь какой нибудь гибельной для себя встрѣчи, не пошелъ на улицу, а благоразумно залегъ спать и проспалъ до утра. На другой день, я отправился бродить по городу и опять замѣтилъ недостатокъ движенія и безлюдность города, не смотря на все его великолѣпіе. Я ходилъ осторожно, но смѣло, и не одно, конечно, любопытство влекло меня высматривать и ко всему приглядываться. Мнѣ надо было выйти изъ города во что бы то ни стало; я зналъ, что пароходъ ходитъ изъ Петербурга прямо въ Гавръ, но задача состояла въ томъ, чтобы попасть на него. Это было цѣлью всѣхъ моихъ усилій. Мнѣ надо было узнать, кто былъ капитанъ? Французъ или Русскій? Французу я рѣшился прямо довѣриться и чистосердечно открыться кто я такой. Погруженный въ эти мысли, я пошелъ по набережной, перешелъ черезъ мостъ на другую сторону Невы и остановился передъ огромными сфинксами академіи художествъ. Египетскіе сфинксы въ Петербургѣ! Я оглядывалъ ихъ съ любопытствомъ простолюдина, но черезъ нѣсколько минутъ отошелъ и направился къ пароходамъ, стоявшимъ вблизи. Легко можно вообразить себѣ, какова была моя радость, когда я прочелъ объявленіе, написанное крупными буквами, что одинъ изъ нихъ на другой же день отправляется въ Ригу. Я смотрѣлъ на пароходъ и ломалъ себѣ голову: какъ бы попасть на него. На палубѣ кромѣ одного молодаго малаго, вѣроятно рабочаго или матроса, никого не было. Я остановился, глядѣлъ, выжидалъ, самъ не зная чего и кого. Молодой малый въ красной рубашкѣ, замѣтилъ меня и спросилъ: Можетъ, ты хочешь отплыть въ Ригу, такъ садись на этотъ пароходъ.

Конечно, отвѣчалъ я ему хладнокровно и не изъявляя особенной охоты, мнѣ надо ѣхать въ Ригу, но гдѣ намъ

простымъ людямъ ѣздить на пароходахъ; тутъ вѣрно дорого стоитъ?

— Отъ чего не ѣздить? Небойся, садись, съ мужика дорого не возмутъ.

— А сколько?

Онъ сказалъ мнѣ очень низкую цѣну, которую я теперь не припомню и прибавилъ: ну чтоже? Садись что ли?

— Я только нынче пріѣхалъ въ Петербургъ и не успѣлъ еще явить въ полицію моего паспорта: мнѣ надо сходить туда, отвѣчалъ я.

— Ну! если хочешь являть паспортъ въ полицію, такъ и въ три дня не будешь готовъ; я лучше тебя знаю тутошнюю полицію, а пароходъ то уходитъ завтра.

— Такъ какже быть?

— Садись, безъ явки въ полицію.

— А если я въ бѣду попадусь?....

— Ахъ ты дуракъ, дуракъ! ты еще учить меня будешь. Я говорю: садись! Я знаю что говорю! Паспортъ съ тобою?

— Со мною.

— Покажи!

Я сталъ вынимать паспортъ изъ кармана; онъ былъ завязанъ въ платкѣ, какъ обыкновенно дѣлаютъ русскіе простолюдины, но молодой малый сказалъ мнѣ:

— Ну, хорошо, хорошо, вижу что есть, коли такъ бережешь. Приходи завтра въ 7 часовъ утра и подожди меня на набережной. Я скажу тебѣ, какъ надо сдѣлать.

Я едва могъ вѣрить своему счастію; обрадовался, повеселѣлъ, но не былъ спокоенъ. На другой день рано утромъ, расплатившись съ хозяйкой, отправился на набережную. Тамъ была толпа народа и въ ней я скоро увидѣлъ моего вчерашняго знакомца. Когда я подошелъ къ

нему, онъ сказалъ: „давай деньги!“ Проворно взялъ ихъ и исчезъ въ толпѣ. Я подумалъ: и деньги взялъ и на пароходъ не впустилъ, да еще пожалуй введетъ въ бѣду. Но ничего подобнаго не случилось! Онъ воротился и принесъ мнѣ желтый билетъ. „Стой тутъ, сказалъ онъ мнѣ, молчи и дѣлай что я скажу!“ Я стоялъ и ждалъ. Прозвонили одинъ разъ, другой и третій; загородку подняли, толпа бросилась; мой благопріятель взялъ меня за руку и толкнулъ меня, говоря: ступай! Какимъ образомъ очутился я на палубѣ, право не знаю; пары пустили, вода закипѣла подъ колесами и пароходъ поплылъ. Слава Богу! подумалъ я — до Риги я безопасенъ!....

Когда мы поравнялись съ Кронштатомъ, къ нашему пароходу подплыла лодка; капитанъ бросилъ туда какія то бумаги. Я догадался что это былъ списокъ лицъ, ѣхавшихъ въ Ригу; вѣроятно между ними не значилось Лаврентія. Исполнивъ эту формальность, мы поплыли дальше.

Я занемогъ морской болѣзнью, промокъ до костей, хотѣлъ согрѣться внизу и незнаю какъ очутился въ дамской каютѣ; это было ночью. Иныя дамы сидѣли, другія лежали, полуодѣтыя, съ растрепанными волосами, многія изъ нихъ были такъ больны, что стонали. Лишь только переступилъ я черезъ порогъ, какъ одна изъ дамъ, уже пожилая, сказала, или лучше сказать закричала, по французски: Ужъ и такъ нѣтъ воздуху, а этотъ мужикъ еще больше напуститъ вони! Его надо скорѣе прогнать отсюда! Въ это же самое время вошелъ лакей, несшій что то на подносѣ; увидѣвъ меня онъ закричалъ; зачѣмъ ты здѣсь, мужикъ! Пошелъ вонъ! Я поскорѣе убрался на палубу. Тамъ усѣлся я въ углу и поутру принялся за свой скудный завтракъ, за хлѣбъ съ солью и съ лукомъ. Два нѣмца хорошо одѣтые ходили по палубѣ. Увидѣвъ меня, одинъ

изъ нихъ сказалъ другому: „Сейчасъ видно, что это русская свинья!“

Пароходъ присталъ у Ревеля; я вмѣстѣ съ другимъ крестьяниномъ пошелъ въ городъ, напился съ нимъ въ трактирѣ чаю, и потомъ воротился опять на пароходъ. Между пассажирами было двое молодыхъ поляковъ, возвращавшихся изъ Петербурга въ Литву и въ Польшу. Эти поляки не знакомились ни съ кѣмъ и разговаривали по польски только между собою. Когда мы подходили къ Ревелю, одинъ изъ нихъ сказалъ другому: вѣдь все это принадлежало Польшѣ; больно, что теперь нигдѣ нѣтъ Польши! Услышавъ польскую рѣчь и эти слова, выражавшія любовь къ отечеству, я сталъ прислушиваться къ разговору двухъ молодыхъ людей, конечно не изъ пустаго любопытства; вволю хотѣлось мнѣ наслушаться и насладиться звуками роднаго языка; въ устахъ поляка выраженіе любви къ Польшѣ, оставленной цѣлымъ свѣтомъ, несчастной, угнѣтенной, надъ которой никто не смилуется, которой никто не сочувствуетъ, имѣетъ особенную силу и значеніе. Несчастные люди скоро обращаютъ свое вниманіе на несчастныхъ и больше чѣмъ счастливые сочувствуютъ имъ. Такъ и мои двое поляковъ, не обращая вниманія на то что я русскій, начали говорить со мною. Трудно понять почему ихъ симпатія и участіе обратились именно на меня, и почему изъ всѣхъ русскихъ, тутъ бывшихъ, они сдѣлали исключеніе только въ мою пользу. Разговаривая, пріѣхали мы въ Ригу, и я съ моимъ товарищемъ русскимъ крестьяниномъ, отправился въ русское предмѣстье, гдѣ впрочемъ мы скоро и разстались.

Садясь на пароходъ, я выдалъ себъ за щетинника и по тому отправился къ одному купцу, чтобы поторговать щетину, которой, разумѣется, не купилъ, но вмѣсто этого,

выпросилъ позволеніе ночевать въ сараѣ и отлично выспался въ тѣлегѣ, гдѣ было не много соломы. На другой день, осматривая Ригу, я вспомнилъ о Каролѣ Ходкевичѣ, который во время войны съ Шведами, управлялъ Ригою. Все измѣнилось теперь! Гдѣ слава, гдѣ величіе польскаго имени? Гдѣ сама Польша? При этихъ воспоминаніяхъ, слезы набѣгали на глаза мои!

XXIII

Дальнѣйшее путешетвіе по Курляндіи. Граница. Побѣгъ черезъ нее. Кенигсбергъ, гдѣ я попадаюсь въ прусскія лапы.

Я вышелъ изъ Риги и пошелъ пѣшкомъ по дорогѣ въ Митаву; погруженный въ себя, я мало обращалъ вниманія на то, что дѣлалось вокругъ и не видалъ что меня нагнала жидовская повозка, покрытая полотномъ, для предохраненія путниковъ отъ дождя и солнца. Она была запряжена тройкой и, перегнавъ меня, вдругъ остановилась. Изъ нее выпрыгнули мои два поляка и, приказавъ кучеру ѣхать дальше, подошли ко мнѣ и вѣжливо поздоровались со мною. Они ѣхали въ Митаву и просили меня, такъ какъ я шелъ туда-же, доѣхать съ ними. Я отказался; они стали настаивать, но я рѣшительно отказался. Тогда одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: „Мы не знаемъ что привлекаетъ насъ къ вамъ, но съ первой минуты нашего знакомства, мы были убѣждены что вы честный человѣкъ и думаемъ что вы не простой крестьянинъ. Вы, вѣроятно, испытали какое нибудь несчастіе. Мы желали бы вамъ помочь. Садитесь въ бричку, мы довеземъ васъ.“ Я былъ взволнованъ и отвѣчалъ, что бываютъ такія несчастія, которыя

какъ язва пристаютъ къ другимъ и что по этому самому, я не хочу ѣхать съ ними. Они взглянули другъ на друга. „Возможно ли? воскликнулъ одинъ изъ нихъ. Очень возможно, возразилъ я; вы честные люди и, конечно, меня не выдадите; я Полякъ и убѣжалъ изъ Сибири. Оба они поблѣднѣли при этихъ словахъ, и въ тоже время слезы заблистали на глазахъ ихъ. „Поѣзжайте съ Богомъ сказалъ я имъ, я не хочу васъ подвергать опасности; я знаю русское правительство, оно обвинитъ васъ въ соучастіи бѣгства, еслибы схватили меня.“ Они хотѣли дать мнѣ денегъ, но я не взялъ ихъ. Тогда они убѣдительно просили меня сойтиться съ ними въ одномъ литовскомъ мѣстечкѣ и обѣщали облегчить мнѣ возможность перебраться за границу. Я обѣщалъ, но не исполнилъ обѣщанія, вспомнивъ какъ много людей пострадало изъ за меня въ Каменцѣ-Подольскомъ. Мы обнялись, они сѣли въ бричку, а я пошелъ пѣшкомъ.

Мое путешествіе по Курляндіи было благополучно и пріятно. Чѣмъ ближе приближался я къ Польшѣ, тѣмъ становился я тревожнѣе, будто воздухъ родной земли, достигнувъ меня, вырвалъ скрытую въ глубинѣ души моей скорбь и страданія объ отчизнѣ и развѣялъ ихъ по лицу земли, свидѣтельствуя о бѣдствіяхъ несчастнаго народа, къ униженію, угнѣтенію и неволѣ котораго глухъ цѣлый свѣтъ. Я не буду подробно описывать мое странствованіе по Курляндіи; скажу только что шелъ не останавливаясь и наконецъ достигъ границы. Въ послѣдніе дни, я нѣсколько измѣнилъ свою одежду; продалъ тулупъ, промѣнялъ кафтанъ на сюртукъ и панталоны не засовывалъ уже за сапоги, а опускалъ на нихъ. Наконецъ, я достигъ пограничнаго мѣстечка и прежде, чѣмъ пробрался черезъ границу, рѣшился осторожно развѣдать, какъ бы это сдѣлать побезопаснѣе. Направляясь къ берегу моря, чтобы высмо-

трѣть гдѣ именно граница, я проходилъ близь ручья, который впадаетъ въ море и, незная какъ убить время до вечера, рѣшился выкупаться и вымыть свое бѣлье.

День былъ жаркій; стирая бѣлье я все думалъ о томъ, какъ перейти границу. Черезъ нѣсколько минутъ, пришелъ какой то солдатъ и мы разговорились. Солдатъ жаловался на свою несчастную участь. Я утѣшалъ его, какъ могъ и умѣлъ. „Ужь какъ насъ тутъ измучили, говорилъ онъ, то муштра по службѣ и палки, то не смѣй глазъ сомкнуть. Вѣдь мы караулимъ границы.“ Я принялся разспрашивать. и узналъ, что на разстояніи выстрѣла и даже чаще ставятъ ночью по часовому, что, кромѣ того, по линіи границы ѣздятъ дозоромъ казаки, и что ночью почти невозможно перейти ее. Если же случится, что кто нибудь успѣетъ перебѣжать границу, часовыхъ гоняютъ сквозь строй и иногда забиваютъ до смерти; что контрабандисты часто нападаютъ на часовыхъ вооруженною рукою, связываютъ, уводятъ за собою и, избивъ нещадно, отпускаютъ назадъ. Когда же часовой возвращается, начальство въ свою очередь наказываетъ его такъ, что его отвозятъ въ лазаретъ еле живаго. Изъ словъ солдата, я узналъ что днемъ на границѣ ставятъ меньше часовыхъ, ибо далеко видно и не нужно столько дозорныхъ, тѣмъ болѣе, что тутъ же не подалеку находятся казармы. „Я не понимаю сказалъ я солдату, зачѣмъ вы такъ хлопочете; вѣдь пройти не льзя;—кто прорвется съ вашей стороны, тотъ попадется съ прусской, въ руки къ Прусакамъ; не все ли равно?“ „Тото и бѣда что Прусаки то не стерегутъ своихъ границъ — это на насъ свалили и мы должны и за себя и за нихъ работать!“ Вотъ это не по сосѣдски! замѣтилъ я, и вскорѣ распрощался съ солдатомъ, узнавъ отъ него все, что было мнѣ нужно. Разумѣется, мнѣ слѣдовало перемѣнить планъ

свой и перейти границу днемъ, а не ночью. Я воротился въ мѣстечко и принялся, проходя по его улицамъ, кричать подъ окнами: нѣтъ ли щетины? Мнѣ отвѣчали что нѣтъ, я все шелъ дальше, и наконецъ дошелъ до послѣдняго дома, стоявшаго на самомъ краю мѣстечка и на самой границѣ. Я зашелъ на дворъ дома, спрашивая о щетинѣ; ее, разумѣется, не было, но мнѣ сказали, что если я хочу поѣсть, то найдется сыръ, масло и водка. Я тотчасъ воспользовался случаемъ и зашелъ въ домъ; молодая хозяйка, Полька, приказала дать мнѣ поѣсть и ушла въ другую комнату; мнѣ слышно было, что она говорила съ своей служанкой. Она была сговорена, хотѣла одѣваться, ждала жениха съ ксендзомъ и замѣтила, что пора бы мнѣ уйти, не то пріѣзжіе застанутъ тутъ этого мужика. Прислушиваясь къ ея разговору, я задумался надъ своимъ жестокимъ положеніемъ. Что дѣлать? Не довѣриться ли этой Полькѣ? Но боязнь ее скомпрометировать, а себѣ не помочь ничуть, удержала меня. Я рѣшился дѣйствовать одинъ, какъ дѣлалъ до сихъ поръ. Хозяйка, разодѣтая и веселая, вышла изъ внутреннихъ комнатъ, вѣроятно для того, чтобы поскорѣе меня выпроводить, но я успѣлъ уже выглядѣть изъ окна зданіе казармъ, стоявшее не далеко оттуда и мнѣ надо было узнать дѣйствительно ли это казармы. „А что, спросилъ я у хозяйки, въ томъ домикѣ не льзя достать щетины“? Какой это домикъ, отвѣчала она мнѣ на плохомъ русскомъ языкѣ, это не домикъ а казармы, тамъ живутъ солдаты, ты туда не ходи, тамъ тебя сейчасъ схватятъ и арестуютъ. „А за что меня арестовать? — За то, что они подумаютъ, что ты хочешь перебѣжать границу. Посмотри, вотъ нашъ домъ, а вотъ у самаго дома ровъ, а за нимъ поле, засѣянное рожью; это еще наша рожь; а тамъ, гляди, канава, и за нею березы,

эти березы растутъ ужь на самой линіи границы, — видишь и казармы на одной линіи съ ними; за березами опять канава и уже чужая земля! Я поблагодарилъ хозяйку и вышелъ; въ воротахъ встрѣтилъ я двухъ молодыхъ людей и ксендза, вѣроятно жениха съ братомъ хозяйки.

Я отошелъ шаговъ на сто отъ дому и шаговъ за двадцать отъ перваго рва легъ подъ деревомъ, не для того чтобы отдохнуть, но чтобы собраться съ силами и высмотрѣть минуту, когда бы можно было перебѣжать границу. Лежалъ я минутъ десять и колебался; наконецъ подумалъ: пусть будетъ надо мною воля божія! Я вынулъ изъ кармана складной ножъ, открылъ его, взялъ его въ правую руку, а въ лѣвую свой мѣшокъ и скорымъ шагомъ пошелъ къ широкому и глубокому рву. Я спустился въ него, вылезъ и поползъ между рожью, вытянувшись въ струнку. За нѣсколько шаговъ отъ меня ходили солдаты; улучивъ минуту когда оба они, оборотясь другъ къ другу спиной, расходились въ разныя стороны, я пробѣжалъ между нихъ и, не теряя ни минуты, въ одинъ прыжокъ перескочилъ канаву и пустился бѣжать изо всѣхъ силъ. Сзади меня раздался крикъ изъ казармъ: Лови, лови, стрѣляй! но прежде чѣмъ солдаты успѣли обернуться, я уже перепрыгнулъ другую канаву и скрылся въ небольшой лѣсокъ, находящійся на прусской землѣ. Отбѣжавъ шаговъ на тысячу отъ границы, я прилегъ въ густомъ кустарникѣ и лежалъ не шевелясь. Кажется въ всю жизнь я не бѣгалъ такъ шибко; казалось, что у меня оленьи ноги, какъ у новаго Актеона, только я чувствовалъ себя гораздо счастливѣе чѣмъ онъ. Цѣлая эта переправа т. е. перелезаніе перваго рва и два прыжка черезъ двѣ вторыя канавы, бѣгство черезъ поле ржи, едва ли длилась 20 секундъ; я самъ себѣ не вѣрилъ,

что я на другой сторонѣ и что солдаты не успѣли дать по мнѣ выстрѣла. Они были такъ удивлены и озадачены, что не знали что дѣлать.

Когда я лежалъ въ кустарникѣ, крѣпко сжимая въ рукахъ ножъ мой, изъ казармъ послышалсъ страшный крикъ, ругня и проклятія. „Отъ чего ты сукинъ сытъ нестрѣлялъ?“ кричалъ кто то. Чортъ его знаетъ отъ куда онъ выскочилъ; примѣру не было чтобы середи бѣлаго дня, у насъ подъ носомъ, границу перебѣжали!....“ Это не контрабандистъ — это бунтовщикъ какой нибудь! „Нѣтъ, мужикъ!“ За чѣмъ мошенники Прусаки не стерегутъ границы! Мнѣ слышались явственно между восклицаніями и ругательствами, которыхъ я передать не могу, удары, стоны и крики: помилуйте! Слышался мнѣ лай собакъ въ домѣ Польки невѣсты, гдѣ я закусилъ, вѣроятно, бросились туда наводить обо мнѣ справки; очень я сожалѣлъ, что былъ невинною причиною непріятностей и что непрошеные гости могли смутить радость жениха и невѣсты.

Весь этотъ крикъ, шумъ, брань, длились около часу; я все лежалъ, сжимая въ рукахъ ножъ свой. Я зналъ русское начальство и боялся что погоня перейдетъ за границу и оцѣпитъ лѣсъ, въ которомъ я скрывался, но я былъ готовъ на все и сознавалъ всю великость опасности, въ которой находился.

Когда вее утихло и погони не было слышно, я приподнялся и, вынувъ изъ мѣшка мыло, бритву и всѣ свои припасы, съ чрезычайнымъ трудомъ и такою болью, что слезы текли изъ глазъ моихъ, выбрилъ себѣ бороду и причесалъ, какъ сумѣлъ свои длинные волосы. Потомъ я взялъ мою сибирскую шапку, когда то красную, а теперь богъ вѣсть какаго цвѣта, выпоролъ изъ нея вату, выворотилъ ее и

смастерилъ изъ нея нѣчто, имѣющее видъ французскаго bonnet de police; но что это была за шапка? трудно себѣ вообразить. Въ послѣдствіи прохожіе останавливались и съ удивленіемъ глядѣли на нее, и самъ я, увидѣвши себя въ зеркало, въ одномъ мѣстечкѣ, едва не умеръ со смѣху. Я надѣлъ тоже другую рубашку, надѣлъ гранатный жилетъ и свой продранный по локтямъ сюртукъ. Такимъ образомъ, совершенно измѣнивъ внѣшній видъ свой, я вылезъ, когда уже совсѣмъ смерклось изъ подъ кустовъ, и, отъ всей души и сердца возблагодаривъ бога, пустился опять въ дорогу. Черезъ четверть часа я входилъ смѣло въ какое то прусское мѣстечко, не смотря на то, что на заставѣ стоялъ солдатъ. Я прошелъ, говоря: Guten Abend, какъ будто былъ крестьянинъ изъ окрестностей. Онъ также отвѣчалъ на мое привѣтсвіе и пропустилъ меня. Не имѣя паспорта, мнѣ не льзя было ночевать въ гостинницѣ или трактирѣ и потому я только прошелъ черезъ мѣстечко и переночевалъ въ сосновомъ лѣсу. Пока я былъ въ Пруссіи, таже опасность что и въ Россіи грозила мнѣ, ибо между Россіей и Пруссіей былъ не только очень недавно опять возобновленъ договоръ о выдачѣ политическихъ преступниковъ и бѣглецевъ, но и соблюдался очень строго. Я могъ считать себя спасеннымъ лишь тогда, когда бы выбрался изъ Пруссіи. Благополучно достигъ я Кенигсберга и тотчасъ разузналъ когда отправляется пароходъ въ Штетинъ, полагая, что паспорта не будутъ спрашивать, перевозя пассажировъ изъ одного города въ другой. Мысль ѣхать пароходомъ пришла ко мнѣ въ слѣдствіе необходимости отдохнуть. Я былъ изнуренъ далекимъ и спѣшнымъ путешествіемъ, совершеннымъ пѣшкомъ. Кормился я дорогой очень плохо, ибо берегъ свои скудные финансы и все спѣшилъ впередъ; чѣмъ ближе былъ я къ цѣли, тѣмъ болѣе овладѣвало мною неопи-

саннос нетерпѣніе, какая то горячка. Я узналъ, что пароходъ отправляется рано на другой день и что я могъ взять билетъ въ конторѣ, прежде чѣмъ въ нее придутъ чиновники; но затрудненіе состояло въ томъ, что мнѣ нельзя было ночевать въ городѣ, ибо трактирщики требовали паспортъ. Разумѣется, чтобы и слѣда не было что я изъ Россіи, я давно разорвалъ свой никуда не годный билетъ и потому я рѣшился выйти изъ города, ночевать въ полѣ, воротиться на другой день очень рано и сѣсть на пароходъ. Мое утомленіе было такъ велико, что, проходя городомъ, я принужденъ былъ сѣсть для отдыха на скамью и, самъ не знаю какъ, заснулъ на ней мертвымъ сномъ. Во снѣ, я упалъ съ лавки и продолжалъ спать какъ убитый. Сквозь сонъ, мнѣ почудилось, что кто то больно толкаетъ меня и кричитъ: что ты за человѣкъ! Затѣмъ еще толчекъ и еще и я проснулся. Надо мною стоялъ солдатъ. Съ просонья, чувствуя что погибъ, я схватился за ножъ. На мое несчастіе, или лучше сказать счастіе, потому что я бы убилъ или его или себя, ножа не оказалось. Купаясь наканунѣ въ рѣкѣ, я, вѣроятно, забылъ его на берегу. Послѣ первой минуты страшнаго испуга и тревоги я вдругъ перешелъ къ необычайному хладнокровію; присутствіе духа возвратилось ко мнѣ. На повторенный хожалымъ вопросъ, что за человѣкъ? я отвѣчалъ по нѣмецки очень покойно, что работаю на фабрикѣ у купца Шульца, и назвалъ улицу. Но это не помогло мнѣ; хожалый повелъ меня въ полицію. Ночь была темная и еслибъ я зналъ городъ, то вырвался и убѣжалъ бы, но, не зная его, не рѣшился такимъ поступкомъ усложнить свое и безъ того печальное положеніе. Сторожей ночныхъ было множество; идя я слышалъ со всѣхъ сторонъ оклики и встрѣтилъ очень многихъ. Отобравши все, что у меня было, меня заперли въ темную ко-

морку. Я обдумывалъ свое положеніе и хотя совершенно не терялъ надежды, но не былъ увѣренъ, что могу спастись.

Положивъ выдавать себя за француза, я заснулъ. На другой день, меня повели на допросъ въ полицію. Въ небольшой комнаткѣ насъ набралось около 20 человѣкъ разнаго народа, и женщинъ и мущинъ. Всѣ они были большею частію бродяги и воры. Воздухъ этой тѣсно набитой комнатки былъ невыносимо душенъ и вонючъ; особенно мнѣ, ночевавшему такъ долго на чистомъ воздухѣ, онъ былъ страшно тяжелъ и, мнѣ казалось, что я задохнусь. Очередь дошла до меня и меня спросили по нѣмецки, но я отвѣчалъ по французски: не понимаю. Одинъ изъ чиновниковъ, очень плохо говорившій по французски, спросилъ откуда я? „Изъ Франціи.“ Онъ окинулъ меня глазами и продолжалъ: Изъ какого города? Какъ зовутъ? Я отвѣчалъ рѣшительно и спокойно на всѣ вопросы. Паспортъ имѣете? Да, но потерялъ дорогой. За симъ слѣдовали другіе вопросы, все въ томъже родѣ. Я на всѣ отвѣчалъ также безъ запинки.

XXIV

Голубая башня. Новые допросы. Тюремное заключеніе. Свобода. Еще опасность. Франція.

Послѣ допроса, меня отвели уже не въ полицію, но въ голубую башню; эта старая постройка на берегу рѣки служитъ теперь тюрьмою. Главный тюремщикъ, еще довольно молодой, очень вѣжливый и добрый человѣкъ, по имени Эменъ, сказалъ мнѣ: хотя вы были вчера очень смѣшно, бѣдно и худо одѣты, но я привыкъ наблюдать

людей и сейчасъ увидѣлъ, что вы не принадлежите къ бродягамъ. На лицѣ вашемъ выражается благородство и я увѣренъ что какое нибудь несчастіе довело васъ до такого положенія. Я вамъ дамъ здѣсь лучшее помѣщеніе.

Комната, куда меня посадили, была очень широка, длинна и высока, о двухъ окнахъ, но чрезвычайно грязна, съ изломаннымъ поломъ и тяжелымъ, вонючимъ воздухомъ; со мною содержались двое нѣмцевъ. Пища, которую намъ давали, была очень плоха; поутру очень небольшой кусокъ хорошо испеченнаго хлѣба; въ 12 часовъ ячменную кашу, или воду съ мукой и масломъ и полкварты гороха. Другаго кушанья, не говоря уже о мясѣ, я не видалъ, и всякій можетъ судить можно ли не голодать питаясь этимъ? Ночью я не могъ выспаться и долженъ былъ встать, потому что блохи меня обсыпали. На другой день, товарищи мои были вынущены, а меня опять повели къ допросу. Въ этотъ разъ привели француза г-на Флери, который служилъ переводчикомъ; онъ жилъ уже 20 лѣтъ въ Кенигсбергѣ и давалъ уроки. Флери, поговоривъ со мною, увѣрилъ чиновниковъ что я дѣйствительно французъ, ибо говорю по французски безъ всякаго акцента, какъ природные французы. Послѣ допроса, г-ну Флери велѣли объявить мнѣ, что меня тотчасъ выпустятъ, какъ скоро изъ Франціи получатся свѣденія, что я точно тотъ самый, за кого выдаю себя. Я былъ, разумѣется, увѣренъ, что изъ Франціи должны были отвѣчать, что меня незнаютъ и кто я не вѣдаютъ. Я надѣялся только на то, что такъ какъ я называю себя французомъ, то меня выдадутъ французскому правительству. Я только этого и желалъ. Не смотря на эту надежду, были минуты, когда я впадалъ во страшное безспокойство и снѣдающую печаль.

День за днемъ уходили, я все съ большимъ нетерпѣніемъ

ожидалъ отвѣта изъ Франціи, — наконецъ меня опять призвали въ судъ и объявили съ угрозами и гнѣвомъ, что все, что я говорилъ, была ложь, и что я долженъ немедленно признаться, кто я такой дѣйствительно. Г-нъ Флери настоятельно уговаривалъ меня и замѣтилъ, что, если я буду запираться, меня могутъ осудить на тяжкія работы, при которыхъ я подвергнусь даже тѣлесному наказанію. Считая меня своимъ соотечественникомъ, Флери желалъ мнѣ добра и говорилъ отъ сердца. Видя, что ему нельзя побѣдить моего упорства, онъ сказалъ мнѣ: „Я думаю что вы военный и, зная строгость нашей дисциплины, полагаю что вы попались въ бѣду и бѣжали изъ Франціи.“ Флери уже прежде сообщилъ свою догадку чиновникамъ и они уполномочили ее сказать мнѣ. Этотъ оборотъ дѣла показался мнѣ выгоднымъ. „Да, я военный,“ отвѣчалъ я не смѣло. За чѣмъ же вы ушли изъ арміи за границу? По какой причинѣ? — Я не могу открыть причины. „Что вы сдѣлали? не убили ли кого на дуэли?“ Я прошу васъ не настаивать, я не могу отвѣчать: къ несчастію, другіе замѣшаны въ моемъ дѣлѣ и я долженъ молчать! „Такъ какъ вы не хотите ни въ чемъ признаться, то мы въ правѣ считать васъ за преступника!“ Это слово меня сильно затронуло и я отвѣчалъ: Посмотрите на меня, похожъ ли я на злодѣя и преступника!“ Чиновники ни чего мнѣ не отвѣчали, но стали говорить между собою по нѣмецки и я видѣлъ что они очень разсержены. „Онъ не знаетъ нашихъ законовъ, говорили они, онъ не знаетъ, что мы можемъ сдѣлать съ нимъ что хотимъ. Такъ какъ онъ не признается, то придется счесть его за преступника и поступить съ нимъ, какъ поступаютъ съ преступниками. Г-нъ Флери, принимавшій во мнѣ большое участіе какъ въ соотечественникѣ, приступилъ ко мнѣ съ просьбами, чтобы я при-

знался, завѣряя меня, что иначе я буду осужденъ на самыя тяжкія работы и подверженъ тѣлесному наказанію. Такъ какъ вы бѣжали изъ Франціи, то французскіе законы не могутъ уже защитить васъ, сказалъ онъ; но я не рѣшился признаться и меня опять отвели въ тюрьму.

Легко можно себѣ представить какія мысли и чувства меня преслѣдовали и мучили. Ужели никогда не найти мнѣ спокойствія и судьба до конца будетъ неумолима ко мнѣ? Неужели мнѣ предназначено погибнуть безслѣдно въ русскихъ казематахъ? За чѣмъ же бѣжалъ я изъ Сибири, выстрадалъ и перенесъ столько тяжкихъ лишеній? Ужели для того, чтобы сгибнуть здѣсь? Поистинѣ, жизнь дѣлалась мнѣ невыносимой въ этой упорной борьбѣ съ немилосердною судьбою; лучше погибнуть скорѣе и такимъ образомъ избавить себя отъ предстоящихъ мученій. Я рѣшился сдѣлать еще одну, послѣднюю попытку и, опираясь на то, что я французъ, требовать, чтобы меня выдали французскому правительству; еслиже это не удастся, то признаться наконецъ что я Полякъ, бѣжавшій изъ Сибири. Но я не доставилъ бы Николаю жестокой потѣхи взять меня живаго, заковать по рукамъ и ногамъ, препроводить съ партіей разбойниковъ въ Сибирь и тамъ на мѣстѣ (какъ это постановлено русскими законами), замучить, забить меня до смерти, приговоривъ къ шести или семи тысячамъ ударовъ сквозь строй. Нѣтъ! рѣшеніе мое убить себя, еслибы захотѣли выдать меня Россіи, было непреложно. Никогда не захотѣлъ бы я самоубійствомъ ускорить смерть свою, еслибы меня ожидали разстрѣляніе или висѣлица, — но чтобы избавиться отъ тысячей палокъ или кнута, подъ которыми пришлось бы умереть въ невыразимыхъ мученіяхъ, выборъ не могъ быть сомнителенъ и надо было рѣшиться на самоубійство.

Нѣсколькъ времени длились еще допросы; на мои требованія быть выданнымъ Франціи необращали никакаго вниманія; я видѣлъ что всѣ мои усилія напрасны и однажды сказалъ моимъ судьямъ: „вы хотите чтобы я признался; я это сдѣлаю, только какъ бы мое признаніе не повело васъ къ жестокой борьбѣ между совѣстію и закономъ. Но я не могу этого сказать при всѣхъ; пусть одинъ изъ васъ и г-нъ Флери останутся со мною, я все скажу имъ.“ Чиновники согласились и мы вышли въ сосѣднюю комнату. Тогда я открылъ имъ истину. Г-нъ Флери не могъ удержаться и воскликнулъ: Боже мой! Боже мой! Нѣмецъ вскричалъ тоже: Herr Jezus! Они глядѣли на меня въ изумленіи и одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: чтожъ вы не признавались съ самаго начала? Развѣ вы забыли, сказалъ я, что между Пруссіей и Россіей есть соглашеніе: выдавать политическихъ бѣглецовъ? какъ же я могъ признаться? Отъ того я и настаивалъ, чтобы меня выдали французскому правительству: Правда! правда! воскликнули оба. „Теперь вы знаете кто я, сказалъ я имъ, и, если не можете ничѣмъ помочь мнѣ, дайте по крайней мѣрѣ совѣтъ какъ дѣйствовать чтобы спастись и не быть выдану русскому правительству.“ Оба были очень смущены этими словами и нѣмецъ вышелъ въ другую комнату для того, чтобы подѣлиться съ своими товарищами моимъ признаніемъ. Г-нъ Флери, оставшись одинъ со мною, сказалъ мнѣ: Кромѣ графа Ейленбурга, (Eulenburg) здѣшняго оберрегирунгсрата, никто не можетъ спасти васъ; еще не давно нѣсколько человѣкъ было выдано русскому правительству. Постарайтесь увидѣться съ графомъ; онъ добрый, справедливый, почтенный человѣкъ, заслужившій всеобщую любовь и уваженіе. Что за несчастіе! что за несчастіе! воскликнулъ Флери оканчивая. Меня позвали въ засѣданіе, записали

всѣ мои показанія и отослали въ тюрьму. На другой день заставили подтвердить показанія и, вмѣсто г-на Флери, ко мнѣ подошелъ незнакомый человѣкъ и спросилъ на чистомъ польскомъ нарѣчіи: вы Полякъ? Я отвѣчалъ ему тоже по польски. Это былъ г-нъ Шимкевичъ, литераторъ и чиновникъ. Я съ признательностію упоминаю его имя, ибо много обязанъ ему и его семейству. На этомъ допросѣ, я просилъ позволенія: употребить часть отобранныхъ у меня денегъ на покупку пищи и видѣться съ графомъ Ейленбургомъ, или по крайней мѣрѣ написать къ нему письмо; но мнѣ отвѣчали, что это зависитъ отъ президента полиціи Лаутербаха, которому обѣщали доложить о моей просьбѣ. Этотъ Лаутербахъ тотчасъ позволилъ мнѣ употреблять отобранные у меня деньги на пищу, (ибо тюремной я никакъ не могъ выносить,) но не давалъ никакого отвѣта о томъ, что касалось до моего свиданія или письма къ графу Ейленбургу. Допросы продолжались, но приняли другой характеръ; у меня допытывались: не былъ ли я въ Познани, не знакомъ ли съ Мирославскимъ, и позднѣе я узналъ что и у него спрашивали обо мнѣ. Все это крайне удивляло меня, ибо, находясь въ дорогѣ болѣе шести мѣсяцевъ, я не зналъ что въ Познани были смуты и волненія, что Мирославскій попался въ руки прусскаго правительства и находился въ заключеніи. Я припомнилъ, что, когда я былъ въ Великомъ Устюгѣ, русскіе расказывали потихоньку что въ Польшѣ кого то повѣсили, но я не обратилъ тогда на эти расказы особеннаго вниманія, ибо хорошо зналъ что Николай всегда найдетъ причины для того чтобы вѣшать, а въ особенности Поляковъ. Размышляя теперь о новой неудачѣ, испытанной несчастной Польшей, и скорбя о ней всею душею, я еще больше убѣдился въ своей погибели, но схватился за тѣнь надежды

и сталъ придумывать какъ бы увидѣться съ графомъ, или написать къ нему письмо. Будучи увѣренъ, что мнѣ не дадутъ позволенія обратиться къ нему, я черезъ Кли.....го, вмѣстѣ со мною заключеннаго Поляка, досталъ бумаги, чернилъ и перо, и написалъ письмо къ графу Ейленбургу. Сожалѣю, что у меня не осталось копіи съ этого письма. Я, между прочимъ, говорилъ ему, что если правительственное лице обязано выдать бѣглеца русскимъ властямъ, то человѣка съ совѣстію и честію такой трактатъ не можетъ связывать, тѣмъ болѣе, что всѣмъ извѣстны дикія жестокости русскаго правительства въ отношеніи политическихъ бѣглецевъ. Я ставилъ ему на видъ, что не совершилъ никакого преступленія и былъ сосланъ въ Сибирь за одну любовь къ родинѣ. Наказаніе, которое ожидало меня въ Россіи, было такъ унизительно и ужасно, что я не имѣлъ духа ему его описывать. Я оканчивалъ, умоляя объ отвѣтѣ и поручивъ себя и судьбу свою его человѣколюбію. Г-нъ Кли.....ій обѣщалъ мнѣ, что лишь только его выпустятъ, онъ самъ доставитъ письмо графу, что и исполнилъ и за что я ему вѣчно буду благодаренъ. Я ждалъ отвѣта съ понятнымъ волненіемъ, а пока не упускалъ случая освѣдомиться о познанскихъ произшествіяхъ. Одинъ прусскій офицеръ, приходившій посѣщать заключеннаго товарища, человѣкъ образованный, честный и добрый, расказалъ мнѣ слѣдующее произшествіе. „Когда я стоялъ съ полкомъ въ Познани, въ одной изъ крѣпостей былъ заключенъ Полякъ; отъ него хотѣли допытаться показаній, но онъ или не хотѣлъ признавался, или, быть можетъ, самъ не зналъ о чемъ его спрашивали. Чтобы вынудить эти показанія, несчастнаго такъ жестоко наказывали палками, что онъ послѣ второй, или третьей экзекуціи умеръ. Когда я вспоминаю объ этомъ, гнѣвъ и не-

годованіе овладѣваютъ мною!“ Правда ли то, что вы говорите, спросилъ я. — „Я самъ все это видѣлъ, отвѣчалъ офицеръ.“ Глаза и лице его горѣли благороднымъ гнѣвомъ, слова дышали такимъ негодованіемъ, что невозможно было сомнѣваться въ истинѣ его раѣказа. Къ тому же онъ былъ Пруссакъ, и для чего бы сталъ лгать передъ Полякомъ?

Дни уходили и наконецъ я получилъ отвѣтъ отъ графа Ейленбурга, отвѣтъ осторожный и дипломатическій. Онъ увѣдомлялъ меня, что наводятъ справки: не былъ ли я участникомъ въ познанскихъ волненіяхъ и что дальнѣйшая судьба моя зависитъ отъ этихъ справокъ. Онъ просилъ меня терпѣливо ожидать окончанія слѣдствія.

Я могъ заключить изъ этого письма, что моимъ признаніямъ не вѣрятъ и воображаютъ, что я былъ причастенъ къ познанскимъ смутамъ; послѣдняя надежда стала исчезать, и я со дня на день ждалъ, что придетъ изъ Россіи рекламація о томъ, чтобы меня немедленно выдали. Около второй половины Сентября, наступили холодные дни и ночи и, такъ какъ я спалъ на голыхъ доскахъ и одѣвался своимъ короткимъ сюртукомъ, то наконецъ простудился и занемогъ. Тюремный надзиратель г-нъ Эменъ далъ мнѣ свой длинный ваточный халатъ, который волочился за мною шлейфомъ, когда я надѣвалъ его, — но за то я могъ согрѣться и понемногу сталъ выздоравливать. Въ это время въ мою тюрьму явился незнакомый мнѣ господинъ и спросилъ у меня: желаю ли я, чтобы онъ взялъ меня на поруки? Я чрезвычайно удивился и отвѣчалъ, что сердечно былъ бы радъ этому, но не знаю, выпустятъ ли меня изъ тюрьмы. Незнакомый вышелъ и часа черезъ два воротился назадъ, говоря, что ему этого не разрѣшили, но чтобы я былъ спокоенъ, что онъ будетъ навѣдываться въ полицію и, лишь только слѣдствіе объ участіи моемъ въ по-

знанскихъ дѣлахъ кончится, возьметъ меня на поруки. Это былъ богатый кенигсбергскій купецъ, по имени Камке, къ которому я сохранилъ глубочайшую признательность и благодарность. Надежда опять закралась въ мое сердце, но я боялся отдаться ей. Неужели богъ не оставляетъ меня и подаетъ средства къ спасенію? Я упалъ на колѣна и, со слезами на глазахъ, благодарилъ провидѣніе за его покровительство. Съ этой минуты я сдѣлался спокойнѣе.

Въ концѣ Сентября, или началѣ Октября, меня опять позвали въ полицію. Невѣдая что со мною станется, ибо мнѣ приказано было взять съ собою всѣ мои вещи, я захватилъ и хорошо выточенный ножикъ, который мнѣ удалось достать въ тюрьмѣ и которымъ я надѣялся спасти себя отъ русскихъ жестокостей. Въ полиціи я засталъ ожидающаго меня Камке, который, лишь только завидѣлъ меня, бросился ко мнѣ и съ радостію объявилъ мнѣ, что я свободенъ. Невозможно описать моихъ чувствъ при этой вѣсти, совершенно неожиданной и невѣроятной; я сжалъ руку Камке съ невыразимымъ волненіемъ. Пришли полицейскіе чиновники и объявили мнѣ тоже самое, спрашивая: желаю ли я тотчасъ ѣхать во Францію или остаться въ Кенигсбергѣ, на порукахъ у Камке. Я колебался; еслибы я послушался одного внушенія сердца, то тотчасъ поѣхалъ бы во Францію, но, слѣдуя разсудку, я рѣшилъ иное. Мнѣ хотѣлось узнать въ подробности: что произошло въ Познани, притомъ, оставаясь въ Кенигсбергѣ, я былъ ближе къ Польшѣ и, въ случаѣ нужды, могъ тотчасъ пробраться туда; кромѣ того, мнѣ не хотѣлось показаться неблагодарнымъ въ глазахъ самаго Камке, такъ искренно предлагавшаго мнѣ свои услуги. Я сказалъ что останусь въ Кенигсбергѣ. Чиновники, которые были сначала такъ суровы со мною, теперь подходили ко мнѣ, пожимали мнѣ руку, поз-

дравляли меня и говорили съ радостію: „вотъ у насъ теперь еще однимъ горожаниномъ прибавилось!“

Г-нъ Камке, торгуя вмѣстѣ съ Г-жею Пшетакъ, почтенной вдовой, имѣвшей молодую дочь и взрослаго сына, жилъ въ одномъ съ нею домѣ. Всѣ они приняли меня съ такимъ чувствомъ, какъ еслибы я былъ членомъ ихъ семейства. Деликатность, внимательность и доброта ко мнѣ всѣхъ этихъ почтенныхъ и добрыхъ людей привязали меня къ нимъ истинною, глубокою благодарностію и дружбою. Г-жа Пшетакъ обращалась со мною какъ съ сыномъ, дочь и сынъ ея какъ съ другомъ, а самъ г-нъ Камке осыпалъ меня всякаго рода ласкою, любезною внимательностію и подарками. Меня одѣли, повели въ оперу, закормили меня, словомъ осыпали меня несказанными попеченіями и старались всѣми силами заставить забыть мои прошлыя несчастія и успокоить меня. Полагая, что я останусь въ Кенигсбергѣ, строили планы для моего будущаго и давали совѣты, какъ устроиться для независимой жизни. Г-нъ Флери позвалъ меня обѣдать и я совершенно успокоился, какъ вдругъ, 8 Октября, пришла повѣстка, что меня требуютъ въ полицію. Не смотря на увѣренія всѣхъ, желавшихъ мнѣ добра, что повѣстка ничего не значитъ, я пошелъ въ полицію съ безспокойствомъ. Тамъ я засталъ двухъ чиновниковъ, которые, увидѣвъ меня, чрезвычайно смутились. Они объявили мнѣ, что пришло приказаніе изъ Берлина выдать меня русскому правительству, но что они дѣлаютъ что могутъ, не хотятъ тотчасъ арестовать меня и оставляютъ свободнымъ до слѣдующаго дня. Они совѣтовали мнѣ уѣхать какъ можно скорѣе и предупреждали, что я могу быть схваченъ на дорогѣ. Пожелавъ мнѣ счастливаго пути, чиновники начали толковать между собою о томъ, какимъ образомъ могло узнать обо мнѣ русское

правительство и какъ можетъ ихъ собственное совершать такую недостойную и жестокую вещь! Я пожалъ имъ руки и воротился домой. На другой день, рано утромъ, Камке повезъ меня въ собственномъ кабріолетѣ за городъ; не доѣзжая до первой станціи насъ догналъ дилижансъ въ который я и сѣлъ. Камке далъ мнѣ рекомендательныя письма, небольшой портмоне, работы дочери г-жи Пшетакъ Эммы, и сказалъ мнѣ, что мѣсто мое въ дилижансѣ уже заплочено. Я простился съ этимъ почтеннымъ человѣкомъ съ понятнымъ чувствомъ благодарности и просилъ передать семейству Пшетакъ всю мою признательность. Проѣхавъ Эльбингъ и Маріенбургъ, въ 8 часовъ утра я былъ уже въ Данцигѣ. Здѣсь отыскалъ я г. Л., къ которому имѣлъ рекомендательное письмо. Черезъ часъ я засталъ у него двухъ своихъ земляковъ, снабдившихъ меня письмами и деньгами. Выѣхавъ съ почтой, на слѣдующій день я былъ уже въ Штетинѣ и въ тотъ же день выѣхалъ по желѣзной дорогѣ черезъ Берлинъ въ Лейпцигъ. Тутъ посѣтилъ я несчастнаго Роберта Блюма и былъ очень ласково принятъ имъ. Вечеромъ, мы были съ нимъ въ театрѣ, а по утру онъ отвелъ меня къ одному извощику, обязавшемуся доставить меня благополучно во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ я и очутился черезъ два дня. Отсюда по желѣзной дорогѣ добрался я черезъ Гейдельбергъ и Карлсруэ до Киля, гдѣ пересѣлъ въ омнибусъ и доѣхалъ наконецъ до Страсбурга. Такимъ образомъ,при помощи рекомендательныхъ писемъ, хорошо снабженный деньгами, которые я нашелъ въ портмонэ, я доѣхалъ благополучно до границы Франціи. Не возможно вообразить, что я почувствовалъ, когда увидѣлъ мундиръ французскихъ солдатъ; тутъ только я спокойно вздохнулъ; тутъ только сказалъ себѣ: я свободенъ!

Честь, слава и хвала господу богу! Ему угодно было спасти меня, быть можеть для того, чтобы я обнародовалъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, передъ потомствомъ, жестокости и мученія, которымъ Николай и его правительство подвергаютъ насъ. Эти жестокости и мученія до сихъ поръ не были еще никому досконально и достовѣрно извѣстны.

Я возвратился въ Парижъ ровно черезъ четыре года послѣ того какъ я выѣхалъ изъ него, отправляясь въ Польшу.

БИБЛИОТЕКА

Rättelser.

Напечатано:		Слѣдуетъ читать:
Стран. 1,	строки 16 и 17: Леонъ Залавскій	Леонъ Залѣскій
„ 4,	„ 13: вѣсть	вѣсти
„ 8,	„ 18: деньги	денегъ
„ 9,	„ 23: моего	мнѣ
„ 13,	„ 30: и я тому	я и тому
„ 15,	„ 4: сказаъ	сказалъ
„ —	„ 20: росту	роста
„ 23,	„ 13: несчастіяъ	несчастіяхъ
„ 25,	„ 20: отправиля	отправился
„ 26,	„ 4: назаченный	назначенный
„ 26,	„ 15: видѣть кромѣ Россіи .	видѣть гдѣ бы то ни было кромѣ Россіи
„ 28,	„ 14: мстительиый	мстительный
„ 29,	„ 7: чиновника	чиновника
„ 31,	„ 28: оченъ	очень
„ 39,	„ 19: запрещаюъ	запрещаютъ
„ 63,	„ 4: виниватымъ	виноватымъ
„ —	„ 13: жили	жили
„ 66,	„ 5: н мирѣ	и мирѣ
„ 73,	„ 22: Однако	Однако
„ 78,	„ 9: показали	показали
„ 82,	„ 23: желѣзнымн	желѣзными
„ 83,	„ 21: почью	ночью
„ 101,	„ 15: Оинъ	Одинъ

Читатель благосклонно исправитъ, могущія встрѣтиться, другія незначительныя опечатки.